

П. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

КИРИЛЛО-
МЕФОДИЕВСКОЕ
ОБЩЕСТВО

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОСОВОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1959

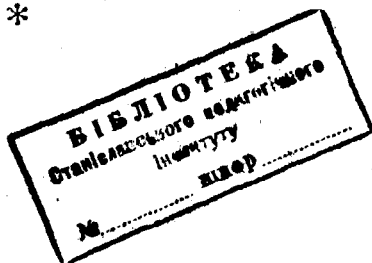
901
3-17

П. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

134614

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ
ОБЩЕСТВО
(1846 — 1847)

*

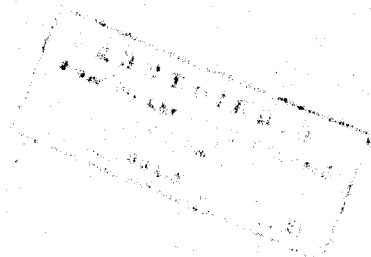
ИБ ПНУС

134614

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1959

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

От автора

Настоящая работа посвящена изучению украинской общественной мысли 40-х годов XIX столетия — истории Кирилло-Мефодиевского общества.

Несмотря на наличие ряда работ, освещающих эту тему, история Общества еще в достаточной степени не изучена.

Публикуемая работа была закончена автором в 1940 г. В 1947 г. основные главы работы в сокращенном виде были опубликованы в третьем выпуске трудов Историко-архивного института.

Возвращаясь в настоящее время к данной теме, мы вновь пересмотрели материалы следственного дела, являющиеся основным источником, а также учли литературу вопроса, вышедшую в свет за последнее десятилетие.

В результате этого был внесен ряд дополнений и изменений в отдельные главы работы.

В приложении помещен основной программный документ Общества «Закон божий», впервые публикуемый на русском языке.

Публикация производится по современной орфографии. Заглавные буквы сохранены в соответствии с подлинником. Описки исправляются и оговариваются в примечаниях. После слов, значение которых неясно, в скобках ставится знак вопроса.

Подчеркнутое в тексте воспроизводится курсивом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Обзор источников и литературы

Обзор источников

Источники по истории Кирилло-Мефодиевского общества можно подразделить по их характеру на четыре группы:

а) программные документы Общества, б) следственные материалы, в) различного рода мемуары, весьма разнообразные по форме. Иногда эти мемуары носят характер автобиографий, в других случаях приобретают форму литературных произведений. К четвертой группе источников относятся публицистические произведения, принадлежащие перу тех или иных членов Общества.

Обратимся к рассмотрению первой группы источников. Следственное дело о Кирилло-Мефодиевском обществе находится в делах первой экспедиции III отделения с. е. и. в канцелярии за 1847 г. под названием «Об украинско-славянском обществе»¹. Программные документы Общества представлены

¹ Следственное дело хранится в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ) в фонде III отделения с. е. и. в канцелярии № 109, I экспедиции, д. № 81, ч. 1—19. Перечень дел:

Часть I «Общие распоряжения по производству следствия и исполнению решения».

- Часть II «О коллежском секретаре Гулаке»
» III «О коллежском ассессоре Костомарове»
» IV «О кандидате Белозерском»
» V «О бывшем учителе Кулине и жене его, сестре Белозерского».
» VI «О художнике Шевченко». (Находится в Киевском музее им. Т. Г. Шевченко).
» VII «О бывшем студенте Навроцком».
» VIII «О студенте Андрузском»
» IX «О студенте Посяде».
» X «О помещике Савиче».

так называемым «Законом Божиим»², запиской Белозерского, являющейся по существу то ли объяснением к уставу, как его называли в III отделении, то ли черновым наброском основных положений Общества, и, наконец, уставом Общества св. Кирилла и Мефодия.

✓ Рукопись «Закон Божий», состоящая из 109 параграфов, находится в следственном деле в 3 экземплярах. В деле Гулака имеется 2 экземпляра. Первый экземпляр — рукопись на русском языке, написанная его рукой, причем, по-видимому, переписывалась им одновременно, так как первые десять параграфов написаны коричневатыми чернилами, а начиная с параграфа 11-го — черными. Подлинность данной рукописи не вызывает сомнения: во-первых, вследствие полной тождественности почерка Гулака с почерком рукописи и, во-вторых, потому, что на последней странице рукописи имеются пятна, представляющие собой следы пребывания ее в месте общественного пользования, куда она была брошена Гулаком во время

Часть XI «О бывшем студенте Марковиче и сестре его девице Керстен».

» XII «О титулярном советнике Ригельмане».

» XIII «О служившем в Кавказском корпусе офицере Хмельницком и вольнослушателе СПб. университета Сердюкове».

» XIV «О Тулубе, Ошанине, Бушене и Славине, Вородинове, Вильцине, Галагане и Чуйкевиче».

» XV «О надворном советнике Чижове».

» XVI «О студенте Петрове и пенсии его матери».

» XVII «О возмутительном воззвании в Киеве и подчинении учебных заведений Киев. воен. губернатору».

» XVIII «О славянофильстве и украинофильстве».

» XIX «Журнал, который веден был во время производства дела и постепенно докладываем государю императору».

² В исторической литературе этот документ именуется «Книгой бытия украинского народа». Однако на наш взгляд, оснований для этого недостаточно. Студент Петров, предавший кирилло-мефодиевцев, в своем доносе именуется документ, содержащий основные идеи Общества «Законом Божиим». Также именуется он и в следственных материалах. На допросе в III отделении 17 апреля 1847 г. Костомаров прямо назвал его «Законом Божиим». На копии этого документа, хранящегося в следственном деле, рукой гр. Орлова написано: «Вот правила, которые они называют «Законом Божиим». (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. I за 1847 г., л. 74). Однако Костомаров в своих воспоминаниях отрицает подобное название «Почему она названа «Закон Божий»? Кто назвал ее таким образом? — писал он. — Мне до сих пор неизвестно, потому что о таком названии я услышал впервые в III отделении». («Вестник Европы», апрель 1910, стр. 42). Отрицание Костомарова нам представляется не убедительным. Ортодоксально-православное мировоззрение Костомарова, которым характеризовался его образ мыслей, особенно в последний период жизни, послужило причиной того, что подобное наименование апокрифического документа им отвергалось. Термин «Книга бытия украинского народа» употребляется П. А. Кулишом в его воспоминаниях о Н. И. Костомарове («Новь», 1885, № 13, стр. 67).

обыска и его ареста 18 марта 1847 г. Эта рукопись была извлечена оттуда чинами полиции, производившими обыск. Рукопись находится в особом конверте, на котором писарским почерком написано следующее: «Оригинал, писанный рукою Гулака на 12 листах о сотворении мира».

Второй экземпляр, находящийся также в деле Гулака, был отобран у него во время обыска в Петропавловской крепости, куда он был перевезен из III отделения. Этот экземпляр представляет собой рукопись, написанную на синей бумаге рукой Костомарова. В рукописи имеются два текста: один на украинском, другой на русском языке; в конце обоих текстов написано воззвание «К братьям украинцам» и «К братьям великоруссиянам и полякам». На рукописи рукой чиновника III отделения написано: «Закон божий», написанный рукой Костомарова, найден в бумагах Гулака».

Третий экземпляр находится в деле Костомарова и представляет собой написанную его рукой рукопись на украинском языке. Рукопись эта является черновым экземпляром. В ней встречается много перечеркиваний, вставок; кроме того, отсутствует нумерация параграфов.

Четвертый экземпляр рукописи, находившийся в деле Белозерского и представлявший собой самодельную тетрадку небольшого формата, состоящую из 17 страниц, в настоящее время утерян.

Кроме того, в части I-й дела № 81 находится копия этой рукописи с экземпляра, написанного рукой Гулака. Эта копия страдает рядом небольших погрешностей. На ней имеется следующая пометка: «Его Величество изволил читать 29 марта 1847 года. г. л. Дубельт». Озаглавлена копия следующим образом: «Вот правила, которые они называют «Законом божием».

Шеф жандармов гр. Орлов во всеподданнейшем докладе царю Николаю I от 26 мая 1847 г. так характеризует происхождение этого документа: «Закон божий» есть ничто иное как переделка книги Мицкевича; переделка же в том состоит, что в «Пилигримке» все приноврвлено к Польше, а в «Законе божием» к Малороссии»³.

В докладе гр. Орлов называет эту рукопись также и «Поднестриянской», причем говорит, что она существовала с 1833 г. Не разрешая здесь вопроса об авторстве «Закона божиего», попытаемся установить правильность выставленного гр. Орловым положения, что «Закон божий» является переделкой сочинения Адама Мицкевича «Книга народа польского и пилигримства польского», вышедшего в Париже в декабре 1832 г.

³ ЦГИАМ, ф. III, отд. № 109, I экс., д. № 81, ч. I, л. 141.

Сопоставление двух этих произведений дает нам возможность установить, что «Закон божий» отнюдь не является переделкой указанной книги Мицкевича.

Однако наряду с этим надо признать большое влияние этого произведения на автора «Закона божия». Это влияние сказывается и в заимствовании литературной формы, и в идейном отношении. Так, основная схема исторического процесса одинакова в обоих сочинениях: бог создал людей свободными — не было ни рабов, ни господ; но люди отреклись от единого истинного бога и создали себе различных кумиров, что и привело народы к порабощению. Несмотря на приход в мир Христа, справедливость не восстановилась. В роли мессии, долженствующего провозгласить на земле царство свободы и справедливости, в первом произведении выступает польский народ, во втором — украинский.

Наряду с заимствованием основной идеи, которая в тот период отнюдь не являлась индивидуальной для Мицкевича, в «Законе божием» мы находим ряд положений, либо отсутствующих у Мицкевича, либо прямо противоречащих его концепции.

Перейдем к рассмотрению этих произведений⁴.

Первые параграфы «Закона божиего» почти целиком совпадают с «Книгой народа польского...»

«Книга народа польского...»

«Вначале была вера во единого бога и существовала в мире свобода и не было ни господ, ни рабов...»

Но с течением времени люди отреклись от единого бога и сотворили себе кумиров... И за это бог ниспослал идолопоклонникам тягчайшую кару — порабощение» (стр. 9).

«Закон божий»

§ 1. «Бог сотворил мир: небо и землю, и населил всяким творением и назначил над всею земною тварью господином человека, повелел ему расти и множиться... И каждому поколению и племени даровал страну, чтобы каждое поколение и племя искало бога... И так поклонялись бы ему все люди и веровали в него и любили бы его и все были бы счастливы.

§ 2. Но род человеческий забыл бога, отдался диаволу, и каждое племя выдумало себе богов, и начала земля поливаться кровью и усеваться пеплом и костями и во всем свете стало горе, нищета, болезни, бедствия и несогласия.

§ 3. Так наказал людей справедливый господь — потопом, войнами, мором и что всего хуже — неволею».

⁴ «Книга народа польского и пилигримства польского» А. Мицкевича цитируется нами по изд. 1917 г., Москва, перевод Виноградова; «Закон божий» — по экземпляру на русском языке, находящемуся в деле Гулака, переписанному его рукой. Приложение 8-е к л. 8.

Далее в «Законе божием» подробно развивается мысль, в чем заключалось это рабство: «люди как скоро натворили себе богов, то тем самым натворили себе царей», а отсюда увеличилась нищета, горе, бедствия. Таким образом, все несчастья происходят от царей. «Нет другого царя, кроме одного царя небесного», — говорит автор «Закона божиего», цари же земные — порождение дьявола. На протяжении 15 параграфов развивается в «Законе божием» мысль о вреде царей. Это положение вовсе отсутствует у Мицкевича. «Книга народа польского...» прямо переходит к тому, что в результате войн, которые люди вели друг с другом, все народы попали под власть римского императора. Далее мы снова обнаруживаем сходство обоих сочинений.

«Книга народа польского...»

«Закон божий»

«И когда, ведя войну, одни брали в рабство других, тогда случилось, что все вместе они подпали власти римского императора.

Император римский назвал себя богом...» (стр. 9—10).

§ 19. «И так наказал Господь род человеческий, большая часть его, самая образованная попала в неволю, в руки римского императора.

§ 20. И сделался римский император царем народов и сам себя наименовал богом».

1) Рабство римского императора Мицкевич сравнивает с рабством в России; в «Законе божием» это сравнение отсутствует.

Далее говорится о том, что бог сжалился над людьми и послал к ним своего сына Иисуса Христа.

Римский император, испугавшись «торжества истины», решает осудить Христа на смерть. Этот момент также трактуется совершенно одинаково в обоих произведениях. Распространение же христианства, превращение его в господствующую религию излагается в «Законе божием» совершенно иначе, чем у Мицкевича. Здесь мы наблюдаем принципиально различную оценку этого явления.

«Книга народа польского...»

«Закон божий»

«...цари, помазанные на царство, во имя божие познали над собой божественный закон, и возродилась на земле справедливость.

...и цари разных народов почли себя братьями и вместе шли под единым символом крестным» (стр. 11—12)

§ 35 «Тогда императоры с господами условились и сказали между собою так: уж нам не искоренить христианства, поднимемся на хитрости, примем сами христианство, извратим учение Христово так, чтобы нам выгодно было, и одурачим народ».

В «Законе божием» подробно излагается, как извратили цари и господа учение Христа. Автор доказывает, что слова Христа «воздадите убо кесарева кесареви» отнюдь не означа-

ют признание христианством необходимости царской власти. Наоборот, «кесарь, принявший веру, должен отказаться от своего кесарства, ибо он, будучи первым, должен быть всем слугою, и тогда б не было кесаря, а был бы единый царь, господь Иисус Христос» (§ 40).

Также опровергаются и апостольские слова о том, что всякая власть от бога: «И хотя апостол сказал: всякая власть от бога, но это не значит, что каждый, присвоивший себе власть, был бы сам от бога. Начальство и устройство и правительство должны существовать на земле, и эта власть, и власть эта от бога, но начальник и правитель обязаны подчиняться закону и народному собранию» (§ 41).

Таким образом, автор «Закона божия» стремится доказать несовместимость монархического образа правления с идеалами христианства. Подобная концепция отнюдь не разделяется Мицкевичем.

В «Книге народа польского...» идеализируются крестовые походы как «войны с язычниками, на защиту христиан братских, на битву за гроб господень». Превращение христианства в господствующую религию рассматривается Мицкевичем как водворение на земле царства свободы и справедливости. «И мало-помалу, но беспрерывно и стройно свобода ширилась, воцаряясь в Европе. От королей шла свобода к высокой знати, и знать, становясь свободной, простирала свободу на дворянство, от дворян изливалась вольность городам и вот уже сходила к народу, и все христианство должно было стать свободным и все христиане равными, как братья» (стр. 12).

Но увидев рост вольности и богатство народов, короли извратили учение Христа и стали сеять вражду между ними, ведя непрерывные войны. Однако, по мнению Мицкевича, не все короли таковы; польский король продолжает стоять на защите веры христовой. Далее оценка деятельности королей, извративших учение Христа, одинакова.

При этом Мицкевич дает убийственную характеристику трем новым королям.

«Последнее время были в языческой Европе новые три короля: имя первому Фридрих II Прусский; другое королевское имя Екатерина, и третье имя — Марии Терезы Австрийской...».

«А...⁵ в переводе с греческого значит чистая, но была она самой распутной из женщин... И эта...⁶ созвала совет для составления нового уложения, что было посмеянием всякому законодательству, ибо все законы близких своих она извратила и упразднила». Такова характеристика Мицкевичем Екатерины II.

⁵ Цензурный пропуск. Подразумевается Екатерина II.

⁶ Цензурный пропуск.

Что касается Великой французской буржуазной революции, то в «Книге народа польского...» о ней вовсе не упоминается, а в «Законе божием» дается резко отрицательная характеристика этому событию: «... взбунтовались французы и сказали: не хотим, чтобы были у нас короли и господа, а хотим быть равными и вольными. Но этого не могло быть, ибо только там свобода, где дух господень, а дух божий давно уже прежде того изгнали из Франции короли, маркизы и философы. И французы убили короля своего и прогнали господ, а сами начали резаться и дорезались до того, что впали в горшую неволю» (§ 54—56).

Наконец, оба автора переходят к истории народа — мессии: «Книга народа польского...» — к истории польского народа, «Закон божий» — украинского. В обоих произведениях довольно последовательно излагается история этих народов, однако и здесь мы находим ряд принципиально различных положений. Так, в «Книге народа польского...» идеализируются польские короли, а также дворянство, «И польские короли шли на защиту христиан в далекие земли... Но никогда короли и мужи-рыцари не захватывали насилем соседних земель, но принимали народы в свое братство, связывая их между собой благотворящими узами веры и вольности» (стр. 19—20).

В «Законе божием» мы встречаем, наоборот, резко отрицательное отношение к царской власти и идеализацию прошлого славян и Украины как своеобразных «республик равных». «Племя славянское еще до принятия веры христовой не имело ни царей, ни господ, и все были равны...» (§ 61). И далее: «Не любила Украина ни царя, ни пана и составила у себя казацтво, т. е. братство, куда каждый вступая, был братом других, был ли он прежде господином или рабом, лишь бы он был христианин; и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собраниях и должны были служить всем по слову христову...» (§ 76).

Кроме того, в «Законе божием» проводится идея объединения славян, отсутствующая в «Книге народа польского...».

В заключение оба документа выражают надежду, что народ — мессия, освободившись от ига порабощения, снова водворит на земле царство справедливости.

«Книга народа польского...»

«Закон божий»

«И как воскресением христовым прекратились на всей земле кровавые жертвы, так прекратятся войны во всем христианстве по воскресении народа польского».
(стр. 23).

§ 109. «И Украина делается независимую Речью Посполитою в союзе славянском. Тогда скажут все народы, указывая на то место, где на карте будет нарисована Украина: вот камень, его же не брегоса зиждущи той бысть во главу угла».

Попытаемся резюмировать наши выводы. Несмотря на то что «Книга народа польского...» оказала сильное влияние на автора «Закона божия», что сказывается в заимствовании литературной формы, несмотря на общность отдельных идейных положений и даже общность взглядов на исторический процесс в целом, где демиургом истории выступает господь бог, перед нами два различных документа, отражающих две различные идеологии: идеологию польского революционного шляхетства и идеологию зарождавшейся украинской буржуазии.

Отсюда в одном произведении известная идеализация польской королевской власти и польского дворянства — рыцарства, в другом — идеи демократизма, идеи всеобщего равенства. Таким образом, «Закон божий» отнюдь не является простой переделкой «Книги народа польского...» Мицкевича применительно к Украине.

Тогда возникает следующий вопрос: кто же является автором «Закона божия»?

Гр. Орлов в своем докладе Николаю I от 26 мая 1847 г. говорит, что эта рукопись была известна с 1833 г. под названием некоей «Поднестриянки»⁷. К подобному утверждению гр. Орлова надо отнести весьма критически. Во-первых, как видно из предшествующего изложения, гр. Орлов ранее утверждал, что «Закон божий» является чуть ли не переводом «Книги народа польского...». Во-вторых, «Закон божий» содержит в себе ряд положений, характерных для кирилло-мефодиевцев, и, наконец, в-третьих, доклад гр. Орлова крайне тенденциозен: желая представить Общество «как ученый бред трех молодых людей», что соответствовало интересам правительства⁸, он могумышленно сослаться на «Поднестриянку» (никогда, по-видимому, не существовавшую), тем самым отрицая значение «Закона божия» как программного документа.

Вместе с тем мы вовсе не отрицаем возможности появления на Украине документов, сходных по своей форме и идейному содержанию с «Законом Божиим», и даже того, что эти документы могли быть использованы автором «Закона божия».

В действительности «Закон божий», являвшийся программным документом Общества, если и не написан, то по меньшей мере авторизован кем-либо из членов Кирилло-Мефодиевского общества. Возникает вопрос: кем же именно?

Костомаров на допросе его в III отделении 15 апреля 1847 г. на вопрос, с какой целью перевел он с польского эту рукопись, отвечает: «А сочинения я не переводил с польского в собствен-

⁷ Версия о существовании «Поднестриянки» была высказана Костомаровым, но она, по-видимому, является вымыслом, так как до сих пор данная рукопись нигде не обнаружена.

⁸ См. гл. V настоящей работы.

ном смысле слова, ибо оно написано было по-малороссийски, и только часть его была по польски, и я в нем перевел то с польского, что было на этом языке»⁹. И далее: на вопрос, кто же является автором этой рукописи, отвечает: «Приписывали его какому-то с иностранною фамилиею, если не изменяет мне память де-Бальмену»¹⁰.

Через два дня в дополнительных показаниях, снова называя автором де-Бальмена, Костомаров, однако, излагает это несколько иначе.

«...рукописное сочинение в духе самой противозаконной украиномании, сочиненное, как я подозреваю по названию в других списках: «Закон божий», де-Бальменом»¹¹.

Следовательно, согласно утверждению Костомарова на первых допросах, автором «Закона божия» является по всем данным гр. Яков Петрович де-Бальмен, сын полтавского помещика, друг Шевченко.

Попытаемся выяснить, так ли было в действительности.

Прежде всего на первом допросе Костомаров говорит о де-Бальмене как о каком-то совершенно неизвестном ему человеке, на втором же, наоборот, выясняется, что де-Бальмен — автор, хорошо, как видно, ему знакомый, так как Костомаров определяет его авторство «по названию в других списках».

Таким образом, здесь явное противоречие. Далее, крайне трудно объяснить, зачем понадобилось писать де-Бальмену по-польски? Правда, надо полагать, что де-Бальмен знал польский язык, так как некоторое время служил в Белгородском уланском полку, стоявшем невдалеке от Люблина, в г. Красноставе, но все же неясно, зачем понадобилось ему писать не на родном языке, да еще именно вторую половину рукописи, в которой особенно подчеркивается мессианская роль украинского народа?

Все это приводит нас к убеждению, что де-Бальмен не являлся автором «Закона божия». Ссылка же на него во время допроса была очень удобна: де-Бальмен в 1845 г. был убит на Кавказе во время Даргинской экспедиции.

В дальнейшем и Костомаров перестал ссылаться на де-Бальмена.

В своем последнем показании от 7 мая Костомаров заявил, что «Закон божий» списал он давно у офицера Кавказского корпуса Хмельницкого, жившего с ним на квартире в Харькове. Хмельницкий, надо полагать, является лицом вымышленным, так как III отделение наводило справки и установило, что

⁹ ЦГИАМ, ф. III, отд. № 109, 1 экзп., д. № 81, ч. 3, лл. 129—130.

¹⁰ Там же, л. 131.

¹¹ Там же, л. 149.

офицер Хмельницкий никогда не служил в Кавказском корпусе.

По нашему мнению, автором «Закона божия» является Костомаров. Подтверждением этого положения служит следующее: в «Автобиографии», продиктованной Костомаровым своей жене Алине Леонтьевне, он говорит: «Около этого же времени (конец 1846 г. — П. З.) я написал небольшое сочинение о славянской федерации, старался усвоить по слогу библейский тон»¹². Это подтверждается анализом рукописи «Закона божьего»: анализируя список, находящийся в деле Костомарова, написанный его рукой и представляющий собой черновик с множеством перечеркиваний и поправок, мы приходим к заключению, что характер этих поправок свидетельствует о том, что они произведены самим автором сочинения.

Кроме этого, можно привести ряд индивидуальных для Костомарова черт и положений, обнаруживаемых в «Законе божием». Значимость каждой из них в отдельности невелика, однако в совокупности они подтверждают правильность высказываемой нами точки зрения. Так, в «Законе божием» мы находим и присущую Костомарову идеализацию прошлого Украины, и употребление древнеславянской терминологии, столь характерное для него, и, наконец, неоднократные ссылки на летописца, что дает основание предполагать в авторе историка. Таким образом, мы полагаем, что автором «Закона божия» является Костомаров. Однако признавая литературное авторство за Костомаровым, мы высказываем предположение, что в идейном направлении книги не могли не принимать участие и другие организаторы Общества: Гулак и Белозерский. Трудно предположить, что Гулак и Белозерский в этом отношении не оказали никакого влияния на Костомарова.

Перейдем к рассмотрению записки Белозерского.

Записка Белозерского, находящаяся в его следственном деле, названная в III отделении объяснением к уставу, представляет собой написанную начерно рукопись с большим количеством поправок стилистического характера, сделанных рукой Белозерского. «Религия Христова дала миру новый нравственный дух», — так начинается свою записку В. М. Белозерский. Ниже говорится, что этот нравственный дух вследствие противодействия властей не мог осуществить на земле царства любви и свободы. Народы по-прежнему томятся в неволе, и в наиболее тяжелом положении находится Украина.

Украина, продолжает автор, может получить свободу только в результате соединения славянских племен, так как самостоятельное ее существование невозможно. Для осуществления

¹² «Автобиография» Н. И. Костомарова. М., 1922, стр. 195—196

этой идеи должно быть организовано Общество. Далее Белозерский излагает основные положения этого предполагаемого Общества. Эти положения в более полной и конкретизированной форме мы находим в уставе Общества, за исключением следующего пункта:

«Подкапывать всеми средствами несправедливые права аристократии и говорить больше о тех лицах, которые к ней не принадлежали, или же действовали сообразно демократическим правилам»¹³.

Таким образом, эта записка содержит в себе основные социально-политические положения Общества. То, что автором ее является Белозерский, не вызывает сомнения.

Устав Общества св. Кирилла и Мефодия представлен в следственном деле в двух экземплярах: один — в первой части следственного дела, переписанный рукой Петрова с экземпляра, находившегося у Гулака, и приложенный Петровым к доносу, и второй экземпляр — в деле Гулака, написанный рукой Белозерского. Оба экземпляра при текстуальной сверке оказываются тождественными.

Как мы уже выяснили несколько выше, почти все положения, изложенные в записке Белозерского, нашли свое отражение и в уставе, однако в более полной и конкретизированной форме.

«Устав Общества св. Кирилла и Мефодия» подразделяется на две части: в первой содержатся «Главные идеи», заключающиеся в шести пунктах и излагавшие политический идеал Общества, и «Главные правила Общества», состоявшие из 11 пунктов и освещающие вопросы организационного характера, а также и основные тактические позиции Общества.

Кто же является автором устава?

На следствии и Белозерский и Гулак приняли авторство на себя, Костомаров же в своей «Автобиографии» называет автором устава также себя. Очевидно, в действительности устав явился плодом коллективного авторства Костомарова, Гулака и Белозерского. Подтверждением этого может служить следующее. Как указывает Костомаров, он составил устав тогда, когда он жил у Гулака и у него вместе с ним возникали мысли о создании Общества. Естественно, что и в разработке устава не мог не принимать участия Гулак. Объяснение к уставу написано Белозерским. Это в свою очередь дает основание предполагать, что и он принимал участие в составлении устава Общества.

Такова характеристика основных программных положений Общества.

¹³ ЦГИАМ, ф. III отд., № 109, I экзп., д. № 81, ч. 4, прилож. 7, л. 3.

Вторую группу исторических источников представляют следственные материалы.

Переходя к характеристике отдельных следственных дел, надо подчеркнуть особую значимость первых четырех частей: часть I — «Общие распоряжения по производству следствия и исполнению решения», — в ней находятся донос Петрова, всеподданнейшие доклады гр. Орлова, а также сосредоточена вся переписка по делу Кирилло-Мефодиевского общества. Далее следует назвать дела Гулака, Костомарова и Белозерского, в которых содержатся, как мы уже говорили выше, основные программные документы Общества, а также переписка их с разными лицами, представляющая большой интерес для изучения идеологии Общества. Необходимо также остановиться на делах Кулиша и Марковича, в которых мы находим планы Общества в области издания литературы на украинском языке. Представляет также интерес и дело Андрузского, в котором содержатся его различные планы социально-политических реформ.

Весьма ценным является также и дело Шевченко, характеризующее его стойкость и мужество во время следствия в III отделении.

Для уяснения изучения идеологии Савича и влияния на него утопического социализма не лишено интереса его дело, в котором мы находим проекты, касающиеся положения женщин, а также отношения его к религии.

И, наконец, дело № 19 — «Журнал, который веден был во время производства дела и постепенно докладываем государю-императору» представляет интерес для понимания отношения правительства к Обществу.

Остальные части следственного дела не лишены также известной научной значимости. Однако для изучения идеологии Общества и его деятельности они менее важны.

Надо отметить, что при изучении материалов следственного дела необходимо сугубо критически относиться к этому источнику. Во-первых, привлеченные к делу вполне естественно стремились скрыть истинные цели Общества и свое участие в нем, во-вторых, само правительство в силу ряда причин было заинтересовано в освещении деятельности Общества в желательном для себя духе, в результате чего Белозерский и Костомаров писали свои показания буквально под диктовку управляющего I экспедицией III отделения Попова.

Обратимся к характеристике третьей группы исторических источников.

Первые сведения мемуарного характера о Кирилло-Мефодиевском обществе мы находим на страницах львовских журналов. Написаны они либо самими деятелями Общества, либо лицами, близко к ним стоявшими.

Такова статья «Жизнь Кулиша», опубликованная в ряде номеров журнала «Правда» за 1868 г. Судя по слогу и характеру изложения, можно полагать, что эта статья написана самим Кулишом. В ней автор вкратце излагает планы Общества, подчеркивая его «мирно-христианский характер». Политический идеал Общества, по словам автора, заключался в соединении всех славянских народов в вольный союз под протекторатом российского императора. Подобное утверждение, как известно, не соответствует действительности и является официальной версией III отделения. Однако вскрыть истинные цели Общества автор, пожалуй, и не считал возможным: слишком незначительное время прошло еще с 1847 г. и иначе изложить задачи Общества было небезопасно и для самого автора.

В 1876 г. в том же журнале «Правда» публикуются «Споминки про Т. Г. Шевченка» его двоюродного брата Варфоломея Григорьевича. Варфоломей Шевченко рассказывает, что в сентябре 1845 г. Тарас Григорьевич приехал в Кирилловку, показывал ему портреты своих приятелей, вместе с которыми он организовал общество, ставящее своей целью распространение просвещения среди народа; для этого они организовали общественную кассу, в которую каждый из членов вносил известную сумму в зависимости от возможности. Биограф Шевченко Конисский опровергает достоверность этих воспоминаний, считая их плодом досужей фантазии самого автора «Споминок». Не настаивая на достоверности сведений, сообщаемых Варфоломеем Шевченко, мы все же считаем возражения Конисского малоубедительными. Так, Конисский, пытаясь доказать фантастичность рассказа В. Г. Шевченко, говорит следующее: Шевченко был в Кирилловке в сентябре 1845 г., а первые попытки организовать Кирилло-Мефодиевское общество относятся к декабрю 1845 г. Следовательно, делает Конисский вывод, это неправдоподобно.

Мы позволим себе несколько усомниться в правильности подобного вывода.

Ведь до создания Кирилло-Мефодиевского общества существовал, как раз в тот период когда Шевченко приезжал в Кирилловку, Киевский кружок молодежи «Киевская молода». Почему не предположить, что Шевченко имел в виду этот кружок, а не Кирилло-Мефодиевское общество? Именно этот кружок, к которому Т. Г. Шевченко был весьма близок и пытался распространить просвещение в народе. Далее Конис-

ский относится крайне недоверчиво к рассказу Варфоломея Шевченко о портретах, которые показывал ему Тарас Григорьевич. Конисский задает вопрос: «какие портреты мог показать Т. Г. Шевченко? Фотографии тогда не было, литографии и дагеротипии были слишком дороги и мало доступны». Однако Конисский забывает, что Шевченко был художник и мог показать портреты, им самим написанные. Таким образом, аргументация Конисского кажется нам неубедительной.

Большой интерес представляет работа Кулиша «Хуторна поезія», опубликованная также во Львове в 1882 г. В предисловии — «Историчне оповідані» Кулиш рассказывает об образовавшемся в Киеве в 1843 — 1844 гг. кружке украинской молодежи, так называемой «Киевской молодежи», «проникнутой христианским духом». Этот кружок — первохристианская коммуна, как называет его Кулиш, — по словам автора, ставил своей задачей освобождение украинского народа. С этой целью члены кружка предполагали вести пропаганду среди просвещенных помещиков о необходимости освобождения ими своих крестьян. Большое влияние, продолжает автор, оказывала на этот кружок поэзия Шевченко, являвшаяся для его членов «гласом воскресной трубы архангела». Это свидетельство Кулиша имеет большое значение, давая возможность установить непосредственных предшественников Кирилло-Мефодиевского общества.

* В 1882 г. в Киеве начинает издаваться журнал «Киевская старина», являвшийся органом украинской либеральной интеллигенции. На страницах «Киевской старины» освещались почти исключительно вопросы истории, культуры и быта Украины. «Киевская старина» опубликовала целый ряд статей, воспоминаний, документов, относящихся к истории Кирилло-Мефодиевского общества, и много сделала для освещения этого вопроса в пределах тех возможностей, которые предоставлялись ей цензурой.

В февральской книжке «Киевской старины» за 1883 г. была помещена статья Костомарова «П. А. Кулиш и его последняя литературная деятельность». В ней автор впервые в печати освещает ряд программных положений Общества.

Далее Костомаров рассказывает об аресте кирилло-мефодиевцев и излагает ход следствия над ними, причем изложение всего этого грешит рядом неточностей, особенно в той части, где изображается поведение в III отделении самого автора.

И, наконец, в заключение Костомаров утверждает, что Кулиш и Шевченко не были членами Общества, да и существование самого Общества как тайной организации им отрицается.

«Собственно самого общества не существовало, так как

нельзя считать организованным обществом разговоры частных лиц, случайно сошедшихся для беседы без всякой предвзятой цели»¹⁴.

Что заставило Костомарова таким образом характеризовать Общество? Как известно, подобная оценка не соответствует истинному положению вещей и совершенно расходится с его же высказываниями в «Автобиографиях», на которых мы остановимся несколько ниже.

Мы полагаем, что подобное высказывание было вызвано либо соображениями цензурного характера, либо, наконец, эволюцией взглядов самого Костомарова, пытавшегося в силу этого отрицать «ошибки своей молодости».

Попытка Костомарова характеризовать Кирилло-Мефодиевское общество подобным образом не единична: в письме к издателю «Колокола», помещенном в № 61 «Колокола» и опубликованном Драгомановым в 1902 г. во Львове, Костомаров по существу также отрицает существование Общества Кирилла и Мефодия.

Большое значение для изучения Кирилло-Мефодиевского общества представляют «Автобиографии» Н. И. Костомарова. Первая редакция ее была продиктована им в 1869 г. Н. Л. Белозерской, вторая — его жене Алине Леонтьевне Костомаровой в 1875 г. Эти редакции мало чем отличаются друг от друга. В первой, продиктованной Белозерской, автор подробно останавливается на программных положениях Общества. Во второй же более подробно излагается арест и ход следствия.

«Автобиография» в первой редакции была опубликована в 1885 г. в пятой и шестой книгах журнала «Русская мысль».

Во второй редакции «Автобиография» была помещена в 1890 г. в «Литературном наследии Н. И. Костомарова» с пропусками ряда глав, в том числе четвертой, содержащей в себе данные об аресте, следствии и ссылке. Эта глава впервые была опубликована в четвертой книге «Вестника Европы» за 1910 г.

Полностью «Автобиография» во второй редакции была опубликована отдельным изданием в 1922 г. вместе с воспоминаниями А. Л. Костомаровой о своем муже. В этих воспоминаниях сообщаются вкратце некоторые сведения об аресте и ссылке Костомарова.

Нельзя не подчеркнуть необходимости критического отношения к «Автобиографиям» как ко всякого рода мемуарам, не лишенным большой доли субъективизма.

Несомненный интерес представляют воспоминания малоизвестного польского поэта Юлиана Белина-Кентжицкого, осве-

¹⁴ «Киевская Старина», 1883, кн. II, стр. 226—227.

щающие его жизнь в Киеве (1845—1847 гг.) и знакомство с Шевченко. Кентжицкий учился в 1845—1848 гг. в Киевском университете, позднее принимал участие в восстании 1863 г., за что и был сослан в Сибирь. Эти воспоминания были опубликованы в 1918 г. в ряде номеров «Gazety Lwowskiej», а несколько позднее были напечатаны на украинском языке в перемышльской газете «Український голос»¹⁵ в 1958 году они опубликованы в книге «Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників».

Большое значение этих воспоминаний, написанных в форме дневниковых записей, заключается в том, что они дают возможность установить попытку Шевченко ознакомить с идеями Кирилло-Мефодиевского общества польскую молодежь. Вместе с тем воспоминания Кентжицкого косвенным образом свидетельствуют также об участии Шевченко в Обществе¹⁶.

В заключение характеристики этой группы исторических источников необходимо остановиться на воспоминаниях А. М. Петрова «Из далекого прошлого», опубликованных в № 5 «Звеньев» в 1935 г.

Автор этих воспоминаний — член Общества, донесший о существовании его следственным властям. Написаны воспоминания в 1883 г. в форме письма в журнал «Киевская старина» в связи с опубликованием в нем статьи Костомарова, касавшейся истории Кирилло-Мефодиевского общества. Воспоминания Петрова носят явно выраженный пологетический характер, в силу чего не могут претендовать в какой бы то ни было степени на объективное изложение событий.

«Я, — писал он в письме в «Киевскую старину», — будучи не согласен ни с правдою, о которой свидетельствует уважаемый ученый, касательно Общества, ни с тою фантастически измышленною правдою, которая касается собственно меня...»¹⁷. Петров пытается уверить своих читателей в том, что никакого предательства он вообще не совершал, сообщив сведения об Обществе лишь своему дяде, профессору математики Киевской духовной академии Подгурскому. По словам Петрова, Подгурский сообщил в свою очередь об этом попечителю Киевского учебного округа Траскину. Будучи вызван к попечителю, Петров якобы был вынужден повторить в письменной форме то, что он говорил своему родственнику.

Петров пишет, что он не назвал ни одного имени, кроме Гулака. «В моем показании, — говорит он, — кроме фамилии

¹⁵ «Український голос» за 13 и 20 марта 1927 г.

¹⁶ Воспоминания Кентжицкого не были известны ни одному из исследователей Кирилло-Мефодиевского общества, в том числе и польскому историку Голомбеку.

¹⁷ «Звенья», кн. 5, М., 1935, стр. 308.

Гулака, не фигурировала ничья другая, да и не могла фигурировать, так как я никого не знал из членов Общества¹⁸. Это утверждение от начала до конца лживо. В действительности в доносе Петрова названы имена ряда лиц, и в том числе Савича, Костомарова, Навроцкого и Шевченко.

К четвертой группе исторических источников принадлежат различные публицистические произведения членов Общества. Большинство этих произведений представляют собой рукописи, содержащиеся в следственном деле. К ним относятся различные проекты социальных преобразований, имеющиеся в деле Андрузского, в частности проекты «Достижение возможной степени равенства и свободы преимущественно в славянских землях», «Идеал государства» и т. д. Сюда же относится и рукописный проект Савича «Освобождение женщин».

Наконец, к этой группе источников принадлежит анонимная брошюра Кулиша «Карманная книжка для помещиков», изданная им в Петербурге в 1846 г. под псевдонимом штаб-лекаря Федора Гладкого.

*
* *
*

Публикация программных документов и следственных материалов начала производиться во второй половине 80-х годов прошлого века.

В 1888 г. профессор Львовского университета Огановский в своей книге «История литературы русской» (ч. II, отд. II.) опубликовал доставленный ему одним из членов Кирилло-Мефодиевского общества устав, ошибочно названный программой. Этот документ опубликован с некоторыми текстуальными погрешностями. В 1893 г. устав Общества был перепечатан в «Русском архиве» (книга 7) и затем неоднократно перепечатывался в «Киевской старине», «Былом» с теми же погрешностями.

В 1892 г. в книге 7 «Русского архива» появилась первая публикация материалов следственного дела: копия всеподданнейшего доклада гр. Орлова об «украино-славянском обществе», а также переписка министра просвещения гр. Уварова с московским попечителем учебного округа гр. Строгановым по вопросу о правительственной точке зрения на славянофильство в связи с делом о кирилло-мефодиевцах.

В февральской книжке «Киевской старины» за 1902 г. по запискам Н. А. Ригельмана, чиновника киевского генерал-губернатора, близко стоявшего к членам Кирилло-Мефодиевского общества, были опубликованы в сокращенном виде по-

¹⁸ «Звенья», кн. 5. М., 1935, стр. 332.

казания Шевченко в III отделении. Надо думать, что Ригельман имел возможность описать их с копий следственного дела, имевшихся в делах киевского генерал-губернатора¹⁹.

В период революции 1905—1907 гг. стало возможным хотя бы частичное ознакомление с материалами следственного дела, и в это время в журнале «Былое» появился ряд документов о Кирилло-Мефодиевском обществе. Так, в августовском номере за 1906 г. были напечатаны основные материалы следственного дела о Шевченко, в книге 2-й за этот же год — прокламации «К братьям украинцам» и «К братьям великороссиянам и полякам», в 1907 г. в августовской книжке — показания Костомарова; в январской книжке «Киевской старины» за 1906 г. проф. Стороженко в статье «Кирилло-Мефодиевские заговорщички» приводит устав общества, выдержки из показаний Гулака, письмо Гулака к Марковичу, а также ответ на него и одно из донесений протоиерея Малова о Гулаке. В 1914 г. в первом номере Киевского журнала «Україна» была помещена имевшаяся в делах III отделения рассмотренная нами выше записка В. М. Белозерского.

В 1915 г. в Киеве в связи со столетием со дня рождения Шевченко «Українське наукове товариство» издало сборник памяти Шевченко, в котором опубликовало целый ряд документов из следственного дела, как ранее печатавшихся, так и публикуемых впервые, а именно: донос студента А. Петрова от 3 марта 1847 г.; допросы Костомарова, Гулака, Белозерского Шевченко и других привлеченных к следствию лиц, а также и другие документы следственного дела.

В послеоктябрьский период издававшийся в Киеве в 1918—1919 гг. журнал «Наше минуле» опубликовал ряд важных материалов следственного дела. В первом номере журнала за 1918 г. были помещены следующие материалы:

- 1) «Закон божий» (украинский текст).
- 2) Прокламация «К братьям украинцам».
- 3) Донесение протоиерея Малова о Гулаке.

Во втором номере журнала за этот же год напечатан всеподданнейший доклад гр. Уварова Николаю I, касающийся славянофильства (в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества), а также выдержки из доклада гр. Орлова от 26 мая 1847 г.

В 1924 г. в кн. 1—2 журнала «Україна» помещена записка Белозерского о сельских школах. В 1925 г. в журнале «Україна» (кн. 1—3) М. М. Новицким были опубликованы материалы следственного дела Т. Г. Шевченко, в том числе бумаги, ото-

¹⁹ После смерти Н. А. Ригельмана эта записка была доставлена в редакцию «Киевской старины» его сыном.

бренные у него при аресте. Публикации предшествовала весьма обстоятельная вводная статья. В 1928 г. в сборнике «За 100 лет», изданном под редакцией М. С. Грушевского, был напечатан ряд имевшихся в следственном деле III отделения писем Костомарова, Кулиша, Белозерского и других. Наконец, в 1950 г. в книге «Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах» были помещены документы из его следственного дела, относящиеся к периоду ссылки.

Таким образом, большая часть основных материалов опубликована. Однако надо заметить, что часть изданий, в которых были сделаны публикации, представляют в настоящее время библиографическую редкость (например, журнал «Наше минуле»).

Обзор литературы

Первая работа, в которой освещалась история Кирилло-Мефодиевского общества, принадлежит перу известного историка В. И. Семевского.

В связи со смертью Н. И. Костомарова в январской книжке «Русской старины» за 1886 г. В. И. Семевский поместил статью «Н. И. Костомаров», в которой он довольно подробно останавливается на истории Кирилло-Мефодиевского общества, основываясь на автобиографии Костомарова, известной автору полностью (включая и цензурные пропуски).

Как и в последующих своих работах, посвященных этому вопросу, В. И. Семевский в этой статье пытается установить преемственную связь кирилло-мефодиевцев с Обществом соединенных славян.

Говоря о следствии, производившемся в III отделении, автор довольно подробно останавливается на роли управляющего I экспедицией III отделения Попова, предложившего как Белозерскому, так и Костомарову составить свои показания в желательном для правительства духе. В. И. Семевский приходит здесь к совершенно правильному выводу: «...значит он (т. е. Попов. — П. З.) благодетельствовал не без ведома своего непосредственного начальника. По всей вероятности, в политику лиц, стоявших во главе III отделения, входило не представлять в слишком ужасном виде дела тех или других арестованных...»²⁰.

К сожалению, в последующих своих работах автор не только не развивает этого положения, а, наоборот, по непонятным нам причинам вовсе умалчивает о нем.

Известный интерес для изучения Кирилло-Мефодиевского

²⁰ «Русская старина», 1886, кн. 1, стр. 190—191.

общества представляет работа А. Я. Конисского «Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко». Эта работа опубликована на украинском языке в 1898 г. во Львове и в этом же году в русском переводе в Одессе. В ней автор излагает историю Общества на основании «Автобиографии» Костомарова и, кроме того, приводит крайне важное свидетельство одного из членов общества Д. П. Пильчикова, переданное лично ему в начале 60-х годов, о том, что в начале 1847 г. число членов общества доходило до 100 человек.

Далее автор утвердительно разрешает вопрос о принадлежности Шевченко к Обществу.

Во время революции 1905—1907 гг. и в предшествовавший ей период революционного подъема увеличился интерес к национально-освободительным движениям прошлого. Кроме того, в это время появилась возможность хотя бы частично ознакомиться со следственными материалами III отделения.

В 1906 г. в первой книге «Киевской старины» проф. Стороженко опубликовал очерк «Кирилло-Мефодиевские заговорщички», основанный на ознакомлении с частью следственного дела. В нем автор подробно цитирует донос студента Петрова, устав и правила Общества. Очерк посвящен главным образом Гулаку, с делом которого автор, как видно, имел возможность детально ознакомиться. Однако эта работа носит чисто описательный характер и не ставит своей задачей глубокий анализ программных положений.

В 1907 г. В. И. Семевский поместил в «Галерею Шлиссельбургских узников» (часть I) очерк «Н. И. Гулак», написанный опять-таки на основе детального ознакомления со следственным делом Гулака в архиве III отделения.

В 1911 г. в «Русском богатстве» была опубликована работа Семевского «Кирилло-Мефодиевское общество». Появление ее связано с 50-летием со дня смерти Т. Г. Шевченко. В 1918 г. эта работа была издана вторично.

50-летний юбилей со дня кончины Т. Г. Шевченко проходил в условиях жесточайшей реакции. Столыпин вел беспощадную борьбу с национально-освободительным движением. Поэтому научная разработка тех или иных вопросов, связанных с историей национально-освободительного движения на Украине и с именем Шевченко, являлась определенным вызовом правительству.

Названная выше монография была напечатана с небольшими пропусками, сделанными по цензурным соображениям; на основе построчной сверки с изданием 1918 г. мы установили ряд пропусков в тексте основного программного документа Общества — в «Законе божием». Так, в издании 1911 г. отсутствует характеристика Екатерины II как распутницы и

мужеубийцы, везде пропущено слово «царь» и, наконец, исключен нижеследующий абзац, касающийся восстания декабристов:

«И голос Украины отозвался в Московщине, когда по смерти царя Александра, русские хотели изгнать царя и дворянство уничтожить, учредить республику и всех славян соединить с нею по образу божественных ипостасей неразделимо и несмешимо; а этого Украина хотела и домогалась почти за 200 лет перед тем. И не допустил до этого деспот: одни кончили жизнь на виселице, других замучили в рудокопнях, третьих отдали на убой черкесам. И царствует деспот над тремя славянскими народами; правит ими посредством немцев, заражает, калечит, уничтожает добрую породу славянскую, но ничего он не делает, ибо голос Украины не умолкнет»²¹.

Таким образом, работа Семевского была опубликована почти полностью, но уже после выхода ее из печати цензурой были исключены целиком III и IV главы данной работы, излагающие содержание «Закона божия» и ход следствия в III отделении; но это было сделано с некоторым опозданием, так как часть номеров журнала увидела свет без соответствующих цензурных манипуляций (так в Московской государственной публичной исторической библиотеке имеются экземпляры журнала, сохранившие полностью эти главы).

В. И. Семевский является по существу первым и, пожалуй, до сих пор единственным исследователем Кирилло-Мефодиевского общества. Он впервые подошел к изучению истории Кирилло-Мефодиевского общества на основе анализа следственных материалов III отделения. Его монография «Кирилло-Мефодиевское общество 1846—47 г.», полностью опубликованная в 1918 г. редакцией журнала «Голос минувшего», до сих пор является наиболее крупной работой о Кирилло-Мефодиевском обществе.

Работа написана на основе ознакомления с главными материалами следственного дела, а также и всей литературой вопроса; однако по независящим от автора обстоятельствам, целиком со всеми материалами следственного дела он знаком не был. Надо думать, что и получаемые им материалы из III отделения были копиями, так как ряд замечаний гр. Орлова на полях следственного дела, имеющих довольно существенное значение, не был ему известен. Нам представляется, что исследователь не имел возможности ознакомиться полностью с делами Андрузского, Кулиша и Савича. Все это вполне естественно обуславливает наличие в работе ряда пробелов, что

²¹ В. И. Семевский. Кирилло-Мефодиевское общество 1846—47 г., изд. журнала «Голос минувшего» 6/г., стр. 45—46.

несколько снижает ее общую значимость. Работа носит почти исключительно описательный характер, что является, бесспорно, одним из основных недостатков ее. Этого не отрицает и сам автор: «В настоящее время я не ставлю своей целью такое исследование (всестороннее. — П. З), так как по причинам, от меня не зависящим, я не мог ознакомиться со *все*м делопроизводством по этому вопросу»²², — говорит в начале своей работы В. И. Семевский.

Анализируя эту работу, нельзя забывать об общей исторической концепции Семевского, являвшегося представителем субъективно-исторической школы позднего народничества. Многие ошибочные положения этой школы мы можем найти и в разбираемой нами работе Семевского. Однако, несмотря на это, значимость данной монографии велика: это первая работа, в которой дается последовательное (пусть неполное) изложение событий, связанных с деятельностью Общества, а также показаны основные моменты следствия.

В. И. Семевский удачно разрешает ряд проблем: подробно излагая общественно-политические взгляды Шевченко, совершенно правильно подчеркивает независимость этих взглядов от идей кирилло-мефодиевцев и даже, наоборот, обратное влияние Шевченко на Костомарова и других. «Очевидно, не историк влек поэта к более радикальным взглядам, а поэт — историка»²³, — говорит Семевский.

Далее автор подробно излагает устав Общества и основной программный документ «Закон божий», причем, исследуя вопрос о происхождении его, совершенно правильно отрицает прямую зависимость «Закона божия» от сочинения Мицкевича «Книга народа польского и пилигримства польского», соглашаясь лишь с тем, что здесь мы имеем косвенное влияние, а отнюдь не копирование, как пытаются утверждать некоторые более поздние исследователи.

Вопросы об идейных предшественниках кирилло-мефодиевцев автор разрешает в основном правильно, пытаясь установить идейную связь Кирилло-Мефодиевского общества с декабристским «Обществом соединенных славян», а также с масонской ложей Соединенных славян, существовавшей на Украине с 1818 г.

В. И. Семевский аргументирует это сходством программных положений Общества соединенных славян и Кирилло-Мефодиевского общества — стремлением тех и других объединить

²² В. И. Семевский. Кирилло-Мефодиевское общество 1846—47 г., стр. 5.

²³ Там же, стр. 12.

славян в славянскую демократическую республику. Известную общность устанавливает Семевский между конституцией Никиты Муравьева и программными положениями Общества. Кроме того, Семевский указывает на интерес, проявившийся членами Общества к движению декабристов. Подтверждением этого является тот факт, что у Костомарова был найден на столе номер «Русского инвалида», в котором были напечатаны официальные сведения о деле декабристов.

Однако наряду с этими положительными моментами нельзя не остановиться на ряде неправильных положений, обуславливающих общей субъективно-исторической концепцией автора. Рассматривая социально-политические взгляды Общества, он не связывает их с конкретно-исторической обстановкой. Отсутствует классовый анализ идеологии Общества. Автор совершенно игнорирует вопрос об оценке правительством деятельности Общества, хотя для ответа на этот вопрос он и располагал необходимыми материалами. Автор не объясняет, почему правительство, имея программные документы Общества, а отсюда зная его истинные цели, вдруг признает правильность показаний Белозерского в отношении политических идеалов Общества, заключавшихся якобы в стремлении объединить всех славян под скипетром государя Российского. Он как бы не замечает этого противоречия. Больше того, автор излагает без комментариев рассказ Костомарова «о добром и порядочном» управляющем I экспедицией III отделения Попове, «помогавшем» ему и Белозерскому составить показания, соответствующие их интересам. В этом вопросе автор делает шаг назад по сравнению с разбиравшейся нами выше его же статьей «Н. И. Костомаров» (1886 г.), где совершенно справедливо была подвергнута сомнению «бескорыстность» Попова.

Остановимся на других работах, посвященных Кирилло-Мефодиевскому обществу. В 1914 г. в Петербурге вышла работа М. С. Грушевского «История украинского народа», в которой автор посвятил специальную главу Кирилло-Мефодиевскому обществу. Глава о Кирилло-Мефодиевском обществе крайне незначительна по размерам и не освещает хотя бы в общих чертах деятельность Общества. Грушевский характеризует кирилло-мефодиевцев как «предшественников современного прогрессивного украинства» в плане «единого потока», не делая различия между Шевченко и Кулишом. Рассматривая их с присущих ему идеалистических буржуазно-националистических позиций, он, естественно, не связывает развитие их идей с определенным этапом общественно-экономической жизни Украины. Отсюда — абстрактная внеклассовая постановка вопроса, изображающая кирилло-мефодиевцев как отдаленных продолжателей дела украинских автономистов XVII—XVIII вв.

Вместе с тем Грушевский, подобно Семевскому, пытается установить идейную связь между «Обществом соединенных славян» и кирилло-мефодиевцами, правда, ограничиваясь лишь идеей славянской федерации, которую он считает безусловно заимствованной у «Соединенных славян».

В 1921 г. профессором М. Возняком была издана во Львове небольшая книга «Кирило-Методіївське братство».

Несмотря на научно-популярный характер работы, она основана на изучении широкого круга опубликованных источников. Основное внимание автор уделяет проблемам идеологии. Весьма подробно анализирует те идеи, которые оказали влияние на формирование взглядов Общества.

М. Возняк совершенно правильно усматривает влияние декабристов на формирование идеологии Общества, а также других течений передовой общественной мысли России (автор отмечает знакомство Шевченко с петрашевцем Момбелли). Вместе с тем он подчеркивает и большое влияние на идеологию Общества передовой польской общественной мысли, в частности «Товарищества объединенных братьев», активную роль в организации которого играл Адам Мицкевич.

Правильно, на наш взгляд, определяет М. Возняк и происхождение «Закона божия», именуемого им «Книгой бытия украинского народа». Отмечая влияние А. Мицкевича, автор полагает, что этот документ представляет собой «оригинальное произведение»²⁴. Авторство «Закона божия» Возняк приписывает Костомарову.

Наименее подробно освещаются автором политические позиции Общества. М. Возняк вовсе не рассматривает идейные позиции отдельных членов Общества, за исключением Т. Г. Шевченко. Касаясь Шевченко, автор подчеркивает огромное влияние его на развитие передовой общественной мысли Украины. При этом отмечается «радикальность, революционность и антимонархичность национально-политических взглядов Шевченко...»²⁵.

Весьма мало места уделяет М. Возняк возникновению Общества, его составу, деятельности, а также аресту и следствию.

Наиболее серьезным недостатком рассматриваемой работы является методологическая концепция автора. Развитие идеологии рассматривается вне связи с материальными условиями жизни тогдашней Украины. В работе, естественно, отсутствует классовая оценка идейных позиций Общества. Все это соответствует методологической позиции М. Возняка, являвшегося представителем буржуазной науки.

²⁴ М. Возняк. Кирило-Методіївське братство. Львів, 1921, стр. 108.

²⁵ Там же, стр. 80.

Известный интерес представляет работа акад. Багаля «Т. Г. Шевченко и кирилло-мефодиевцы», опубликованная им в 1925 г. В этой работе автор дает краткий обзор программных документов Общества, хода следствия, а также пытается подвергнуть анализу идеологические взгляды Общества с позиций «теории исторического материализма».

Давая в основном верную оценку их идеологии, автор довольно нечетко формулирует их классовые позиции, а также те общественно-экономические процессы, которые вызвали к жизни идеи кирилло-мефодиевцев. Пытаясь показать идейную связь «Общества соединенных славян» с кирилло-мефодиевцами, автор стремится также установить и общность их тактических положений. По мнению автора оказывается, что кирилло-мефодиевцы так же, как и «Соединенные славяне» ставили своей основной целью освобождение славянских народов от самовластья, но не революционным путем, а эволюционным, их социальная программа была также минимальной: путем сбора средств организовать выкуп крепостных²⁶.

С подобной оценкой «Общества соединенных славян» согласиться довольно трудно, так как это не подтверждается никакими аргументами и не соответствует действительности.

Далее Багаля останавливается на взаимоотношениях Шевченко и кирилло-мефодиевцев. Отвечая положительно на вопрос о принадлежности Шевченко к Обществу, автор совершенно правильно указывает, что социально-политические взгляды Шевченко носили иной характер. Шевченко—революционер, сторонник немедленного восстания.

В 1925 г. в опубликованной работе М. Е. Слабченко «Матеріали до соціально-економічної історії України ХІХ століття» (т. I) одна из глав посвящена Кирилло-Мефодиевскому обществу. В ней он характеризует его членов как представителей мелкой буржуазии, аргументируя это их социальным положением. Подобная аргументация нам кажется далеко не убедительной. К тому же она и не соответствует действительности. Никто из известных нам членов Общества не принадлежал к мелкой буржуазии.

Далее автор, анализируя «Закон божий» и признавая влияние на него «Книги народа польского...» Мицкевича, подчеркивает, что если «Книга народа польского...» проникнута мессианскими идеями, то «Закон божий» — не столько мессианскими, сколько республиканскими, и этим, по мнению автора, он выгодно отличается от «Книги народа польского...». М. Е. Слабченко подвергает сомнению авторство Костомарова

²⁶ Акад. Багаля. Т. Г. Шевченко і Кирило-Методіївці. ДВУ, 1925 г.

в отношении «Закона божия» и выражает мысль, что автором его является де-Бальмен, на которого ссылается Костомаров во время следствия в III отделении. Следует также отметить, что Слабченко категорически отрицает вхождение в состав Общества Шевченко, аргументируя это положением различием политических взглядов поэта и других членов общества.

✓ В 1928 г. в Харькове была издана книга З. Гуревича «Молода Україна», выдущенная к 80-летию создания Кирилло-Мефодиевского общества. Написанная с вульгарно-социологических позиций, работа Гуревича к тому же окрашена в националистический цвет. Несмотря на привлечение автором широкого круга опубликованных источников, что давало ему возможность детально изучить историю Общества, он приходит к выводам далеко не обоснованным. Так, характеризуя программу Общества, З. Гуревич пишет: «Перед нами типичная программа реорганизации общественных отношений в духе социалистов-утопистов, программа первых украинских народников»²⁷. Естественно, что серьезного доказательства для подобного утверждения привести нельзя. Далее уже без всяких доказательств автор утверждает, что отрицательное отношение членов Общества к Великой французской буржуазной революции объяснялось тем, что в результате этих событий на смену феодальному строю была поставлена новая форма противоречий — классовых²⁸.

Для того чтобы более полно представить себе концепцию автора, приведем характеристику им Общества в целом: «Центральное ядро с мелкобуржуазным идеалом федерации славянских демократических республик на основе истины, свободы, равенства и права собственности; справа аристократ Кулиш, слева — Шевченко — идеолог предпролетариата, и в стороне либерал Андрусский и социалист Савич»²⁹.

Таково содержание этой книги, научная ценность которой весьма сомнительна.

После разгрома «школы» Покровского и развития исторической науки на марксистско-ленинской основе появился ряд работ, освещающих в целом правильно историю Кирилло-Мефодиевского общества.

Так, в изданных Украинской академией наук в 1939 г. «Нариси в історії України» (выпуск 8 — Украина в 1-й половине XIX столетия) автор их Ф. А. Ястребов дает в основном правильную оценку Кирилло-Мефодиевскому обществу: автор связывает возникновение его с развитием капиталистических

²⁷ «Молода Україна», 1928, стр. 42 (перевод с украинского).

²⁸ Там же, стр. 50.

²⁹ Там же, стр. 84.

отношений на Украине и характеризует участников Общества, за исключением Шевченко, как представителей либерально-буржуазной интеллигенции, являвшихся сторонниками реформистского пути. Шевченко он считает представителем революционно-демократического направления.

Аналогичную характеристику Кирилло-Мефодиевского общества и участия в нем Шевченко дает Ф. А. Ястребов в своей статье «Т. Г. Шевченко в революційному русі 30—50-х років XIX століття», помещенной в сборнике, изданном в связи с 125-летием со дня рождения поэта³⁰.

Наряду с этими работами как в предвоенный, так и в послевоенный период появились отдельные статьи, несколько упрощенно и бездоказательно освещающие отдельные стороны истории Общества.

Наиболее типичной в этом отношении является статья А. И. Бортникова «Кирилло-Мефодиевское общество» (Главные идеи и цели), опубликованная в 1939 г. в первом томе Трудов исторического факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

В этой статье, являющейся изложением основных положений диссертации, защищенной автором на одноименную тему в Ленинградском университете, А. И. Бортников совершенно бездоказательно пытается изобразить Т. Г. Шевченко лицом, возглавляющим Общество. Мы вовсе не собираемся отрицать то огромное идейное влияние, которое оказывало творчество Т. Г. Шевченко на развитие передовой украинской общественной мысли, но оснований утверждать, что Т. Г. Шевченко руководил Кирилло-Мефодиевским обществом, нет, и автор не приводит к этому никаких новых данных. В другой статье «Шевченко і організація Кирило-Мефодіївського товариства», опубликованной в сборнике памяти Т. Г. Шевченко — «Збірніку статей до 125-ліття з дня народження 1814—1939», — изданном Киевским университетом в 1939 г., А. И. Бортников снова утверждал, что «революционным вдохновителем и влиятельнейшим участником общества, фактически возглавлявшим его, был Шевченко»³¹. Вообще А. И. Бортникову свойственно принимать желаемое за действительное, не приводя для этого никаких доказательств. Так, в другой своей статье «Из истории отношения русских революционных демократов к украинскому национально-освободительному движению» он без каких-либо оснований утверждает, что «в 1845 году, по окончании Академии Художеств, Шевченко едет на Украину с целью

³⁰ Пам'яті Т. Г. Шевченко. «Збірнік статей до 125-ліття з дня народження 1814—1939». Київ, 1939.

³¹ Указанный сборник, стр. 297.

революционной пропаганды, пробуждения и организации там революционного движения»³².

В других статьях (В. Г. Горбатюк, Ю. О. Ковмир)³³ также бездоказательно гиперболизируются противоречия, несомненно существовавшие внутри Общества. Так, Ю. О. Ковмир прямо утверждает, что в 1846—начале 1847 г. нарастала явно выраженная тенденция к организационному расколу. «Либеральная группа товариства,— утверждает Ю. О. Ковмир,— бере курс на перетворения його в науково-освітню легальну організацію. Це була,— резюмирует автор,— ставка на компроміс з царизмом»³⁴.

Нет сомнения, что внутри Общества имелись разногласия, присущие общественному движению того времени, соответствовавшие двум его тенденциям: революционной и либеральной; однако до раскола было еще весьма далеко.

Нельзя забывать того, что в 40-е годы в антикрепостническом движении лишь определились два направления: революционное и либеральное. В это время наблюдаются лишь начальные моменты размежевания. Только в конце 50-х годов, в период революционной ситуации, революционеры и либералы оказываются в различных лагерях. Именно в это время либералы идут на соглашение с царизмом. Нельзя механически переносить характеристику либерализма 60-х годов на либералов 40-х годов. В 40-е годы либерализм представлял собой бесспорно прогрессивное общественное явление. Характеризуя идеологов буржуазии в предреформенный период, В. И. Ленин в своей работе «От какого наследства мы отказываемся?» писал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вождям буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия,— продолжал он,— поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно

³² Труды Воронежского государственного университета, т. XXV, Л., 1954, стр. 5.

³³ В. Г. Горбатюк. Шевченко і Кирило-Методіївське товариство. Труды Одесского государственного университета, т. I, 1939; Ю. О. Ковмир «Шевченко і Кирило-Методіївське товариство» Наукові записки Житомирського державного педагогічного інституту ім. Івана Франка, т. I. Житомир, 1950.

³⁴ Наукові записки Житомирського державного педагогічного інституту, т. I, Житомир, 1950, стр. 84.

не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»³⁵.

В зарубежной историографии имеется также ряд работ, посвященных истории Кирилло-Мефодиевского общества.

В 1935 г. в Варшаве вышла в свет книга польского историка Голомбека «Bractwo Św. Cyryla i Metodego w Kijowie». Обширная по своему объему работа Голомбека (390 страниц) основана на изучении опубликованных источников и литературы вопроса. Работа в основном правильно освещает историю Общества. Автор указывает на разнородность политических взглядов его членов, выделяя Шевченко как представителя демократического направления. Однако и с точки зрения фактической стороны работа страдает рядом недостатков, объясняющихся как общей концепцией автора, так и незнакомством с материалами следственного дела.

Как ни странно, в рассматриваемой работе весьма мало говорится о связях польского национально-освободительного движения с общественной мыслью Украины и о влиянии первого на идеологию Кирилло-Мефодиевского общества.

Наиболее существенные недостатки заключаются в вопросах методологического характера. Автор рассматривает идеологию Общества с идеалистических позиций, игнорируя ту историческую обстановку, которая породила возникновение этой идеологии. Рассматривая идеологическое содержание программных положений кирилло-мефодиевцев, Голомбек пытается придать им религиозный характер, основанием чего, по его мнению, является само наименование Общества. Все это, естественно, снижает уровень рассматриваемой работы.

За последнее время в зарубежной литературе усилился интерес к истории общественной мысли в России, в частности к украинскому общественному движению 40-х годов. За истекшие три года за рубежом вышли две книги, посвященные истории Кирилло-Мефодиевского общества.

Первая из этих книг представляет несомненный научный интерес. Она принадлежит перу профессора университета в Бордо Жоржу Люсиани (Georges Luciani). Эта работа, называемая «Книгой бытия украинского народа» («Le livre de gènes du peuple ukrainien»), издана в 1956 г. Институтом славяноведения при Парижском университете.

Книга представляет собой публикацию основного программного документа Кирилло-Мефодиевского общества — «Закона божия», получившего позднее наименование «Книги бытия украинского народа». Публикации предпослан весьма обстоя-

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

тельный очерк, посвященный истории Кирилло-Мефодиевского общества, именуемого автором братством (confrérie).

Работа профессора Люсиани основана на изучении основных программных документов Общества, некоторых весьма незначительных материалов следственного дела, мемуарных источников, а также литературы вопроса. Однако автору очерка остался, по-видимому, неизвестен ряд работ, вышедших в свет за последние 30—40 лет.

Исторический очерк, предпосланный публикации, состоит из четырех глав и занимает более половины книги (94 страницы). В первой главе — «Николай Костомаров и Украинский центр в Харькове» — автор освещает детство и юношеские годы Н. И. Костомарова, а также характеризует представителей украинской общественной мысли (Гулака-Артемовского, Метлинского, Максимовича и др.), находившихся в 30-х годах в Харькове и оказавших большое идейное влияние на Костомарова.

Вторая глава посвящена возникновению Кирилло-Мефодиевского общества и его идеологии. Автор, следуя за В. И. Семевским, указывает на влияние, оказанное на кирилло-мефодиевцев декабристами, в частности «Обществом соединенных славян». Вместе с тем профессор Люсиани отмечает влияние на Кирилло-Мефодиевское общество передовой польской общественной мысли (Адам Мицкевич), а также идей западноевропейского панславизма (Шафарик и другие). Все это бесспорно является правильным.

Тактика Общества рассматривается автором как реформистская. В этом вопросе профессор Люсиани целиком солидаризируется с Семевским, просто цитируя его положения. Останавливаясь на вопросе отношения Т. Г. Шевченко к обществу, автор пишет: «Был ли он членом Общества... это решить трудно... С нашей же точки зрения эта постановка вопроса почти не имеет значения. При всех обстоятельствах в итоге остается, а в этом вопросе все согласны, что поэт всегда и полностью рассматривался Костомаровым, Белозерским и Гулаком и их друзьями как восторженный сторонник их панславистской демократической программы»³⁶. Таким образом, вопрос о членстве Шевченко профессор Люсиани по существу оставляет открытым.

Касаясь идейных позиций Шевченко, автор совершенно правильно отмечает, что поэт «шел даже дальше их (организаторов Кирилло-Мефодиевского общества.— П. З.) в этом направлении, упрекая их в умеренности, если не в мягкости»³⁷.

³⁶ Люсиани. Указанная работа, стр. 31—32.

³⁷ Там же, стр. 32.

Это положение, хотя и не содержит прямого утверждения о том, что Т. Г. Шевченко, в отличие от других членов Общества, стоял на революционных позициях, однако дает основание сделать подобный вывод.

Серьезным недостатком работы является тот факт, что профессор Люсиани, анализируя идеологию Общества, рассматривает ее с идеалистических позиций. Автор не связывает возникновение этой идеологии с условиями материальной жизни общества. Профессор Люсиани, по-видимому, игнорирует тот факт, что идеология Кирилло-Мефодиевского общества была порождена особыми историческими условиями — процессом разложения феодально-крепостнического строя и развитием капиталистических отношений.

Объем главы не дал возможности автору ее подробно остановиться на ряде важных вопросов: анализе состава Общества, идейных позициях отдельных его членов, деятельности Общества и т. д.

Третья глава очерка посвящается аресту членов Общества, ходу следствия и приговору над ними. Здесь автор более или менее широко использует воспоминания Н. И. Костомарова, переписку Орлова и Паскевича, в которой первый информировал князя Варшавского о ходе следствия.

К сожалению, автор не использовал материалы следственного дела, в значительной своей части опубликованные в 1915 г. в Киеве в специальном сборнике, посвященном памяти Т. Г. Шевченко. Это обстоятельство не дало возможности профессору Люсиани остановиться на ряде важных вопросов следствия.

Четвертая глава очерка посвящена характеристике программного документа общества, именуемого профессором Люсиани «Книгой бытия украинского народа». В этой главе автор совершенно справедливо утверждает, что анализируемый им программный документ является оригинальным произведением членов Общества. При этом профессор Люсиани отмечает большое влияние произведения Адама Мицкевича «Книга народа польского и пилигримства польского», изданного в Париже в 1832 г.

Говоря об авторстве рассматриваемого им программного документа, профессор Люсиани пишет следующее: «Нам представляется разумным заключить, что он (Костомаров.— П. З.) является не единственным автором книги, представляющей плод коллективного творения членов братства, результатом их долгих бесед и выражением их общей идеи»³⁸.

Остановимся на ряде вопросов, неправильно, с нашей точки

³⁸ Люсиани. Указанная работа, стр. 92.

зрения, освещенных автором. Во-первых, необходимо сказать о наименовании этого программного документа. Широко распространенное в литературе наименование его — «Книга бытия украинского народа», по нашему мнению, неверно.

Второе замечание относится к фактической неточности, допускаемой профессором Люсиани вслед за П. Зайцевым, опубликовавшим «Закон божий» в журнале «Наше минуле» в 1918 г. Профессор Люсиани утверждает, что публикуемый им текст хранится в деле Костомарова. Однако сопоставление публикуемого текста говорит о другом. Опубликованный П. Зайцевым текст, который воспроизводится профессором Люсиани, на самом деле находится не в деле Костомарова, а в деле Гулака³⁹.

Экземпляр, хранящийся в деле Костомарова, содержит ряд небольших разночтений с публикуемым профессором Люсиани текстом. Кроме того, в нем вовсе отсутствует подразделение на параграфы. Сопоставление же опубликованного текста с экземпляром «Закона божия», хранящегося в деле Гулака (являющимся также автографом Костомарова), указывает на их тождество. Как утверждает П. Зайцев в своей публикации в журнале «Наше минуле», рукопись подразделена на параграфы только до 63 параграфа. При этом часть нумерации написана чернилами, а вторая — карандашом. Все это полностью совпадает с экземпляром, хранящимся в деле Гулака.

Последнюю часть рукописи П. Зайцев подразделил на параграфы произвольно, при этом общее число их составило 104. В то же время в другом экземпляре — автографе Гулака — число их составляет 109.

Необходимо сказать, что П. Зайцев не всегда точно воспроизводит текст Костомарова, стремясь исправить языковые погрешности его. Так, в параграфе 3 вместо слова «найгорше» в тексте Зайцева — Люсиани значится «найгірши», в параграфе 5 вместо «только» — «тільки», в параграфе 83 вместо «меж» — «між». Подобные примеры можно значительно умножить.

Несмотря на отмеченные недостатки работы, очерк и публикация профессора Люсиани представляют несомненный научный интерес. В этом отношении книга профессора Люсиани резко отличается от второй вышедшей за последнее время работы.

В 1954 г. в Соединенных Штатах Америки вышла в свет книга, точнее брошюра, некоего Сидорука (John. P. Sydoruk. Ideology of cirillo-methodians and its origin)⁴⁰. Эта брошюра,

³⁹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I эксп., д. № 81, ч. 1, л. 74.

⁴⁰ John. P. Sydoruk. A. ideology of cirillo-methodians and its origin, Chicago, 1954.

написанная с позиций оголтелого украинского национализма, представляет интерес лишь с точки зрения эволюции националистической идеологии. Рассматривая, естественно, взгляды Кирилло-Мефодиевского общества с идеалистических позиций, автор пытается доказать, что в основе этих идей лежала не существующая действительность, а абстрактная идея Запада. «Членам Общества,— пишет Сидорук,— были известны польские и русские тайные организации, но вдохновение их деятельности пришло от западного романтизма, романтического национализма (включая панславизм в его западно-славянской версии)»⁴¹.

Брошюра написана в духе зоологической ненависти к России и всему русскому.

Идеи Общества рассматриваются автором в духе абстрактного украинского мессианизма. «Торжественная манифестация украинского духа, покоящаяся на христианской религии, и искренняя вера в торжество правды, правосудия и братства среди народов»⁴²,— такова, по мнению автора, сущность идеологии Общества.

Из программного документа Кирилло-Мефодиевского общества «Закона божия» Сидорук приводит выдержку о том, что официальные правители должны быть слугами для всего народа. Тут же цитируется им фраза из выступления Эйзенхауэра: «Мы, народ, выбираем руководителей не для того чтобы они правили, а для того чтобы они служили нам». Из этого «сравнительного анализа» Сидорук делает весьма «серьезное» обобщение: «Таким образом мы видим, что эти идеи (идеи Общества.— П. З.) все же продолжают жить»⁴³. Этот «метод исследования» достаточно убедительно свидетельствует о политической конъюнктурности данной брошюры.

⁴¹ Там же, стр. 35.

⁴² Там же, стр. 55.

⁴³ Там же, стр. 60.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Украина в 40-е годы

Вторая четверть XIX века характеризовалась на Украине, так же как и по всей России, кризисом феодально-крепостнических отношений, являвшимся следствием развития в недрах старой социально-экономической системы новых капиталистических отношений.

Основным выражением этого кризиса было резкое несоответствие производственных отношений уровню развития и характеру производительных сил. Показателем разложения крепостного хозяйства и развития капитализма являлся довольно быстрый рост товарно-денежных отношений.

Все это с достаточной очевидностью можно проследить в экономике Украины в рассматриваемый нами период. В сельском хозяйстве первая половина XIX в., особенно вторая ее четверть, характеризуется непрерывным ростом эксплуатации — ростом барщины. Однако, несмотря на это, помещичье хозяйство, основанное на подневольном труде, характеризующемся низким и рутинным состоянием техники, продолжало оставаться малопродуктивным. За исключением небольшой группы передовых в экономическом отношении помещиков, стремившихся к новым капиталистическим методам ведения хозяйства (переход к многопольному севообороту, внедрение машин, проведение агрокультурных мероприятий, применение вольнонаемного труда), преобладающее большинство дворянства продолжало вести свое хозяйство по старинке.

«Большая часть владельцев вовсе не заботится об улучшении сельского хозяйства и в земледелии следует старой методе, заведенной предками; от недостатка собственной изобретательности и нерешительности употребляют испытанные и признанные общепольные средства к удобрению земли происходит, что в Волынской губернии земледелие нисколько не улучшается и из года в год урожай хлеба остается в одинако-

вой численности»¹, — писал во всеподданнейшем отчете за 1846 г. волынский губернатор генерал-майор Каменский.

Аналогичную оценку для Киевской губернии дает известный статистик Д. П. Журавский в своей работе «Описание Киевской губернии», изданной И. Фундуклеем².

Яркую характеристику помещичьих методов ведения хозяйства мы находим у херсонского помещика Ивана Гулака в его статье «О скотоводстве в южном крае России»: «Спросите нас, — писал он, — о годовом приходе, расходе и остатке хозяйственных капиталов, спросите о наличии в гумне немолоченного хлеба, о количестве ожидаемого из него зерна по пробным замолотам, спросите о годовой потребности для своего обихода, об остатках, могущих поступить в продажу, о чистом годовом доходе из имения. Мы будем в крайнем затруднении дать Вам точный ответ, потому что мы не даем таких отчетов и себе»³.

Экстенсивная форма земледелия (трехполье, отсутствие удобрений), низкая производительность крепостного труда — все это обуславливало упадок помещичьего хозяйства.

Однако развитие товарно-денежных отношений вызывало стремление к всемерному увеличению доходности и толкало землевладельцев к изысканию новых источников прибыли: расширению посевных площадей, организации различных промышленных предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства, развитию тонкорунного овцеводства, приносявшего большой доход в связи с усилением спроса на шерсть и т. д.

Если большая часть помещиков пыталась достигнуть этого путем увеличения барщины, обезземеливания крестьян, то наиболее передовая часть стремилась перейти к новым, более передовым методам ведения хозяйства. Однако независимо от воли отдельного лица и его методов хозяйствования все это приводило к расшатыванию крепостной системы. Помещики, стремившиеся сохранять старые крепостнические методы, не в силах были задержать развития нового, ставшего экономической необходимостью; помещики же, применявшие новые методы (внедрение машин, вольнонаемный труд), сами того не сознавая, переходили к капиталистическим формам ведения хозяйства.

Уже с начала XIX в., а особенно с 20-х годов, главным образом в помещичьих хозяйствах, мы наблюдаем быстрый рост

¹ Центральный Государственный Исторический архив УССР (ЦГИА УССР) фонд Канцелярии киевского, волынского и подольского генерал-губернатора № 442, полицейская часть, оп. 1, д. 6476, л. 50.

² И. Фундуклей, «Статистическое описание Киевской губернии», т. II, СПб., 1852.

³ «Журнал министерства Госуд. имуществ» за 1843 г., № 2, стр. 238. Автор статьи отец члена Общества Н. И. Гулака.

тонкорунного овцеводства, приносившего немалый доход в связи с большим спросом шерсти на зарубежных рынках. Если в 1806 г. на всей Украине имелось всего лишь 9 тыс. тонкорунных овец⁴, то в 1837 г. только в Екатеринославской и Херсонской губерниях количество тонкорунных овец, на основании приводимых Скальковским⁵ данных, составляло 1 248 190 голов. У отдельных помещиков в Херсонской губернии поголовье мериносных овец достигало крупных размеров, так у Рувье де Марсейля — 35 тыс., Вассала — 30 тыс., князя Прозоровского — 22 тыс. и т. д.⁶

Большое значение в системе помещичьего хозяйства еще в первой четверти XIX в. приобретает винокурение. Винокуренные заводы являлись главными потребителями ржи; благодаря этому создавался рынок сбыта для этой культуры, являвшейся основной в северной и лесостепной полосах Украины.

Однако к 30-м годам винокурение постепенно теряет свое значение в связи с введением в городах откупной системы и установлением двухверстной откупной полосы. Помимо этого, упадок винокурения на Украине объясняется, по мнению проф. Воблого, также и конкуренцией производителей вина северных губерний. Это совпадает по времени с зарождением свеклосахарной промышленности, сыгравшей большую роль в деле перехода к новым, капиталистическим методам ведения хозяйства. «Введение в севооборот такого корнеплода, как свекла, — говорит В. И. Ленин, — неразрывно связано с переходом к более совершенной системе полеводства, с улучшением обработки земли и корма скота...»⁷. Посевы сахарной свеклы, являющейся, как известно, трудоемкой культурой, вызывали большую потребность в рабочей силе. Помещики начинают широко применять вольнонаемный труд. Ю. Ф. Самарин в своих «Замечаниях об инвентарях, введенных в 1847—1848 гг.» говорит, что «возделывание свекловицы вызвало огромное требование вольного труда, возвысило его ценность и приучило помещиков уважать его. Прежде нанять чужого беглого крестьянина почиталось делом бесчестным, теперь все делают это по необходимости и никто не жалуется. Помещики, возделывающие свекловицу, заывают баб из соседних деревень, они приходят тысячами и договариваются о цене. Другие отбивают их обещанием высшей платы; начинается торг, но о крепостном пра-

⁴ Ф. А. Ястребов. Нариси з історії, України, Київ, 1939, стр. 110.

⁵ А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, т. II, Одесса, 1853, стр. 364.

⁶ М. Е. Слабченко. Материалы до економічно-соціальної історії України XIX століття, т. I, стр. 31.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 249.

ве и псмину нет. Потребность вольного труда так велика, стремление рабочих к нему так неудержимо, что притязания, основанные на букве устарелого закона, как бы умолкли»⁸.

Помещики, не ограничиваясь введением в севооборот свеклы, организовали также и переработку ее. С середины 30-х годов чрезвычайно быстро развивается свеклосахарная промышленность, находившаяся почти исключительно в дворянских руках.

Наконец, огромное значение с точки зрения возникновения новых общественных отношений имел рост торгового земледелия, продажа помещиками хлеба на рынок, что особенно усилилось в начале 40-х годов в связи с ростом цен на внешнем рынке и отменой в середине 40-х годов хлебных законов в Англии. «Производство хлеба помещиками на продажу, — указывал В. И. Ленин, — особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»⁹.

Усиление спроса на зерно вызывало в свою очередь стремление к увеличению производства товарного хлеба. Это вызывало необходимость увеличения посевных площадей, которое происходило либо путем интенсификации барщины, либо за счет привлечения в широких размерах вольнонаемного труда. Последнее обуславливало необходимость перехода к более совершенной системе полеводства, т. е. к капиталистическим методам ведения хозяйства.

Особенно ярко было выражено это стремление у помещиков юга (Херсонская, Екатеринославская губернии), которые к середине века стали занимать ведущее место в производстве товарного хлеба.

Таковы вкратце те экономические процессы, которые характеризовали состояние помещичьего хозяйства в рассматриваемый нами период.

* *

*

Значительное большинство сельского населения на Украине являлось крепостными помещичьими крестьянами. Общее число помещичьих крестьян составляло по 8-й ревизии в 1835 г. 2 579 647¹⁰ ревизских душ (без Таврической губернии). По отдельным губерниям помещичьи крестьяне распределялись следующим образом:

⁸ Ю. Самарин. Замечания об инвентарях, введенных в 1847—1848 гг., Соч., т. II. М., 1878, стр. 5.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

¹⁰ П. Кеппен. Девятая ревизия, СПб., 1857, стр. 199—200.

Киевская	504 589	Полтавская	337 027
Херсонская	151 430	Харьковская	226 136
Подольская	462 750	Черниговская	290 390
Волинская	451 498	Екатеринославская	155 827

Подавляющее большинство земельной площади принадлежало помещикам, и обеспеченность крестьян землей была крайне незначительной. Так, в Киевской, Подольской и Волинской губерниях из общего количества земли — 11 698 522 десятины — на долю помещиков приходилось 7 638 290^{1/2} десятины, на долю же крестьян — 4 060 231 ^{1/2} десятины¹¹.

По исчислению Д. П. Журавского, на одну ревизскую душу в Киевской губернии приходилось в среднем по 2,44 десятины¹². Аналогичную картину мы наблюдаем также и в других губерниях. Так в Полтавской губернии на одну ревизскую душу приходилось в среднем 2,04 десятины, в Харьковской — 2,53 десятины, в Екатеринославской — несколько выше — 3,26 десятины¹³. Однако эти средние цифры не вскрывают подлинной обеспеченности крестьянами землей, так как на Украине земля между крестьянами распределялась отнюдь неравномерно и главным образом сообразно обеспеченности их рабочим скотом.

На Украине мы наблюдаем огромное экономическое неравенство, способствовавшее зарождавшемуся процессу капиталистической дифференциации деревни.

В экономическом отношении крестьянские хозяйства можно разделить на пять разрядов: тягловых, полутягловых, пеших, огородников, или халупников, и, наконец, бобылей или кутников.

К тягловым относились крестьянские хозяйства, имевшие не менее одной пары рабочего скота (волов, лошадей). В свою очередь земельная обеспеченность этого разряда была также различной; так, хозяйства, владевшие несколькими парами рабочего скота, получали соответственно этому больший земельный надел. Полутягловые хозяйства, владевшие одной лошастью или волом, и пешие, не имевшие вовсе рабочего скота, получали уменьшенные земельные наделы; огородники, или халупники, не получали вовсе полевых земельных наделов и владели лишь хатой и усадьбой и, наконец, бобыли, не имевшие никакой собственности, являлись в полном смысле слова пауперами, работавшими как у помещиков, так и у тягловых.

Наибольшей по численности из указанных выше групп были

¹¹ Рукоп. отчет библиотеки Украин. акад. наук, фонд Бибикова, № 23547.

¹² И. Фундуклей. Статистическое описание Киевской губернии, т. II, СПб., 1852, стр. 302.

¹³ И. Н. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 3-е. Л., 1925, стр. 386—388.

пешие, процент которых по отношению ко всему крестьянству, например по Полтавской губернии, составлял 73,35, по Екатеринославской — 60,81¹⁴.

В среднем по Полтавской губернии соотношение земельных наделов следующее¹⁵.

Десятин на 1 тягло		
Тягловые	Полутягловые	Пешие
6,27	3,11	2,79

Необходимо подчеркнуть, что обеспеченность крестьян землей была значительно выше на севере (Черниговская, северные районы Харьковской, Киевской губерний), чем на юге, за исключением степных районов, где крестьяне фактически не имели определенных, закрепленных за ними наделов и обрабатывали землю «по мере сил своих».

✓ Стремясь к расширению посевных площадей, помещики различными путями сокращали крестьянские наделы, или даже полностью обезземеливали своих крепостных, переводя их на месячину. Это явление имело некоторое распространение на Левобережье, где помещичий произвол не регламентировался никакими законами (на Правобережье по инвентарным правилам запрещалось уменьшение земельных наделов, однако и здесь мы наблюдаем подобный процесс, правда, проводимый в завуалированной форме).

• Повинности крестьян по отношению к помещику заключались главным образом в выполнении барщины; нигде барщина не была так распространена, как на Украине. 97—98% крепостных крестьян находилось на барщине; в Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерниях эта цифра достигала почти 100%.

Если общепринятая норма барщины составляла 3 дня в неделю в течение всего года, то в действительности количество барщинных дней превышало эту цифру. Барщина отбывалась различно: либо с души, либо со двора; барщина со двора была выгодна многосемейным, но зато очень тяжело отражалась на малосемейных хозяйствах. Фактическое увеличение барщины достигалось различными путями. Одним из распространенных средств являлось установление заведомо невыполнимых «уроков», что приводило к резкому увеличению количества барщинных дней. Помимо основной барщины, существовала также и дополнительная: летние дни, даремщина, шарварки. Наличие

¹⁴ И. Н. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, Л., 1925, стр. 392—393.

¹⁵ Там же, стр. 395.

барщины не освобождало крестьян и от оброка, существовавшего как в денежной, так и в натуральной форме (денежные и натуральные данины). Киевский генерал-губернатор Бибииков во всеподданнейшем докладе от 23 мая 1845 г. следующим образом характеризовал крестьянские повинности на Правобережье:

«Крестьяне сверх работ по дням и урокам должны платить деньги, работать даремщины (дни, не положенные в число барщины для обработки огородов, полотья их и пшеницы, моченья льна, беленья холста и т. п.), шарварки (исправление сверх барщины дорог, мостов, гатей, мельниц и других хозяйственных строений), летние дни (общий сбор крестьян, сверх барщины, для скошения сена, сбора его в скирды, перевозки хлебов в гумна и т. п.) и проч. — давать овес, сено, лен, хмель, грибы, каплуны, куры, яйца, ягоды, орехи, червец, пиявки, выюны и проч.»¹⁶.

✓ Непомерно высокие повинности приводили к уменьшению посевных площадей, снижению урожайности, а следовательно, к массовому обнищанию крестьянства. Если учесть, что это систематическое разорение сопровождалось самым неограниченным произволом помещиков: массовой поркой, насилиями и прочими издевательствами, — то становится понятным, что положение крестьян ничем по существу не отличалось от рабства.

«...крепостное право, — говорит В. И. Ленин, — особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства»¹⁷.

✓ Известный общественный деятель-славянофил Ю. Ф. Самарин так характеризует положение крестьян на Украине: «Там господствует самое ужасное сочетание бесчувственности и беспорядочности в помещичьем хозяйстве; требования помещиков непомерны; средства истязания развратили народ и сделали его бесчувственным. В имени, которым управляет Т., ежедневно секли от 40 до 60 баб, в том числе и беременных»¹⁸.

Ко всему сказанному надо прибавить, что около половины всех украинских крестьян испытывали на себе еще и национальный гнет, так как подавляющее число помещиков Правобережья принадлежало к польской шляхте.

Киевский генерал-губернатор Бибииков во всеподданнейшем докладе 19 апреля 1843 г. характеризовал положение крестьян следующим образом: «Между тем не смею не доложить Вам,

¹⁶ ЦГИА УССР. Фонд Канцелярии киевского, волынского и подольского генерал-губернатора № 442, полицейская часть, оп. № 1, д. № 5223, л. 13.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 439.

¹⁸ Ю. Самарин. Замечания об инвентарях и о крепостном праве. Соч., т. II, М., 1878, стр. 11.

Государь, что бедственное положение крестьян вообще несколько не изменилось и без улучшений радикальных, без уничтожения главных причин зла измениться не может. По сведениям, которые мною вытребованы только по делам, дошедшим до ревизии уголовных палат, оказывается, что помещики употребляют в работу крестьян по праздникам, сверх инвентарей и положенного числа дней, угнетают их поборами, худо кормят, жестоко наказывают, содержат взаперти, в колодках, бреют головы и проч. (в примечании следует перечисление 45 фамилий помещиков, посессоров, управляющих приказчиков и т. д.— П. З.). Крестьяне от жестокостей и бедности посягают на самоубийства: таковых было в трех губерниях в течение 1842 года 314...»¹⁹.

Характеризуя жестокость помещиков, с которой они наказывали своих крестьян, не выполнявших возложенных на них повинностей, Бибииков писал следующее: «Крестьянка села Босовки Анна Поддубная за то, что вместо 10 пивовок, кои должна была доставить, могла сыскать только одну, была наказана и выкинула ребенка»²⁰.

Такова вкратце характеристика положения помещичьих крестьян.

Наряду с помещичьими крестьянами на Украине находилось 1 436 272 души государственных крестьян²¹. По отдельным губерниям число их было весьма различно, составляя²²:

Киевская	89 647	Черниговская	282 385
Волынская	89 256	Херсонская	39 886
Подольская	53 013	Екатеринославская	203 118
Полтавская	390 867	Харьковская	258 100

Основная масса государственных крестьян находилась в Левобережных губерниях — Черниговской, Полтавской и Харьковской. Значительную часть государственных крестьян в Черниговской и Полтавской губерниях составляли так называемые малороссийские казаки, которых, по данным Министерства государственных имуществ, насчитывалось 533 778 ревизских душ²³. Малороссийские казаки владели землями на праве собственности, однако продавать их они могли только лицам своего сословия. В Харьковской губернии большинство государст-

¹⁹ ЦГИА УССР. Фонд Канцелярии киевского, волынского и подольского генерал-губернатора № 442, полицейская часть, опись 1, д. № 4823, лл. 19—20.

²⁰ Там же, д. 5223, л. 14.

²¹ Кеппен. Девятая ревизия. СПб., 1887, стр. 187—200.

²² Там же.

²³ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837—1887 гг., ч. II, СПб., 1888, стр. 18,

венных крестьян принадлежало к так называемым войсковым обывателям, являвшимся потомками людей, служивших в пограничных слободских полках.

Все эти категории государственных крестьян находились на оброке, за исключением живших в Правобережных губерниях, где большинство из них состояло на барщине.

Несмотря на наличие крепостного права, задерживавшего процесс экономического развития, известные признаки капиталистической эволюции были налицо и в помещичьей деревне. Этому в значительной мере способствовало наличие на Украине подворно-участкового принципа землепользования с весьма неравномерным распределением земли внутри сельского общества. Признаком капиталистического развития в деревне являлся процесс расслоения крестьянства, достигавший на Украине весьма существенных размеров. Особенно интенсивно этот процесс происходил среди государственных крестьян. По данным И. А. Гуржия²⁴, исследователя экономики Украины в до-реформенный период, наем рабочей силы, а также сдача земли в аренду имели большое распространение у значительной части государственных крестьян. На юге Украины, в Екатеринославской и Херсонской губерниях, в связи с развитием торгового земледелия государственные крестьяне арендовали помещичью землю нередко в размере нескольких десятков десятин²⁵.

Расслоение крестьян наблюдалось и в помещичьей деревне, что обуславливало рост эксплуататорских элементов из среды крепостного крестьянства. Так, по свидетельству Г. Н. Галагана²⁶, в 1845 г. в с. Ичне Черниговской губернии значительная часть крестьянской земли была заложена у местных богатеев, также являвшихся крепостными, которые, пользуясь своей силой, всячески эксплуатировали бедноту.

* *

*
—

Усиление крепостного гнета вызывало резкое ухудшение положения крестьянства, что в свою очередь приводило к росту крестьянского движения. В рассматриваемый нами период на Украине происходил целый ряд крестьянских волнений, многие из которых приходилось усмирять с помощью военной силы. По далеко не полным данным, которые приводит И. Н. Игнатович в своей работе «Помещичьи крестьяне накануне освобождения»

²⁴ И. Гуржий. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини ХІХ ст., Київ, 1954, стр. 296.

²⁵ Там же.

²⁶ Киевская Старина, 1899, кн. 11, стр. 231.

дения», общее количество крестьянских волнений на Украине с 1826 по 1854 г. составляло 120, причем преобладающее большинство их относится к концу 30-х и 40-м годам.

Революционное движение на Западе оказывало большое влияние на рост крестьянского движения, главным образом на Правобережной Украине. Краковское восстание и события в Галиции в 1846 г. вызвали нарастание революционных настроений среди крестьянства Киевской, Волынской и Подольской губернии. Так, Васильковский исправник доносил в Киев, что двое крестьян графов Браницких села Трилеса заявили помещицкому писарю: «Скоро будем робить только себя», в Житомирском уезде крестьянин Василий Прут заявил своим односельчанам, указывая на помещицьи дома: «Недолго будут в этих домах паны пановать, а будем мы»; распространялись слухи о передаче помещицких имений казне и резне помещиков (Житомирский уезд)²⁷.

Подобные настроения распространялись по всей Правобережной Украине. Донесения Гайсинского, Сквирского, Дубенского, Кременецкого и других земских исправников красноречиво говорят об этом.

Политика правительства Николая I в отношении крепостного крестьянства была на Украине неодинакова. На Левобережье и в южных степных губерниях (Херсонская, Екатеринославская) правительство не принимало никаких мер для ограждения крестьян от помещицкого произвола. В юго-западном крае, т. е. в Правобережье (Киевская, Волынская и Подольская губернии), правительство стремилось несколько ограничить помещицью эксплуатацию. Это обуславливалось желанием правительства создать себе в лице крестьянства опору против польского дворянства, принимавшего активное участие в национально-освободительном движении.

С этой целью по инициативе киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова в Правобережных губерниях во второй половине 40-х годов были введены инвентарные правила. Инвентарные правила на Правобережье существовали издавна, однако эти инвентари не являлись обязательными для помещиков и потому никакого значения не имели. Уже в начале 40-х годов Бибиков обращал внимание Николая I на положение крестьянства, указывая на необходимость сохранить его «верность и преданность России».

Таким образом, введение инвентарных правил обуславливалось исключительно политическими соображениями. В нояб-

²⁷ ЦГИА УССР, фонд Канцелярии киевского, волынского и подольского генерал-губернатора № 442, секретная часть д. № 132 за 1846 год. л. 51.

ре 1844 г. были созданы Губернские комитеты по разработке инвентарей; 26 мая 1847 г. правительство опубликовало инвентарные правила, несколько видоизмененные в 1848 г.

Содержание инвентарной реформы заключалось в следующем. Вся земля, находящаяся в пользовании крестьян и обозначенная в инвентаре, должна оставаться без изменения, т. е. размер надела не мог быть уменьшен, хотя помещику и предоставлялось право по соглашению с крестьянами заменять участок другим, равноценным по размеру и качеству. Строго регламентировалась барщина: так определялось, что барщину должны отбывать мужчины от 17 до 55 лет и женщины от 16 до 50 лет. Количество дней устанавливалось следующее: тягловому семейству — три для тягловых и один женский, пешему хозяйству — два дня пеших и один женский. Определялось количество сгонных (летних) дней и строительных дней (шарварки). Первых устанавливалось 12, вторых — 8; сгонные дни должны были оплачиваться по особо установленной генерал-губернатором таксе, строительные же дни — компенсироваться «особой выгодой». Помимо этого устанавливались урочные нормы, каждому семейству выдавались рабочие книжки, определялся размер оброка, регламентировалась подводная повинность и т. д. Денежные и натуральные данины были отменены. Однако инвентарные правила не внесли существенных изменений в положение крестьянства.

Об этом сообщал в III отделении начальник IV округа жандармов генерал Бугсгевден. В особой записке «О действиях помещиков по инвентарным правилам и относительно экономов в имениях находящихся», приложенной к докладу от 16/XII 1848 г., Бугсгевден, характеризуя положение в Волынской губернии, писал: «Со введения на Волыни инвентарных правил помещики после бесполезного ропота предприняли умысел подавить это государственное направление, приписывая крестьянам род возмущения... Несколько произведено следственных дел по донесениям земских исправников о возмущении крестьян, и в результате оказалось, что когда владельцы нарушали инвентарные правила, то крестьяне просили дать им то, что высочайшею волею даровано и за что крестьяне были наказаны прежде следствия розгами...»²⁸. Далее Бугсгевден указывал, что помещики, нарушившие инвентарные правила, остаются фактически безнаказанными. «Помещик, — указывал он, — дав подписку, что будет подлежать военному суду за нарушение сих правил, остается свободным, ибо следственные дела

²⁸ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, IV экс., д. № 167, л. 31.

поступают на рассмотрение в судебные места и проходят по инстанциям невероятно долгое время»²⁹.

Таким образом, положение крестьян, в результате введения инвентарных правил не претерпело по существу изменений, а правительство оказалось неспособным предпринять какие-либо действенные меры для проведения в жизнь этого закона.

* * *

Во второй четверти XIX в. на Украине наблюдается быстрый рост промышленности. Для иллюстраций этого достаточно привести следующие цифры: в 1825 г. количество фабрик и заводов составляло 365; в 1844 г. — 1542; рабочих в 1825 г. насчитывалось 15014, в 1846 г. — 51744³⁰.

Промышленное развитие в 40-е годы проходило под знаком борьбы купеческой мануфактуры с вотчинной.

В этот период мы наблюдаем значительный рост купеческой мануфактуры, основанной на свободном труде и более высокой технике, перерастающей зачастую в капиталистическую фабрику.

В первой четверти XIX в. в руках дворянства безраздельно находился целый ряд отраслей промышленности, главным образом связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства (винокурение, полотняная, суконная, свеклосахарная, маслособойная, писчебумажная). В 40-е же годы купеческий капитал, используя свое экономическое превосходство, начинает вытеснять дворянскую мануфактуру из целого ряда отраслей промышленности.

Значительный удельный вес в дворянской промышленности занимало винокурение, хотя и клонившееся уже в то время к упадку. В большинстве имений, особенно крупных, были свои винокуренные заводы. Вся эта отрасль промышленности была основана на крепостном труде.

В 1845 г. в Киевской губернии числилось 372 винокуренных завода, выкурено было 3 186 383 ведра вина; в Черниговской — 442 завода, выкурено — 1 891 148 ведер, в Полтавской — 457 заводов, выкурено — 3 000 000 ведер³¹.

Не менее значительное место в дворянской мануфактуре занимала суконная промышленность. На суконных мануфакту-

²⁹ ЦГИАМ, ф. III, отд. № 109, IV экз., д. № 167, л. 31.

³⁰ Данные заимствованы из Сборников Министерства финансов 1861 г., т. II, кн. 6, стр. 236—238 и кн. 7, стр. 376—409. «Журнал мануфактуры и торговли», ч. II, 1847, стр. 459.

³¹ К. Г. Воблый. Опыт истории свеклосахарной промышленности в СССР. М., 1928, стр. 29.

рах владельцы начинают использовать наряду с крепостными вольнонаемных рабочих. Так, на суконной мануфактуре кн. Радзивилл в 1844 г. работало 348 крепостных и 119 вольнонаемных рабочих³². Суконные мануфактуры достигали больших размеров: на Рясковской мануфактуре кн. Юсупова (Полтавская губерния) имелось 165 ткацких станков с общим количеством рабочих около 900³³. Отдельные владельцы приобретали паровые двигатели (Разумовский, Понятовский).

В 20-х годах на Украине начала зарождаться свеклосахарная промышленность, находившаяся первоначально исключительно в дворянских руках. (В середине 40-х годов из 48 сахарных заводов Киевской губернии только 4 принадлежали не помещикам.)

Первый сахарный завод возник в 1825 г. в с. Макошино Сосницкого уезда Черниговской губернии в имении гр. Кушелева. Конец 30-х и 40-е годы характеризуются особенно быстрым развитием свеклосахарной промышленности.

Эксплуатация свеклосахарных заводов обеспечивала помещикам немалые доходы. Так, по Киевской губернии сахарное производство в среднем обеспечивало 18% годовой прибыли на вложенный капитал; для заводов, имеющих хорошее оборудование, прибыль составляла в среднем 27%, достигая в отдельных случаях 40—50%³⁴.

Погоня за прибылью вынуждала владельцев заводов механизировать производство. Из 21 завода Киевской губернии, вырабатывавших сахарный песок, пять работало с помощью паровых машин. Это вызывало необходимость применения вольнонаемного труда, который достигал сравнительно больших размеров.

Купеческий капитал в 40-е годы закреплял свои позиции в суконной и свеклосахарной промышленности, находившихся ранее целиком в руках дворянства. Так, в Киевской, Черниговской, Волынской и Подольской губерниях купеческие фабрики в суконной промышленности начинают играть довольно значительную роль. То же мы наблюдаем и в свеклосахарной промышленности: из трех рафинадных заводов, находившихся в середине 40-х годов в Киевской губернии, два (Тяшлыцкий и Орловецкий) были в руках купцов Яхненко и Смиренко.

Помимо этого, возникает ряд новых отраслей промышленности, в которых полностью господствовал купеческий капитал.

³² И. Фундуклей. Статистическое описание Киевской губернии, т. III, СПб., 1852, стр. 137.

³³ Ф. А. Ястребов. «Нариси з исторії України», Київ, 1939, стр. 135.

³⁴ И. Фундуклей. Статистическое описание Киевской губернии, т. III. СПб., 1852, стр. 49—52.

В начале 40-х годов в Киеве был построен большой машиностроительный завод братьев Дехтеревых, изготовлявший оборудование для винокурения, свеклосахарных и других заводов. В 1844 г. на этом заводе была впервые изготовлена паровая машина на 20 лошадиных сил для сахарного завода гр. Браницких. Машиностроительные заводы возникают в этот период и в других городах Украины.

Начиная с 20-х годов на Украине, в Донбассе, начала развиваться каменноугольная промышленность. В 1839 г. было добыто 877 600 пудов угля, в 1850 — 3 270 000 пудов³⁵.

Таким образом, уже в 40-е годы мы наблюдаем зарождение капиталистических предприятий, основанных на механизированном труде.

Развитие промышленности на Украине в рассматриваемый нами период проходило не только в условиях конкуренции между купеческой и вотчинной мануфактурой, но и при наличии борьбы между украинским и русским капиталом за господствующее место в промышленности.

На основании данных 1832 г. соотношение фабрикантов и заводчиков Украины по национальностям представляло собой следующее³⁶:

Русских	44,6%
Украинцев	28,7%
Евреев	17,4%
Иностранцев	3,6%
Прочих	5,7%

В силу ряда причин, обуславливавших слабость украинской буржуазии (на которых мы остановимся ниже), ведущую роль в украинской промышленности занимал русский капитал.

* * *

*

Большое значение в промышленности 40-х годов на Украине играло ремесло, как городское, так и сельское.

Значительная часть крестьянства занималась различными промыслами: ткачество сукна, холста, пошивка одежды, вязание сетей и т. д. (хотя по сравнению с Россией процент крестьян, занимавшихся ремеслом, был несколько ниже вследствие отягощения их барщинными работами).

Все эти крестьяне-ремесленники, работавшие у себя на дому, целиком зависели от скупщика. Н. Арандаренко в своих «Записках о Полтавской губернии» следующим образом пи-

³⁵ П. Фомин. Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. I. Харьков, 1915, стр. 42, 100.

³⁶ Таблица составлена на основании данных списка фабрикантов и заводчиков 1832 г.

сал об этом: «Промышленный класс (торговцы. — П. 3.) занимается сборкой табаку, крестьянского сукна, холста, рыбацких и звериных сетей, сала, крестьянского платья, как-то: армяков, свит, тулупов, сапог, шапок, ниток, воску, меду, ветоши и продают это в Ромнах во время Ильинской ярмарки или отправляют в Николаев, Херсон, Одессу»³⁷.

В городах и местечках Украины насчитывалось несколько десятков тысяч ремесленников. В Харьковской губернии в середине 30-х годов было 5 859 цеховых ремесленников³⁸, в Киевской губернии в середине 40-х годов количество ремесленников достигало 14 000 (включая и иногородних)³⁹. Подавляющее число этих ремесленников, потеряв свою самостоятельность, работало либо на хозяина, либо на купца-скупщика.

По исчислениям Журавского, зажиточный сапожник-хозяин имел ежегодно чистого дохода до 400 рублей серебром, в то же время рядовой ремесленник не имел возможности обеспечить своей семье хотя бы полуголодное существование.

Таким образом, состояние ремесла в 40-е годы характеризуется начавшимся процессом разложения мелких товаропроизводителей и развитием капиталистических отношений.

* * *

Как указывал В. И. Ленин, «товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего»⁴⁰.

Поэтому развитие торговли имеет большое значение для понимания процесса зарождения капиталистических отношений.

В 40-е годы мы наблюдаем значительный рост как внутренней, так и внешней торговли.

Рост внешней торговли можно характеризовать динамикой вывоза на внешний рынок из Азово-Черноморских портов. Если в 1840 г. из этих портов вывозилось 1 706 653 пуда пшеницы, то в 1847 г. эта цифра возросла до 5 066 183⁴¹.

Вывоз шерсти в 1814—1824 гг. составлял не более 40 000

³⁷ Н. Арандаренко. Записки о Полтавской губернии, т. III, Полтава, 1852, стр. 184.

³⁸ В. В. Пассек. Очерк Харьковской губернии. Харьков, 1839, стр. 55.

³⁹ И. Фундуклей. Статистическое описание Киевской губернии, т. III, СПб., 1852, стр. 256.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 485.

⁴¹ Небольсин. Статистическое обозрение внешней торговли России, ч. I, СПб., 1850, стр. 52.

пудов, а в 1844—1848 гг.—567 000 пудов⁴². Вывоз льняного семени из Черноморских портов составил в 1836 г. 52 000 четвертей, в 1837 г. — 232 000, в 1845 г. — 415 000 и, наконец, в 1847 г. уже 733 000 четвертей⁴³.

Эти цифры ярко характеризуют рост товарного производства в сельском хозяйстве Украины.

Показателем состояния внутренней торговли являются ярмарки. На Украине ежегодно происходило 11 больших ярмарок. Крупнейшими из них были Крещенская в Харькове и Ильинская в Ромнах. Обороты Крещенской ярмарки в 1847 г. составили по привозу 13 113 736 рублей, по продаже 7 395 690 рублей⁴⁴.

Однако развитие торговли тормозилось отсутствием должных средств сообщения на Украине. «Недостаток хороших водяных и сухопутных сообщений препятствует желаемому развитию торговли»⁴⁵, — жаловался волынский губернатор в своем отчете за 1846 г. Это затрудняло возможности сбыта и создавало огромную разницу в ценах даже в пределах одной губернии.

Развитие торговли на Украине проходило также в условиях борьбы за рынок между украинским и русским купеческим капиталом. Ведущее место в этой борьбе оставалось за русским купечеством, сумевшим закрепить свои позиции на украинском рынке.

Одной из причин слабости зарождавшейся украинской буржуазии являлось двойственное положение ее по отношению русского капитала: если на внутреннем рынке украинская буржуазия вела решительную борьбу с русским капиталом, то в завоевании черноморского рынка более слабый украинский капитал шел в мощном русле русского капитала. Эта двойственность и обусловила слабость украинской буржуазии, облегчив тем самым победу российского капитала в деле завоевания украинского рынка.

И. Аксаков следующим образом характеризует роль русского капитала: «Если проследить происхождение всех сколько-нибудь значительных торговцев украинских городов, то окажется, что все они родом из Калуги, Ельца, Тулы и других чи-

⁴² И. С. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках, СПб., 1858, стр. 197.

⁴³ Скальковский. О хлебопашестве в Новороссийском крае. Цитировано по Воблomu «Опыт истории свеклосахарной промышленности в СССР», стр. 47.

⁴⁴ И. С. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1854, стр. 61.

⁴⁵ ЦГИА УССР, фонд Канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора № 442, полицейская часть, оп. 1, д. № 6576, л. 49.

сто великорусских мест. Ходебщики Ковровского и Вяземского (в действительности Вязниковского. — П. З.) уездов Владимирской губернии, известные под названием офеней, исходив сторону вдоль и поперек и ознакомясь с нею довольно, приписались к городам Новороссийского края, и большинство новороссийского купечества составлена из них. Не говорим про Сумы и Харьков, города, созданные русскими торговцами, но и в Полтаве, Лохвице и Лубнах везде ворочают торговлю «фундаментальной», по купеческому выражению, русские...»⁴⁶.

На основании данных о процентном соотношении купцов по национальности русские купцы составляли 52,6%, в то время как украинцы только 22,2%.

Таким образом, русский капитал делал значительные успехи в области завоевания украинского рынка.

* *
*

Кризис феодально-крепостнической системы, происходивший в результате вызревания в недрах ее новой капиталистической формации, вызывал в 40-е годы оформление в России буржуазной идеологии. Этот процесс был тесно связан со складыванием нации, а отсюда и с развитием национальной культуры.

В силу недостаточного развития капиталистических отношений, а следовательно, и противоречий, присущих капиталистическому способу производства, дифференциация буржуазной общественной мысли к началу 40-х годов еще только лишь намечалась. Оформление двух направлений общественной мысли — революционно-демократического и либерального относится к первой половине 40-х годов. Лишь в середине 40-х годов наблюдаются начальные моменты размежевания, нашедшие свое выражение в разрыве Грановского с Герценом летом 1845 г.

Во второй половине 40-х годов этот процесс усиливается, особенно начиная с 1848 г. Однако до конца 50-х годов, т. е. до периода революционной ситуации, оба направления выступали совместно в борьбе с крепостным правом.

Подобный же ход развития общественной мысли происходил и на Украине, где в 40-е годы внутри буржуазной идеологии начинает оформляться как либеральное, так и революционное направление.

⁴⁶ И. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858, стр. 6.

Общественное движение на Украине было тесно связано с общероссийским, ощущая на себе его могучее воздействие. Наряду с этим развитие общественной мысли на Украине испытывало огромное влияние польского шляхетско-демократического национально-освободительного движения, отмежевавшегося от реакционно-аристократического вскоре после восстания 1830—1831 гг. «Пока народные массы России и большинства славянских стран, — писал В. И. Ленин, — спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только все-российской, не только всеславянской, но и всеевропейской»⁴⁷.

Развитие общественного движения, так же как и общественной мысли на Украине, протекало в условиях полуколониальной зависимости Украины и все усиливавшегося национального угнетения.

Правительство Николая I вообще не признавало существования украинского народа и всячески стремилось к полнейшему слиянию «малороссийских» губерний с «Великороссией». Этому и была подчинена вся политика царизма в указанный выше период. Правительство пыталось уничтожить даже и самое название Украина. Так Слободско-Украинская губерния была переименована в Харьковскую, «Малороссийское генерал-губернаторство» превращено в Полтавскую и Черниговскую губернии.

Фактическими хозяевами Украины были: киевский генерал-губернатор Бибииков, ведавший всей Правобережной Украиной; харьковский и черниговский генерал-губернатор кн. Долгорукий, распространивший свою власть на все Левобережье; юг Украины был подчинен новороссийскому генерал-губернатору гр. Воронцову. Их бесконтрольному хозяйничанию и вверена была вся Украина.

Т. Г. Шевченко в своем стихотворении «Юродивий» так характеризует деятельность этих генералов-губернаторов:

«Во дні фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Та унтер п'яний Долгорукий
Україну правили. Добра
Таки чимало натворили,
Чимало люду оголили
Оці сатрапи ундіра»⁴⁸.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 403.

⁴⁸ Т. Г. Шевченко. Повна збірка творів в п'яти томах, т. II, Київ, 1939, стр. 276.

Все это налагало определенный отпечаток на весь ход социально-экономического развития Украины.

Развитие капиталистических отношений и складывание украинской нации обуславливало развитие национальной культуры. Именно это и явилось причиной того, что во второй четверти XIX в. у формирующейся украинской интеллигенции пробудился интерес к народному быту, языку, фольклорному творчеству.

В конце 20-х и в 30-е годы издавался ряд сборников, содержащих различные произведения украинского фольклора. Так, в 1827 г. М. А. Максимович издал собранные им украинские песни; И. И. Срезневский в середине 30-х годов — несколько сборников «Запорожской Старины», содержащих различные народные предания, песни и т. д.; П. А. Лукашевич — «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни».

В этот период начинается борьба за признание украинского языка. В 1834 г. И. И. Срезневский в своей статье «Взгляд на памятники украинской народной словесности» писал: «В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие русского или польского, как доказывали некоторые, и многие уверены, что это язык есть один из богатейших языков славянских... язык поэтический, музыкальный, живописный»⁴⁹.

С аналогичной точкой зрения выступил в 1839 г. Максимович в своей «Истории древнерусской словесности».

Значительный шаг вперед в первой половине XIX в. сделала украинская литература. Собственно, до этого периода украинская литература представляла собой лишь различные виды народного творчества. Основоположник украинского литературного языка И. П. Котляревский написал свою знаменитую «Энеиду» — юмористическую переработку поэмы Вергилия, и не менее известные комедии «Наталка Полтавка» и «Москаль-Чаривник», имевшие немалое значение в развитии не только украинской литературы, но и украинского театра. Необходимо также назвать П. П. Гулака-Артемовского, творчество которого находилось под большим влиянием Котляревского. Одним из наиболее значительных произведений Гулака-Артемовского является басня «Пан та собака», в которой он выступает против крепостного права. Наконец, нельзя не упомянуть Г. Ф. Квитко-Основьяненко, Е. П. Гребенку, П. А. Кулиша, Я. Т. Кухаренко, сыгравших также известную роль в деле развития национальной литературы. Совершенно исключительное место в украинской литературе занимают произведения Т. Г. Шевченко.

⁴⁹ Пыпин. История русской этнографии, т. III, СПб., 1891, стр. 94.

Т. Г. Шевченко с детства познал все ужасы крепостного права, что и определило антикрепостнический характер его идеологии. Дальнейшее развитие общественно-политических взглядов Шевченко происходило в Петербурге, где он познакомился с передовыми идеями того времени. Шевченко знал свободолобивые произведения Радищева, Пушкина, Лермонтова, Рыльева, Адама Мицкевича. Большое влияние оказали на него революционные воззрения декабристов, знакомство с представителями левого крыла польского национально-освободительного движения.

Творчество Шевченко сыграло огромную роль в деле развития передовой украинской общественной мысли в середине XIX в. Наложив свой отпечаток на весь ход развития украинской культуры, оно имело в первую очередь огромное революционное значение — это было бесстрашное обличение существующего строя, призыв к борьбе за свободу, призыв к беспощадной расправе с угнетателями.

«...Кайдани порвіте
И вражою злою кров'ю
Волю окропіте»⁵⁰.

Так звучит его революционный призыв в «Заповіті», написанной в 1845 г.

Шевченко является подлинным поэтом гнева народного, первым революционером-демократом Украины. «В каждой национальной культуре, — писал В. И. Ленин в своей статье «Критические заметки по национальному вопросу», — есть, хотя бы не развитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»⁵¹. Шевченко и был выразителем этих элементов демократической культуры.

В первой половине XIX в., преимущественно в 30—40-е годы, на Украине появляются первые периодические издания, объективно отражавшие формирующуюся буржуазную идеологию. Большинство этих органов, преимущественно альманахов — «Украинский альманах», «Молодик», «Харьковский демокрит», — издавалось в Харькове.

Зарождение украинского театрального искусства относится также к первой половине XIX в. «Наталка Полтавка», «Москаль-Чарівник», Котляревского- «Сватання на Гончарівці» Квитко-Основьяненко и «Назар Стодоля» Шевченко положили начало украинскому репертуару. Первые украинские труппы,

⁵⁰ Т. Г. Шевченко. Повна збірка творів в п'яти томах, т. I, Київ, 1939, стр. 350.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 8.

в создании которых деятельное участие принимали Квитко-Основьяненко и Котляревский, возникли в Харькове и Полтаве. В 40-е годы любительские украинские спектакли ставились даже в Петербурге в Медико-хирургической академии, как сообщал об этом Шевченко в одном из своих писем Кухаренко.

Процесс складывания украинской нации обуславливал становление буржуазной идеологии. Это находило свое выражение не только в развитии национальной культуры, но и в распространении идей национального освобождения.

По свидетельству П. А. Кулиша, в 1843—1844 гг. в Киеве создается кружок молодежи «Киевская молода», как его называет автор. Этот кружок, на который огромное влияние оказывало творчество Шевченко, ставил перед собой задачу национального возрождения: «Поднять нацию из мрака, который не давал развиваться ее духовным силам, и тем самым калечил ее»⁵². Эту задачу члены кружка пытались осуществить в первую очередь путем пропаганды среди просвещенных помещиков необходимости освобождения крестьян. Наиболее полно эти идеи национального освобождения нашли свое выражение в Кирилло-Мефодиевском обществе.

Таким образом, в 40-е годы на Украине наблюдались значительные успехи в деле развития национальной культуры, а вместе с тем и распространение идей национального освобождения.

* *
*

Рассмотрев социально-экономические процессы, происходившие на Украине в 40-х годах XIX столетия, можно сделать следующие выводы.

Во второй четверти XIX в. процесс разложения феодально-крепостнической системы достигает больших размеров, что и находит свое выражение в кризисе этой системы.

Наряду с господством феодально-крепостнического строя в недрах его развиваются новые капиталистические отношения как в области сельского хозяйства, так и промышленности.

Если большинство помещиков в поисках выхода из кризиса пыталось идти по линии интенсификации и роста барщины, обезземеливания крестьян, то наиболее передовая часть их переходит к новым буржуазным методам ведения хозяйства. Однако это явление не получило большого распространения.

Промышленное развитие в рассматриваемый выше период, несмотря на задерживающее влияние крепостного права, де-

⁵² «Хуторна поезия». Львов, 1882, стр. 7.

лает некоторый шаг вперед. Правительство Николая I независимо от своего стремления сохранить незыблемыми существующие феодально-крепостнические отношения принуждено было самым ходом экономического развития, и в первую очередь в интересах фиска, создавать благоприятные условия для роста промышленности и торговли.

Развитие новых капиталистических отношений было тесно связано с процессом формирования украинской нации, достигшим к 40-м годам такого уровня развития, когда уже в недрах этой формирующейся нации зарождается буржуазия. Этот процесс формирования украинской нации протекал в условиях полуколониальной зависимости Украины от русского царизма, в условиях жесточайшего феодального и национального гнета, что и порождало стремление к национальному и социальному (в антифеодальном значении этого слова) освобождению Украины.) Определяя исторические тенденции в национальном вопросе в период развития капитализма, В. И. Ленин указывает, что для них характерны «пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств»⁵³.

Стремление к национальному освобождению находило свое выражение в первую очередь в развитии украинской культуры и далее в росте национально-освободительных идей среди представителей передовой украинской общественной мысли.

Усиливавшийся же феодальный гнет в условиях кризиса крепостнической системы порождал рост массового стихийного движения крестьян, боровшихся за свое освобождение.

Кризис феодально-крепостнической системы порождал возникновение новой идеологии — буржуазной, внутри которой в 40-е годы оформляется два ее направления: революционно-демократическое и либеральное. Идеологом первого выступал великий украинский поэт Т. Г. Шевченко, выражавший интересы угнетенного крестьянства.

Такова та социально-экономическая обстановка, в которой возникло Кирилло-Мефодиевское общество.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 11.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возникновение и состав общества

Первые попытки организовать Кирилло-Мефодиевское общество относятся к концу 1845 — началу 1846 г. Инициаторами его организации были Н. И. Костомаров, Н. И. Гулак и В. М. Белозерский.

Николай Иванович Костомаров родился в 1817 г. в Острогском уезде Воронежской губернии. Отец его дворянин-помещик, мать — из крепостных крестьян. Отец, по свидетельству Костомарова, не был чужд идей французской революции. «Он любил толковать всем и каждому, что все люди равны, что отличие по породе есть предрассудок, что все должны жить как братья... Любимыми сочинениями его были творения Вольтера, Даламбера, Дидро»¹. Однако все это сочеталось у него с крепостническим своеволием и самодурством, в результате чего он и был убит своими же крепостными в 1828 г.

В 1833 г. Костомаров поступил в Харьковский университет, который окончил в 1836 г. со званием действительного студента. Сдав в 1837 г. экзамен на звание кандидата, Костомаров после непродолжительной службы в качестве юнкера в Кинбурнском драгунском полку возвратился в Харьков и начал готовиться к сдаче магистерских экзаменов, а также работал над диссертацией.

Еще в студенческие годы Костомаров, живя у П. П. Гулака-Артемовского, знакомится с украинской литературой, причем особенно большое влияние оказывала на него украинская народная поэзия. «Меня поразила и увлекла неподдельная прелесть малорусской народной поэзии, — писал он в своей «Автобиографии», — я никак и не подозревал, чтобы такое изящество, такая глубина и свежесть чувства были в произведениях

¹ Костомаров. «Автобиография». «Литературное наследие», СПб., 1890, стр. 5 (далее везде цитируется по этому изданию).

народа, столько близкого ко мне, и о котором я, как увидел, ничего не знал... В короткое время я перечитал все, что только было печатного по-малорусски, но этого мне казалось мало: я хотел поближе познакомиться с самим народом не из книг, но из живой речи, из живого обращения с ним. С этой целью я начал делать этнографические экскурсии из Харькова по соседним селам, по шинкам, которые в то время были настоящими народными клубами»².

Под влиянием этого с 1838 г. Костомаров начинает писать украинские стихи: в 1838 г. он издает под псевдонимом Иеремии Галки написанную им драму на украинском языке «Савва Чалый», в 1839 г. — «Украинские баллады», а в 1840 г. — сборник стихотворений «Ветка». Большинство этих произведений рисует прошлое Украины, причем это прошлое изображается в идеализированном виде: героический быт запорожского казачества представляется автору своеобразной республикой равных: «Як з лісом гора, воны все за одно никого старшого у них не було»³.

В 1843 г. Костомаров на страницах литературного альманаха «Молодик на 1844 г.», издававшегося в Харькове Бецким, выступает в защиту равноправия украинского языка. В статье, посвященной этому вопросу и подписанной Иеремией Галкой (псевдоним Костомарова), он писал: «Язык, называемый обыкновенно малороссийским, которым говорят в юго-западных губерниях и в Галицком королевстве, не есть наречие русского языка, образовавшееся в последнее время; он существовал издавна и теперь существует как наречие славянского корня, занимающее по своему грамматическому и лексическому устройству середину между восточными и западными наречиями огромного славянского племени, наречие правильное, богатое, гармоническое и способное к развитию литературной образованности»⁴.

К этому же периоду относится сближение Костомарова с Харьковским кружком украинской молодежи, по его словам, преданной «идее возрождения малорусского языка и литературы»: «Это были: Корсун, молодой человек, воспитанник Харьковского университета, родом из Таганрога, сын довольно зажиточного помещика; Петренко, бедный студент, уроженец Изюмского уезда, молодой человек меланхолического характера...; Шеголев, студент университета, молодой человек с большим поэтическим талантом, к сожалению рано испарив-

² Костомаров. «Автобиография», стр. 28—29.

³ Журнал Министерства народного просвещения, 1908, кн. 4, стр. 265.

⁴ «Молодик на 1844 год». Харьков, 1843, стр. 157.

шимся; его живое воображение чаще всего уносилось в старую казацкую жизнь; Кореницкий, сельский дьякон: в его стихотворной поэме «Вечерницы» заметна сильная склонность к сатире и влияние Энеиды Котляревского... — наконец, семинарист Писаревский, сын священника, уже писавшего по малорусски и издавшего драму «Купала на Ивана»⁵.

Уже в харьковский период жизни Костомарова появляются у него идеи объединения славян: «Теперь зарождается идея сближения славян: верьте, эта идея разовьется, созреет, и славяне составят федерацию и займут подобающее им место в истории»⁶, — говорил в 1840 г. Костомаров, как передает в своих воспоминаниях его товарищ по Харьковскому университету Ф. К. Неслуховский.

В 1844 г. Костомаров после защиты второй своей магистерской диссертации на тему «Об историческом значении русской народной поэзии» (первая диссертация не была пропущена по инициативе Харьковского архиепископа Иннокентия якобы за непочтительные отзывы о константинопольских патриархах) получил место учителя гимназии в Ровно. В Ровно Костомаров наряду с педагогической деятельностью продолжал вести научную работу, а также занимался собиранием этнографических материалов, что дало ему возможность ознакомиться с бытом крестьян Волынской губернии. В своем письме к Сементковскому от 9 декабря 1844 г., характеризуя тяжелое положение крестьянства, он заключает: «Каторга лучше была бы для них...»⁷.

Осенью 1845 г. Костомаров перешел учителем в Киевскую гимназию, а спустя некоторое время был избран адъюнкт-профессором Киевского университета. В Киеве Костомаров познакомился с учителем П. А. Кулишом, большим поклонником украинской литературы, написавшим к тому времени ряд произведений на украинском языке.

В 1845 г. Костомаров входил в Киевский литературный кружок «Киевская Молода», который, по словам Кулиша, ставил перед собой задачи национального возрождения, а также пропаганды среди помещиков необходимости освобождения своих крепостных крестьян⁸. В этом кружке, помимо Кулиша, принимали участие: черниговский помещик В. В. Тарновский, студенты Киевского университета В. Белозерский и Аф. Маркович, учитель Пильчиков и др.⁹. Близок к нему был также и

⁵ Костомаров. «Автобиография», стр. 36—37.

⁶ «Исторический Вестник», 1890, кн. 4, стр. 138.

⁷ Журнал «Україна», 1925, кн. 3, стр. 48.

⁸ Сведения о «Киевской Молоде», весьма скудные и неопределенные, содержатся лишь в книге Кулиша «Хуторна поезія».

⁹ Стороженко. «Кирилло-Мефодиевские заговорщики», «Киевская Старина», 1906, кн. 1.

Т. Г. Шевченко, оказавший своими произведениями огромное влияние на киевскую молодежь.

В «Киевскую Молоду» в 1845 г. входил также и другой организатор Общества — Н. И. Гулак. Николай Иванович Гулак родился в 1822 г. в Полтавской губернии. Отец его, помещик этой же губернии, переселился позднее в Херсонскую, где владел имением «Новая Прага».

Отец Гулака принадлежал к числу передовых в экономическом отношении помещиков, стремившихся перейти к новым, культурным методам ведения хозяйства. В «Журнале министерства Государственных имуществ» в конце 30 — начале 40-х годов он в ряде статей ставил вопросы об организации искусственного орошения южных степей, о созыве уездных земледельческих съездов в целях развития и подъема сельского хозяйства, о необходимости приобретения помещиками сельскохозяйственных орудий и заведения хорошего скота и т. д.

Во всех своих корреспонденциях И. Гулак ратует за «улучшение нашей земледельческой производительности». По отъезду новороссийского губернатора, И. Гулак «с соседями живет мирно, с крестьянами обращается кротко и снисходительно»¹⁰.

И. Гулак обладал независимым образом мысли; так, в одном из писем к сыну он, советуя ему бросить службу и посвятить себя литературной деятельности, писал: «Что чин? Чины последнее дело».

Н. И. Гулак по окончании юридического факультета Дерптского университета в 1844 г. поступил на службу в канцелярию Киевского генерал-губернатора.

Молодой Гулак унаследовал у отца его передовые взгляды и независимый образ мыслей. Войдя в «Киевскую Молоду» он начал также заниматься и изучением славянского вопроса, знакомясь с произведениями европейских славянистов.

Одним из активных участников «Киевской Молоды» являлся бывший студент Киевского университета В. М. Белозерский. В 1845 г. Белозерский близко сошелся с Н. И. Гулаком и Н. И. Костомаровым: Причины сближения с ними В. М. Белозерский излагает следующим образом: «В это время я познакомился с Костомаровым и Гулаком, которые, подобно мне занимались изучением славянского мира, по разным отраслям, и идея панславизма равно их занимала. Мало-помалу разговоры наши склонились к славянам и общая любовь к ним воодушевила и сблизила нас друг с другом»¹¹.

Следовательно, идея славянского объединения, возникшая в результате стремления к национальному освобождению сво-

¹⁰ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I экз., д. 81, ч. 2, л. 45.

¹¹ Там же, ч. 4, л. 47.

ей родины, явилась тем связующим звеном, которое обуславливало их дружбу, а позднее сделало их политическими единомышленниками. В дальнейшем своем развитии эта идея приобрела конкретно-политическую форму — в виде славянской республиканской федерации.

Таким образом, в начале 1846 г. начинает организовываться Общество, ставящее своей целью объединить все славянские племена в единую федеративную республику, уничтожить крепостное право и т. д.

Н. И. Костомаров в своей «Автобиографии» относит основание Общества к декабрю 1845 — январю 1846 г., к периоду своего пребывания у Н. И. Гулака. «Тут-то впервые явилась мысль о создании общества, которое бы имело целью распространение идеи славянской взаимности и будущей федерации славянских народов на основании полной свободы и автономии народностей»¹².

Костомаров так излагает план этого Общества: «Взаимность славянских народов в нашем воображении не ограничивалась уже сферою науки и поэзии, но стала представляться в образах, в которых, как нам казалось, она должна была воплотиться для будущей истории. Мимо нашей воли стал нам представляться федеративный строй, как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций. Мы стали воображать все славянские народы, соединенными между собою в федерацию, подобно древнегреческим республикам или Соединенным штатам Северной Америки, с тем, чтобы все находились в прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдельную автономию...» В виде предположения мною начертан был устав такого общества, которого главными условиями были: полнейшая свобода вероисповедания и национальностей и отвержение иезуитского правила об освящении средств целями, а потому заранее заявлялось, что такое общество ни в коем случае не должно покушаться на что-нибудь имеющее хотя тень возмущения против существующего общественного порядка и установленных придержащих властей... Товарищи мои искренно приняли эти идеи; самому обществу предположено было дать название общества св. Кирилла и Мефодия»¹³.

Уже в начале 1846 г. организаторы Общества пытались вернуть работу по вовлечению в него членов. Так, студент Посяда на следствии показал, что Костомаров после Пасхи 1846 г. говорил ему, что было бы не худо составить какое-либо обще-

¹² Костомаров. «Автобиография», «Русская мысль», 1885, № 5, стр. 210.

¹³ Костомаров. «Автобиография», «Литературное наследие» Н. И. Костомарова, 1890, стр. 61—62.

ство в духе славянском и читал ему при этом несколько пунктов вроде проекта¹⁴.

К лету 1846 г. Общество обладало уже уставом, представленным собой по существу и устав и программу.

Таким образом, уже в первой половине 1846 г. имелось налицо все необходимое для организации общества: устав, «Закон божий», — излагавший основные идейные положения Общества, и, наконец, знак Общества — плоское золотое кольцо с надписью «Св. Кирилл и Мефодий, январь 1846».

Мы не располагаем какими-либо данными, которые свидетельствовали бы о стремлении Общества установить связь с теми или иными представителями других славянских народов в целях пропаганды своих программных положений.

Нам известна лишь попытка Т. Г. Шевченко ознакомить одного из представителей польской студенческой молодежи с идеями Кирилло-Мефодиевского общества. В этом отношении большой интерес представляет рассказ студента киевского университета Ю. Белина-Кентжицкого, относящийся к 1846 г. «Одного разу забігає до мене Шевченко¹⁵ під вечір і каже: — Приходь до мене сьогодні, як смеркне, поговоримо. Сказав це якимсь таємничим тоном і зацікавив мене...»¹⁶. Далее Кентжицкий сообщает, что лицо, ожидаемое Шевченко, не пришло и свидание состоялось лишь позднее. Здесь, у Шевченко, Кентжицкий познакомился с Костомаровым. Как рассказывает Кентжицкий, разговор первоначально велся по общим вопросам, однако Шевченко стремился перевести его на определенную тему.

«Шевченкові, очевидно, не вистачало терпцю. — Говори, Микола, що маєш казати, — озвався. Костомаров мав заклопотаний вид. — Раз прецінь треба почати, — наполягав Шевченко. Костомаров трохи нерадо відповів. — Так, як є зле, — сказав трохи гарячково, — німці, латинь, англосакси купи держаться, а ми, слав'яни, ходимо кожний своєю дорогою, а то й нерідко у супрязі з ворогом, який велить нам свій віз тягти. Потім замовк, ніби хотів почути, що ми на те скажемо. Запанувала тиша. — Що ж тут порадити? — спитав я обережно. — А що порадити — робити те, що інші роблять. Тут озвався Шевченко. — Говори, — каже, до ладу, а не крути. Я твою думку знаю, нехай ще інші знають. Хочеш світити, а каганець ховаєш під стіл. Костомаров почухав голову. — Трудна справа... Так воно є: ми українці самі нічого не вдіємо — сили не

¹⁴ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I экз., д. № 81, ч. 9, л. 16.

¹⁵ Кентжицкий, так же как и Шевченко, жил в Киеве на Козьем Болоте, и они были соседями.

¹⁶ Биография Т. Г. Шевченка за спгодами сучасників. Київ, 1958, стр. 106.

маємо, Москва тягне до себе, поляки Москові бояться й не довіряють їй, — як і з ким тут починати? З ким — то було б, але як? — Ти мудра голова, — говори»¹⁷.

— Отже так: перш за все треба зібрати всіх учених людей із слов'ян до одного товариства, нехай познайомляться, нехай розговоряться про свої потреби, про долю й недолу, що всякому дошкуляє. Поки люди щось почнуть робити, нехай спочатку познайомляться, нехай знають, що робити, як робити й чи можна щось робити разом. І тільки згодом братися за діло. Ті слова сильно мене вразили. Костомаров нахмурився. Всі ми хвилину мовчали. — Таке братство, — говорив Костомаров далі — нехай стелить дорогу до кращого майбутнього, до федерації слав'ян... — Збирай докули слав'янські голови! Комусь прийдеться позбирати їх і порахувати, — говорив Шевченко. — Коли висиплеш фіру капустяних голівок, то кожна в різні сторони котиться, хтось їх мусить позбирати. — Під одним православним царем і в одній православній вірі всі повинні поєднатися, — загомонив Костомаров. — Ось тобі, бабо, весілля! — відповів йому Шевченко. — Ти, Миколо, хочеш усіх слав'ян до попової хати завернути»¹⁸. Далес на вопрос Кентжицкого о том, какое общеславянское общество думает создать Костомаров, последний ответил следующее: «**Е** Треба це так назвати, щоб перед кожним правительством покришка була, наприклад, братство св. Кирила и Мефодія, — добавив Костомаров, маючи очевидно вже готовий план»¹⁹.

По мнению Кентжицкого, Костомаров остался неудовлетворенным этой беседой. «Він не хотів бути щирим зі мною, а я не міг уявити собі федерації слав'ян серед таких умов, де з однієї сторони тиснуть німці, а з другої — ніби слав'янська Москва, а допомоги нізвідки»²⁰.

Это утверждение Кентжицкого представляется нам совершенно справедливым. Действительно, Костомаров не был с ним искренен. Тезис Костомарова об объединении всех славян под скипетром русского царя находится в полном противоречии с программными положениями Общества.

Кентжицкий говорит, что знакомство его с Костомаровым не получило дальнейшего развития. Идея объединения славян под эгидой православной церкви и «белого царя» не могли быть приняты ни Кентжицким, ни его товарищами. «Для тієї його федерації ніхто либонь не відцурається від своє

¹⁷ Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників. Київ, 1958, стр. 106—107.

¹⁸ Там же, стр. 107.

¹⁹ Там же, стр. 108.

²⁰ Там же.

народності, ні від своєї віри»²¹, — резюмує він. «Серед наших та думка теж не знайшла визнання»²².

Таким образом, эта попытка окончилась неудачей. Однако сам по себе этот факт представляет несомненный интерес. Рассказ Кентжицкого свидетельствует об упорном желании Шевченко ознакомить поляков с существованием Общества. Будучи человеком весьма активным, он стремился распространять идеи славянской федерации среди представителей польской революционной молодежи. Однако это, как видим, встретило противодействие со стороны Костомарова. Ничем иным, как нежеланием Костомарова ознакомить Кентжицкого с идеями кирилло-мефодиевцев, можно объяснить стремление его представить Общество как организацию, стоящую на великодержавных позициях, что находилось в прямом противоречии с истиной.

Прежде чем перейти к характеристике состава общества, мы позволим себе остановиться на выяснении характера общества с точки зрения его организационной оформленности, а отсюда и конкретизировать понятие «член Общества».

Если рассматривать Кирилло-Мефодиевское общество как вполне сложившееся тайное общество с организационно оформленным членством, то на основании имеющихся у нас источников мы можем считать членами его лишь Костомарова, Гулака, Белозерского, Навроцкого, Пильчикова и Петрова.

Принадлежность к Обществу Костомарова, Гулака и Белозерского мы устанавливаем на основании следующих данных: 1) обнаружения у них программных документов общества (Устав общества и «Закон божий»), в составлении которых они принимали то или иное участие, что не отрицалось ими и на следствии; 2) доноса провокатора Петрова; 3) на основании их собственных показаний в III отделении; 4) и, наконец, свидетельства об этом Костомарова, сообщаемого им в своей «Автобиографии».

Участие Навроцкого подтверждается сообщением Петрова, показаниями на следствии студентов Андрузского, Посяды, а также показаниями Белозерского о получении им от Навроцкого переписанной рукой последнего рукописи «Закона божия». На допросе от 26 апреля Белозерский показал, что рукопись «Закон божий» переписана Навроцким²³, а на очной ставке 15 мая заявил, что найденную у него рукопись «Закон божий» он получил от Навроцкого²⁴. Об участии в обществе Нав-

²¹ Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників. Київ, 1958, стр. 108.

²² Там же, стр. 109.

²³ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 4, л. 91.

²⁴ Там же, ч. 7 за 1847 г., л. 24.

роцкого сообщает также и Костомаров в своей «Автобиографии».

Что касается Пильчикова²⁵, то основанием считать его членом Общества, по нашему мнению, служит, во-первых, показание об этом студента Андрузского, который на допросе от 14 апреля, характеризуя Пильчикова как члена Общества, говорит, что он «до отъезда в Полтаву только и бредил республикой»²⁶, во-вторых, личное подтверждение об этом самого Пильчикова, сообщенное им Конисскому, биографу Шевченко²⁷, и, наконец, в-третьих, Костомаров в «Автобиографии», называя Пильчикова членом Общества, характеризует его как одного из самых деятельных распространителей идей Общества.

Наконец, студент Петров, сын жандармского офицера, был принят Гулаком в члены Общества с соблюдением необходимых, указанных в уставе, формальностей в конце декабря 1846 г.

Однако Кирилло-Мефодиевское общество не было еще оформленной организацией.

Студент Андрузский, арестованный по делу Кирилло-Мефодиевского общества, дает на следствии, по нашему мнению, правильную характеристику Общества: «Особенной организации оно не имело, связывалось и держалось доброю волею каждого, а не какими-либо положениями и уставами. Главная цель, соединявшая всех, была: соединение славян воедино, принимая за образец Соединенные Штаты или нынешнюю конституционную Францию»²⁸.

Характеризуя Кирилло-Мефодиевское общество как организацию еще не оформившуюся мы должны в силу этого рассматривать и само понятие «члена Общества» значительно шире.

Определяя это понятие, мы считали возможным руководствоваться следующими положениями.

1. Признанием основных программных положений Общества, заключавшихся в стремлении к объединению славян в форме демократической федеративной республики. (Эти основные программные положения можно сформулировать следующим образом: а) упразднение крепостного права, б) уничтожение царизма, в) объединение славян в федеративную демократическую республику).

²⁵ Он же упоминается в следственном деле как Пильщикова.

²⁶ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 8, л. 26. В подлиннике Пильщикова ошибочно назван «Пальчиковым».

²⁷ А. Я. Конисский. Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Одесса, 1898, стр. 227.

²⁸ ЦГИАМ, ф. III отд., № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 8, л. 14.

2. Тесной связью данного лица с организаторами Общества и известным участием в его деятельности.

3. Признанием факта принадлежности к Обществу либо личным свидетельством, либо показаниями других лиц.

В соответствии с данным определением, помимо Костомарова, Гулака, Белозерского, Навроцкого, Пильчикова и Петрова, мы можем считать, также членами Общества литератора Кулиша, студентов Марковича, Андрузского, Посяду, помещика Савича и, наконец, Шевченко.

П. А. Кулиш²⁹ родился в 1819 г. в Черниговской губернии, невдалеке от г. Новгород-Северска. Отец его — зажиточный хуторянин.

Кулиш окончил 5 классов Новгород-Северской гимназии, после чего работал учителем в различных помещичьих семьях, подготавливая детей к поступлению в гимназию.

В 1839 г. Кулиш выдержал экзамен в Киевский университет, но не был допущен к слушанию лекций за отсутствием дворянского звания. В начале 40-х годов он работал в дворянских училищах, первоначально в Луцком, а позднее в Киево-Печерском.

Уже в 1842 г. Кулиш пишет свое первое литературное произведение «Михайло Чернышенко», роман из казачьей жизни, а в 1843 г. — поэму «Украина», излагающую историю Украины до восстания Хмельницкого. Идейное содержание «Украины» достаточно ясно характеризует тогдашние настроения Кулиша: «Нема на світі благочестівшої землі, над нашу Вкраину»³⁰, — так начинается он свою поэму.

Принадлежность Кулиша к Обществу устанавливается на основании его тесного общения с Костомаровым, Гулаком и Белозерским. Об этом свидетельствует как оживленная переписка, в которой в той или иной степени обсуждались вопросы будущей Украины, так и совместные действия в области распространения просвещения в народе (что являлось одним из программных положений кирилло-мефодиевцев).

При обыске у Кулиша была обнаружена следующая заметка³¹:

«Деньги для добрых дел»

	Р.	К.
«1846 г. 1 июля К. П.	245	65 асс.
в сент[ябре] Г. Н.	25	

²⁹ Он же Кулеш. Как в следственных материалах, так и в личных подписях значится Кулеш.

³⁰ П. А. Кулиш. Полное собрание сочинений, т. 1, Киев, 1908, стр. 1.

³¹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. 81, ч. 5. «Бумаги Кулеша» — вложение № 14-е.

март — Б. В.	17	60
окт. Б. В.	21	
1 дек[абря] К. П.	112	
1 янв[аря] Г. Н.	35	
1 марта К. П.	100	

Кулиш следующим образом объясняет значение этой записи: «Я, Костомаров, Гулак и Василий Белозерский условились для издания малороссийских книг делать складчину так, чтобы ежемесячно каждый откладывал сколько может денег от своего жалования»³², и далее «К. П. значит Пантелеймон Кулиш, Г. Н.— Гулак Николай, Б. В.— Белозерский Василий»³³. Следовательно, общественная касса находилась у Кулиша.

Кроме того, о принадлежности Кулиша к Обществу сообщает в своих показаниях на следствии Андрузский³⁴.

Хотя Кулиш на протяжении всей своей жизни и отрицал какое-либо отношение к Обществу, однако его собственное высказывание в воспоминаниях о Костомарове служит косвенным доказательством его принадлежности к Обществу. «Он (Костомаров. — П. З.) привлек меня, — пишет Кулиш, — своими историческими, этнографическими и политическими беседами. Да, политическими. В начале нашей жизни мы были не столько литераторами, сколько политиками, и это обстоятельство погубило много лучших лет»³⁵. Все это дает нам основание считать Кулиша членом Общества.

Афанасий Васильевич Маркович, окончивший в 1846 г. Киевский университет, происходил из безземельных дворян Полтавской губернии.

Принадлежность Марковича к Обществу мы определяем на основании: а) доноса Петрова и его дополнительного сообщения от 29 марта, в котором говорится: «Маркович³⁶ также читал «Закон божий», находящийся у Гулака, и отзывался о нем с удивительной похвалою, причем также с сожалением говорил, что никак не может ревностно заняться осуществлением предположенных намерений, потому что он теперь занимается сочинением диссертации, но что по окончании такового занятия он непременно возобновит свои действия»³⁷; б) показаний на следствии Андрузского, характеризующего Марковича как чле-

³² ЦГИАМ, ф. III, отд. № 109, 1 экс., д. 81, ч. 5. «Бумаги Кулиша», л. 44.

³³ Там же, л. 53.

³⁴ Наконец, косвенным свидетельством принадлежности Кулиша к Обществу являются воспоминания Кентжицкого.

³⁵ «Новь», 1884, т. IV, № 13, стр. 63.

³⁶ В подлиннике Маркевич.

³⁷ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 16, л. 4.

на Общества; в) свидетельства Костомарова в своей «Автобиографии»³⁸.

Принадлежность к Обществу 19-летнего студента Киевского университета, сына полтавского помещика Андрузского можно установить, во-первых, из его собственных показаний, в которых он, делая довольно откровенные признания, проявляет большую осведомленность как о составе, так и о характере Общества. Так, например, он довольно удачно излагает в своих показаниях цели Общества, перечисляет его участников, хотя и отрицает свое участие в нем.

Во-вторых, на основании его собственного проекта: «Достижения возможной степени равенства и свободы преимущественно в славянских землях», а также различных проектов государственных преобразований, говорящих о настроениях, очень близких остальным членам Общества.

Основанием, дающим право считать членом Общества Посяду (он же Посяденко), студента Киевского университета, происходящего из мещан Полтавской губернии, является: черновик его письма к учителю Полтавской губернии Боровиковскому (хранящийся в делах III отделения), в котором Посяда говорит об основании в скором времени в Киеве Общества, причем причисляет себя к инициаторам этого Общества.

«В Киеве будет основание общества, — писал он, — которое без сомнения, может распространиться быстро, и которое на первый раз внесет известную сумму; следовательно общество будет иметь свои деньги, на эти деньги будут печататься наши произведения...»³⁹ (далее он перечисляет книги, которые необходимо издать на украинском языке). «Каждый член, — продолжает Посяда, — руководствуется любовью к отчизне; все старание будет приложено к тому, чтобы разделять это горе и святое служение. На первый раз мы в виду имеем 15 человек»⁴⁰.

Отношение Посяды к Украине также совпадает с настроениями кирилло-мефодиевцев. В черновике прошения, неизвестно кому предназначавшегося, он пишет: «Бедная страна, тебя оставили все твои сыны, тебе изменили все люди, могущие облегчить твои страдания... Но кто скажет, чтобы не было и тех, кои всегда готовы помочь тебе, любезная страна моя? Есть и такие, кои готовы положить за тебя самую жизнь свою»⁴¹.

Наконец, имеется также и свидетельство Андрузского о принадлежности Посяды к Обществу.

³⁸ «Русская мысль», 1885, кн. 5, стр. 210.

³⁹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. 81, ч. 9, л. 7.

⁴⁰ Там же, л. 8.

⁴¹ Там же, л. 7. Цит. по копии III отделения.

И Посяда и Андрузский являлись частыми посетителями Костомарова, Гулака, Навроцкого и других.

Помещик Гадячского уезда Полтавской губернии Н. И. Савич уже с юношеских лет имел возможность ознакомиться с передовыми идеями того времени — идеями Великой французской буржуазной революции. Отец его принадлежал к числу просвещеннейших людей — он был обладателем большой библиотеки, составленной из произведений французских писателей-энциклопедистов. Савич по окончании Харьковского университета в 1827 г. поступил на военную службу и участвовал в турецкой кампании 1828—1829 гг.

Выйдя после войны в отставку, он вскоре уехал в Париж, где в течение трех лет слушал лекции в «College de France» и особенно серьезно занимался химией.

Принадлежность его к Обществу основывается на следующих данных: а) сообщении Петрова, который в своем докладе писал: «Помещик Савич ревностно доказывал необходимость уничтожить в России монархический образ правления и стараться устроить правление народное с представительной формой, в котором бы каждое отдельное славянское племя имело у себя особенного представителя, заседающего в общем Совете славянских племен»⁴²; б) показаниях Андрузского и в) свидетельстве об этом Костомарова, сообщаемом им в своей «Автобиографии».

Наконец, необходимо разрешить вопрос об отношении к Обществу великого поэта украинского народа Т. Г. Шевченко. В литературе этот вопрос является до сих пор еще спорным.

Весной 1845 г. по окончании Академии художеств Шевченко покинул Петербург и возвратился в Киев. К этому времени окончательно складывается его мировоззрение. Идейное развитие Шевченко протекало под непосредственным влиянием передовой русской общественной мысли. В Петербурге он вращался в кругу демократически настроенных людей в частности с 1843 г. он был знаком с петрашевцем Момбелли. На развитие идеологии Шевченко, бесспорно, оказали влияние декабристы. Косвенным подтверждением этого является его стихотворение «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні мое дружнє послання». Это стихотворение, в котором дается характеристика тяжелого положения крепостного крестьянства и содержится по существу призыв к борьбе с царизмом, датировано 14 декабря 1845 г., т. е. двадцатой годовщиной декабристского восстания в Петербурге.

⁴² ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. 81, ч. 1, л. 10.

«...Розкуються незабаром
Заковані люди
Настане суд, заговорять
І Дніпро, і гори»,⁴³—

утверждает он в указанном выше произведении.

Ненавистью к крепостному праву, призывом к борьбе с угнетателями пронизано все творчество Шевченко.

Будучи в Петербурге, Шевченко принимал участие в украинском кружке, стоявшем на весьма радикальных позициях. О характере этого кружка мы узнаем из материалов, относящихся к более позднему времени — началу 50-х годов.

В связи с делом о послаблениях, которые были допущены в Оренбурге по отношению к Шевченко, следственная комиссия, как рассказывает В. И. Семевский, обратила свое внимание на письмо к поэту из Петербурга чиновника Левицкого, в котором содержались следующие строки: «Много есть тут (в Петербурге) наших, но кажется также люди, которых можно променять на немцев. Есть между ними некто Н. М. Головки, магистр Харьковского университета... Как сойдемся с ним, то его первое слово о Вас. Он сотрудничает во многих журналах и хлопец души разумной... Много есть тут таких, что вспоминают о вас и таковые говорят, хотя Вас и не стало, но на Ваше место найдется до 1000 людей, готовых стоять за то, что Вы говорили»⁴⁴.

Мы далеки от мысли утверждать на основании этого письма наличие тайной революционной организации, во главе которой стоял Шевченко. Для этого нет основания, но содержание письма все же достаточно для общей характеристики украинского кружка, в котором принимал участие великий поэт.

Шевченко не были чужды также и идеи славянского объединения. Эти идеи обнаруживаются в ряде его произведений, в частности в стихотворении «Еретик», посвященном известному славянскому деятелю — Шафарику. «Слава тобі Шафарику, вовікі і віки, — пише он в этом стихотворении, — що звів в одню море слов'янській ріки»⁴⁵.

Такова краткая характеристика политических взглядов Т. Г. Шевченко к середине 40-х годов, к моменту его приезда в Киев. Взгляды эти характеризуют великого поэта непреклон-

⁴³ Тарас Шевченко. Повна збірка творів в п'яти томах, т. I. Київ, 1939, стр. 326.

⁴⁴ В. И. Семевский. Кирилло-Мефодиевское общество 1846—1847 гг. Изд. журнала «Голос минувшего», стр. 17.

⁴⁵ Тарас Шевченко. Повна збірка творів в п'яти томах, т. I, Київ, 1939, стр. 255.

ным борцом за дело народа, сторонником революционных методов борьбы.

Весной 1845 г. по приезде в Киев Шевченко знакомится с Костомаровым и другими будущими членами Общества Кирилла и Мефодия.

Принадлежность Шевченко к Кирилло-Мефодиевскому обществу доказывается обычно на основании следующих положений: 1) письма Шевченко к Костомарову из Борзны Черниговской губернии от 1 февраля 1847 г., 2) сообщения Костомарова в его «Автобиографии», 3) свидетельства Андрузского и Пильчикова.

В указанном выше письме к Костомарову имеется следующая фраза: «О братствѣ не пишу, бо й писать нічого, як зйде-мось то поплачем»⁴⁶.

Судьба этого письма довольно загадочна: до адресата оно не дошло и в 70-х годах оказалось у одного из петербургских букинистов, у которого и было приобретено биографом Шевченко Масловым и опубликовано в журнале «Русская Старина» за 1875 г.

Костомаров в примечании к опубликованному письму объясняет эту фразу следующим образом: «Слова о братстве, насколько нам известно, относятся к народу, которого крепостное рабство постоянно тревожило Шевченка и составляло один из частых мотивов его поэзии»⁴⁷.

Это утверждение Костомарова представляется нам правильным. В самом деле, если Шевченко подразумевал под братством Кирилло-Мефодиевское общество, то кажется крайне странным, почему в феврале 1847 г., в начальный период существования Общества, Шевченко вдруг собирался его оплакивать. Мы полагаем, что оснований для этого не было.

Таким образом, считать письмо к Костомарову неопровержимым доказательством принадлежности Шевченко к Обществу едва ли возможно.

Единственным из кирилло-мефодиевцев, назвавшим в III отделении Шевченко как члена Общества, был студент Андрузский. В своем показании от 14 апреля он, характеризуя Общество, указывал на наличие у его членов «главной цели», заключавшейся в объединении всех славян, «принимая за образец Соединенные штаты или нынешнюю конституционную Францию»⁴⁸, и частной цели — «малороссийской». «Частной целью», по словам Андрузского, являлось «восстановление гетманщины, если можно отдельно (желание тайное), если нельзя

⁴⁶ «Русская Старина», 1875, кн. 5, стр. 155.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГИАМ, ф. III, отд. № 109, экс., I, д. 81, ч. 8, л. 14.

в славянщине»⁴⁹. Представителями «главной цели» были Костомаров и Гулак, малороссийской — Шевченко, Кулиш и Посяда⁵⁰.

•Наконец, А. Я. Конисский также говорит об этом. По этому поводу он пишет следующее: «О принадлежности Шевченко к Обществу я слышал и от Костомарова и от Пильчикового»⁵¹.

Приведенный выше рассказ Кентжицкого о стремлении Шевченко ознакомить его с идеями Общества имеет также в этом вопросе большое значение. Этот рассказ подтверждает близость Шевченко к Обществу. Правда, в воспоминании Кентжицкого содержится фраза, на первый взгляд опровергающая нашу гипотезу. Так, говоря об отрицательном отношении польской молодежи к идеям, высказанным Костомаровым, Кентжицкий пишет: «Шевченко теж, здавалося не прикладов великої ваги до намірів Костомарова»⁵².

Однако эта фраза находится в прямом противоречии со всем рассказом Кентжицкого. Если бы Шевченко не придавал значения «намерениям» Костомарова, то едва ли он так упорно старался бы ознакомить Кентжицкого с этими «намерениями».

Наконец, косвенным подтверждением принадлежности Шевченко к Обществу служит тот факт, что он вполне разделял те основные задачи, которые ставили перед собой кирилло-мефодиевцы: ликвидация крепостного права и царизма и объединение славян на демократической основе. Однако революционер Шевченко не мог принять тактических положений Общества, основанных на принципах мирной пропаганды. В силу этого членство Шевченко можно рассматривать лишь условно, так как программные положения Общества им не разделялись.

«Когда я сообщил Шевченко о существовании общества, — пишет Костомаров, — он тотчас же изъявил готовность пристать к нему; но отнесся к его идеям с большим задором и крайней нетерпимостью, что послужило поводом ко многим спорам между мною и Шевченко»⁵³.

Это свидетельство Костомарова, по нашему мнению, совершенно правильно характеризует отношение Шевченко к Обществу: он воспринимал основную цель общества — освобождение Украины, но не мог согласиться с рядом программных

⁴⁹ ЦГИАМ, ф. III, отд. № 109, экс., I, д. № 81, ч. 8, л. 14.

⁵⁰ Там же, л. 15.

⁵¹ А. Я. Конисский. Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Одесса, 1898, стр. 230—231.

⁵² Биография Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників, Київ, 1958, стр. 109.

⁵³ Костомаров. «Автобиография», «Русская мысль», 1885, кн. 5, стр. 211.

положений, к которым и отнесся с «крайней нетерпимостью».

Следовательно, количество известных нам членов Общества составляет 12 человек.

По свидетельству Пильчикова, сообщенному им Конисскому, количество членов Общества в январе 1847 г. достигло почти 100 человек⁵⁴. Хотя цифра, приведенная Пильчиковым кажется нам несколько преувеличенной, однако количество членов Общества несомненно было более 12 человек. Подтверждением этого служит один из пунктов Устава, предоставлявший право каждому члену самостоятельно принимать в Общество новых людей. Вследствие этого количество членов Общества могло быть весьма значительным.

Трудно предположить, что из состава Харьковского литературного кружка, с которым Костомаров сохранял тесную письменную связь, не было бы лиц, сочувствовавших стремлениям кирилло-мефодиевцев. Переписка Костомарова дает косвенные основания, подтверждающие высказанное выше предположение. Так, Костомаров обращается к харьковскому профессору Метлинскому и учителю I Харьковской гимназии Тихоновичу с просьбой помочь в издании книг, предпринимавшемся членами Общества.

Помимо этого, в материалах следственного дела мы находим также ряд косвенных указаний на принадлежность к Обществу ряда лиц.

Так, привлеченный к следствию студент Киевского университета Александр Тулуб на допросе от 30 марта, признавая свое знакомство с Костомаровым, Гулаком, Белозерским и Кулишом и частые посещения их, говорит, что предметом разговоров у них являлись: история Украины, бедствия ее народа, тяжелое положение крестьян и т. д.

«О крестьянах, — заключает Тулуб, — говорили, что благо было бы, если б государь, если нельзя освободить их вдруг, не образовавши⁵⁵ вперед, то по крайней мере позволил им самим образовываться и выкупаться из подданства»⁵⁶.

Все это дает основание считать Тулуба если не членом, то во всяком случае лицом, близко стоявшим к Обществу. Далее следует назвать П. Чуйкевича, учителя кременецкой гимназии, близкого друга Кулиша, Костомарова, Пильчикова, находившегося с ними в оживленной переписке. Чуйкевич, так же как и другие члены Общества, был проникнут стремлением к освобождению Украины.

⁵⁴ А. Я. Конисский. Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко, Одесса, 1898, стр. 227.

⁵⁵ В подлиннике «не образоваши».

⁵⁶ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 14, л. 3.

Наконец, Андрузский в своих показаниях наряду с Пильчиковым называет и некоего Судовщикова и студента Загурского.

Весьма сомнительно, чтобы в Полтаве, где в течение 1846 г. жил Белоцерский, а также Пильчиков, не было лиц, сочувствовавших идеям кирилло-мефодиевцев.

• Есть основания полагать, следовательно, что количество членов Общества могло достигнуть нескольких десятков человек. Это положение подтверждается тем, что свободолюбивые идеи получили среди киевской молодежи в этот период большое распространение.

Характеризуя настроение умов в Киеве, П. А. Кулиш в своем письме профессору Петербургского университета П. А. Плетневу от 29 декабря 1846 г. писал следующее: «В здешней молодежи, окончившей Университет, я нашел страшное волнение умов и готовность на самые эфемерные затеи»⁵⁷.

* *

*

• Сделаем некоторые выводы в отношении состава Общества.

По своему социальному составу Общество в основном состояло из представителей дворянской мелкопоместной молодежи Левобережья. За исключением Шевченко, Посяды, являвшихся крестьянами по происхождению, Марковича, происходившего из безземельных дворян, и Кулиша — сына казака-хуторянина, все остальные были детьми помещиков.

По образовательному цензу преобладающее большинство составляли либо лица с высшим образованием, либо студенты университета.

По возрастному составу, за исключением Савича, Шевченко и Костомарова, это была молодежь в возрасте от 19 до 25 лет.

Такова характеристика состава Общества.

⁵⁷ Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. Плетнева № 234, оп. 3, д. 357, л. 47. Первоначально опубликовано Дорошкевичем в Записках историко-филологического відділу АН УРСР. Кн. VII—VIII, Київ, 1926, стр. 371.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Идеология и тактика Общества

[Для изучения идеологических позиций Общества мы располагаем следующими программными документами: «Законом Божиим», «Уставом общества св. Кирилла и Мефодия» и, наконец, Запиской Белозерского, представляющей собой черновой проект устава, или, как ее называли в III отделении, «Объяснение» к уставу. Кроме того, большое значение для уяснения идеологии кирилло-мефодиевцев имеет также переписка членов Общества, различные проекты, принадлежащие тому или иному члену его, и, наконец, материалы следственного дела.

Первоначально мы рассмотрим основную идейно-политическую концепцию Общества, как она представляется на основании указанных выше программных документов его, а затем перейдем к анализу идеологических позиций отдельных его членов.

В области философии истории Общество стояло на идеалистических позициях.

Концепция исторического развития такова: бог — творец истории, христианская религия — движущая сила ее, указывающая человечеству путь к достижению царства справедливости, свободы, равенства и братства. Основная задача ближайшего будущего: борьба за претворение в действительность этих христианских идей. •

«...развив в своей жизни идеи общины христианской привести их в жизнь, потерявшей главнейшую общественную подставу — религию...»¹.

Так формулирует основную задачу человечества в своей Записке Белозерский.]

Подобный взгляд на исторический процесс не представляет собой чего-либо оригинального, наоборот, в первой половине

¹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 4, прилож. к л. 4, № 7, л. 2

XIX в. приведенная выше концепция имела большое распространение: мы находим ее и в рассматривавшемся нами выше сочинении Мицкевича «Книга народа польского...», и в польском «Обществе объединенных братьев».

Идеи христианского демократизма, идеи равенства, основанные на евангельских положениях, занимают, как мы видим, большое место в идеологии кирилло-мефодиевцев. Что говорит об определенном влиянии на них идей христианского социализма. Отдельные положения «Закона божия», Записки Белозерского имеют много общего с концепцией Ламенне, развиваемой им в своем памфлете «Слова верующего», вышедшем в Париже в 1834 г.

Сделаем ряд сопоставлений.

Ламенне так же, как и автор «Закона божия», рассматривает возникновение неравенства как результат деятельности «дьявола»:

«Слова верующего»

«Тот кто говорит в сердце своем: «Я не такой как другие люди,— другие люди даны мне, чтобы я властвовал над ними, чтобы я располагал ими и тем, что им принадлежит по своему произволу» — тот сын дьявола.

И дьявол царь этого мира, ибо он царь всех тех, кто думает и действует так; те же кто думает и действует так, стали при помощи его советов, поравняться с богом...»².

Превращение христианства в господствующую религию также встречает одинаковую оценку:

«Слова верующего»

Короли решают: «...переманить себе служителей Христа богатством, почестями и могуществом.

И они прикажут народу от имени Христа подчиняться нам во всем, что бы мы ни делали, что бы не приказывали.

И народ поверит им и будет повиноваться нам из убеждения и власть наша укрепитя как никогда раньше»⁴.

«Закон божий»

«Ибо кто скажет сам о себе: я лучше всех и умнее всех; все должны мне повиноваться и почитать меня владыкою и делать то, что мне вздумается, тот согрешает первородным грехом, погубившим Адама, когда он, слушаясь дьявола, захотел поравняться с богом...»³.

«Закон божий»

«И одурачили архиереев, духовных и мудрецов те и говорят: истинно так, Христос сказал: воздадите кесарева кесареви и божия богovi; и апостол говорит: всякая власть от бога. Так сам господь установил, чтобы одни в мире сем были господами и богатыми, а другие нищими и рабами»⁵.

² Ламенне. «Слова верующего», СПб., 1906, стр. 15.

³ «Закон божий», § 11.

⁴ Ламенне. «Слова верующего», СПб., 1906, стр. 36.

⁵ «Закон божий», § 39.

Наконец, Ламенне так же, как и автор «Закона божия», обещает утверждение на земле свободы, равенства и братства лишь на основе торжества христианских идей.

Указывая на общность идей христианского равенства как у Ламенне, так и у кирилло-мефодиевцев, мы отнюдь не пытаемся рассматривать последних представителями христианского социализма. Мы говорим лишь о наличии в идеологии Кирилло-Мефодиевского общества отдельных элементов христианского социализма. Эти идеи христианского демократизма и равенства мы встречаем на протяжении почти всей истории феодализма, когда борьба против существовавшего строя обычно приобретала религиозную форму, а требование уничтожения самих классов выдвигалось также в религиозной форме.

Прежде чем перейти к изложению политических идеалов Общества, надо определить отношение его как к прошлому своей родины — Украины, так и к существующей действительности.

Как в программных документах Общества, так и в литературных произведениях отдельных его членов, мы находим идеализацию прошлого Украины, ее былых вольностей. Эта идеализация прошлого отнюдь не была для того периода оригинальной. Напротив, эта точка зрения имела весьма широкое распространение. Ее мы находим и в «Истории Руссов» и в других произведениях того времени.

«Не любила Украина ни царя, ни пана и составила у себя казачество, т. е. братство, куда каждый вступая был братом других — был ли он прежде господином или рабом, лишь бы он был христианин; и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на соборании...»⁶.

Далее в «Законе божием» изображается борьба Украины за сохранение своих вольностей, борьба ее с польскими панями и иезуитами, пытавшимися подчинить Украину своей власти и уничтожить казачество.

«Но не так сделалось, как думали господа; ибо казачество восстало, а с ним поднялся весь народ, истребили и прогнали господ, и стала Украина земля казацкая, то есть вольная: ибо все были равны между собою и свободны, но ненадолго»⁷.

Положение Украины после присоединения ее к Московскому государству изображается следующим образом:

«Но скоро увидела Украина, что она попалась в неволю, ибо она по своей простоте не узнала, что такое значит царь Мо-

⁶ «Закон божий», § 76.

⁷ Там же, § 86.

сковский, а царь Московский значил то же, что и идол и мучитель»⁸.

Эта резко отрицательная оценка дается всем русским царям. Так, о Петре I говорится, что он положил сотни тысяч украинцев в каналах и «на костях их построил себе столицу»⁹.

С особой ненавистью характеризует «Закон божий» царицу Екатерину II, закрепостившую украинский народ. «А немка царица, Катерина, распутница всесветная, безбожница, мужеубийца, кончила казацтво и свободу, ибо отобравши тех, которые были на Украине старшинами, наделила их дворянством и землями и отдала им вольную их братию в ярмо, одних поделала господами, а других рабами»¹⁰.

Однако не погибла Украина, оставшаяся верной христианской религии и идеям равенства и вольности. «Не погибла она, ибо она не хотела знать ни царя, ни господина; а хотя и был царь над нею, но чуждый, и хотя были дворяне, а чужие; а хотя из украинской крови эти выродки, однако, они не оскверняют своими устами украинского языка и сами себя не называют украинцами, а истинный украинец будет ли он происхождения простого или дворянского, должен не любить ни царя, ни господина, а должен любить и помнить одного бога Иисуса Христа...»¹¹.

Таким образом, история Украины преподносится в идеализированном виде — Украина на протяжении веков борется за сохранение свободы и равенства: то с польскими панями и иезуитами, то с русским царем и дворянами, стремившимися поработить Украину.

Эта идеализация Украины свидетельствовала о наличии националистических черт в идеологии Общества. Однако не надо забывать, что в условиях угнетенного положения украинского народа эти черты имели и положительное значение. «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, — писал В. И. Ленин, — есть общедемократическое содержание *против* угнетения...»¹².

Настоящее Украины представляется членам Общества в чрезвычайно мрачном свете. Белозерский, рисуя в своей Записке «горестное» положение славян, лишенных политической самостоятельности, не имеющих возможности свободно выражать свои чувства, свои мысли, лишенных, наконец, даже своего родного языка, говорит: «В таком же ужасном положении

⁸ «Закон божий», § 89.

⁹ В «Законе божием» мы находим не только отрицательное отношение к русскому царизму, а и вообще к идее царской власти.

¹⁰ «Закон божий», § 96.

¹¹ Там же, § 98.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 384.

находится и наша свет-Украина, страна, заслужившая своими горькими страданиями за правду вечное уважение. Присоединенная на основании своих собственных прав, она претерпевает множество несправедливостей. Права ее забыты — и теперь не как сестра единоверного народа, а как раба — она должна сносить все, что только есть горестнейшего в жизни народа. Ее судьба, ее будущность на весах божиих; но если долго продолжится настоящий порядок, когда ничто украинское не уважено, когда на нас набрасывают чуждое ярмо, когда «мы, о боже мой, мы как чужестранцы в своей древней дедине, в своем собственном отечестве», то Украина должна будет погубить свое народное вековое достояние...»¹³.

Скорбью о родной Украине, страдающей под игом царизма, угнетающего славянские народы, проникнута идеология Общества. «И царствует деспот над тремя славянскими народами, правит ими посредством немцев, заражает, калечит, уничтожает добрую природу славянскую, но ничего он не делает»¹⁴.

Кирилло-Мефодиевское общество враждебно относилось как к царю, так и ко всему самодержавному строю, угнетающему Украину, ее народ, ее культуру. Правительство Николая I, не признававшее существования украинского народа и противодействующее развитию его национальной культуры, не могло вызывать иного к себе отношения со стороны тех, кто стремился к национальному и социальному освобождению этого народа. Еще до создания Кирилло-Мефодиевского общества отдельные его члены, как мы упоминали выше, много делали для развития украинского языка и литературы.

К крепостному праву Общество относилось также крайне отрицательно. Отрицательное отношение к порабощению людей, требование равенства сословий красной нитью проходят по всем программным документам Общества.

В переписке Костомарова, Гулака, Посяды и других членов Общества неоднократно говорится о тяжелом положении крестьян и стремлении тем или иным путем уничтожить крепостное право. Костомаров в своих письмах из Ровно, относящихся к 1845 г., подробно описывает бедственное положение крестьян, работающих на барщине по шесть дней в неделю и, помимо этого, обязанных платить еще большой оброк. В заключение Костомаров говорит, что подобная жизнь крестьян «хуже всякой каторги».

Большое внимание уделяет и Гулак крестьянскому вопросу. В письме от 8 марта 1846 г. он пишет чешскому ученому Ганке:

¹³ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 4, прилож. к № 4 и 7, лл. 1—2.

¹⁴ «Закон Божий», § 107.

«Преимущественное внимание обращал я до сих пор на правомерные отношения различных сословий как в России, так и у прочих славян, и именно на рабов, невольников, холопов, крестьян, подданных и проч., как на предмет по важности и современности своей предпочтительно перед другими, заслуживающий внимательного изучения»¹⁵.

Наконец, кружок «Киевская Молода», в состав которого в 1813—1815 гг. входило большинство членов Кирилло-Мефодиевского общества, как мы уже говорили, одной из основных своих задач ставил ликвидацию крепостного права путем распространения просвещения среди помещиков.

Что касается Шевченко, то поэзия его, проникнутая жгучей ненавистью к крепостному праву, представляла собой страстный призыв к борьбе за освобождение крестьян.

Таким образом, резко отрицательное отношение к действительности, к самодержавно-крепостническому строю — таковы взгляды членов Общества на современность.

Подобное отношение к действительности и обусловило стремление членов Общества к национальному и социальному (в смысле ликвидации феодальных отношений) освобождению Украины и вызвало их переход к политической деятельности, выразившийся в стремлении создать тайное общество.

Каким же путем Общество пыталось осуществить свои цели?

На этот вопрос отвечает нам Белозерский в своей Записке. Считая невозможным отдельное существование Украины, он видит единственный путь к освобождению в создании славянской федерации:

«Ясно впрочем, что отдельное ее существование невозможно; она будет находиться между нескольких огней, будет теснима и может претерпеть горестнейшую участь, чем потерпели поляки. Единственное средство, представляющееся уму и одобренное сердцем для возвращения народных прав, заключается в соединении славянских племен в одну семью под охранением закона, любви и свободы каждого»¹⁶.

Пути и средства к осуществлению задач Общества нашли свое выражение в программе, содержащейся в так называемом Уставе. Устав этот распадается на две части: первая излагает «главные идеи», основные программные положения Общества, вторая представляет собой устав в собственном смысле этого слова.

¹⁵ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. 81, ч. 2, прилож. к л. 8-а, л. 2.

¹⁶ Там же, ч. 4, прилож. к л. 4 № 7, л. 2.

Рассмотрим первую его часть, состоящую из шести пунктов:
«1) Принимаем, что духовное и политическое соединение славян есть истинное их назначение, к которому они должны стремиться.

2) Принимаем, что при соединении, каждое славянское племя должно иметь свою *самостоятельность*, а такими племенами признаем: южноруссов, северноруссов с белоруссами, поляков, чехов со словенцами, лужичан, иллиросербов с хорутанами и болгар.

3) Принимаем, что каждое племя должно иметь *правление* народное и соблюдать совершенное равенство сограждан по их рождению, христианским вероисповеданиям и состоянию.

4) Принимаем, что правление, законодательство, право собственности и просвещение у всех славян должно основываться на св. религии господина нашего Иисуса Христа.

5) Принимаем, что при таком равенстве образованность и чистая нравственность должны служить условием *участия* в *правлении*.

6) Принимаем, что должен существовать общий славянский собор из представителей всех племен»¹⁷.

Таким образом, Общество предполагало создание ряда славянских демократических республик, объединенных на федеративных принципах в единый Славянский Союз.

При этом подчеркивалось, что все общественное и государственное устройство должно быть основано на принципах христианской религии. Программные положения Общества отличаются большой неопределенностью, и все вопросы решаются в весьма общей форме.

Однако Н. И. Костомаров в своей первой автобиографии, продиктованной Белозерской, подробно излагает проект государственного устройства будущей славянской федерации:

«...все вероисповедания должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда как бесполезная при свободе. Относительно языка, который должен был бы сделаться общим для всех славян, не решалось окончательно, но предполагался язык великорусский, как наиболее распространенный. Предполагалось обязательное обучение народа. Уничтожение крепостного права, дворянских и всяких привилегий, уничтожение смертной казни и телесных наказаний, исключая карантинных законов и времени войны. Предполагалось в будущем, чтобы славянские народы примкнули к России и образовали с нею федерацию. Россия должна была разбиться на части или штаты: северный, северо-восточный, юго-восточный,

¹⁷ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 1, л. 3.

два поволжских — верхний и нижний, два малороссийских, один средний, два южных, два Сибирских, один Кавказский; Белоруссия составляла отдельный штат (также Польша, Чехия с Моравией, Сербия, Болгария; часть Галиции присоединялась к Польше, другая к западному малороссийскому штату и т. п.). Такое деление не признавалось окончательным и могло быть перестроено сообразно экономическим и другим потребностям. Киев не должен был принадлежать ни к какому штату, а назначался центральным городом собрания общего сейма.

В сейме две камеры: в одной выбранные сенаторы и министры, в другой депутаты. Общий сейм должен был собираться через каждые 4 года и чаще в случае необходимости. В каждом штате был свой сейм, который собирался ежегодно, свой президент и сенат. Верховная и центральная власть предоставлялась президенту, выбираемому на 4 года, и двум министрам: иностранных дел и внутренних дел. Для общей защиты федерации от внешних врагов предполагалось иметь регулярные войска, но не в большом количестве, так как в каждом штате была своя милиция, и все учились военному искусству на случай общего ополчения»¹⁸.

Анализ административного устройства славянской федерации говорит о том, что национальный принцип не всегда соблюдался при разделении ее на штаты. Так, территория Западной Украины частью включалась в польский штат, частью в один из малороссийских. В южные штаты наряду с украинскими губерниями, должна была, по-видимому, быть, включена и Область войска Донского. Ряд западнославянских народностей (черногорцы, лужичане, сербы) объединялись в один сербский штат.

Костомаров в своей «Автобиографии» говорит по этому поводу следующее: «Федерация только по одним народностям не казалась для нас вполне удобною по многим причинам, а в особенности по количественному неравенству масс, принадлежавших к народности. Какое в самом деле союзничество на основании взаимного равенства могло существовать между ничтожными по количеству лужичанами и огромною массою русского народа с неизмеримыми пространствами его отечества? Мы пришли к результату, что с сохранением права народностей необходимо другое деление частей будущего славянского государства для его федеративного строя.

Таким образом составила мысль об административном разделении земель, населяемых славянским племенем, независимо от того, к какой из народностей принадлежит это племя в

¹⁸ Костомаров. «Автобиография». Цит. по статье Семевского «Н. И. Костомаров». «Русская старина», 1886, кн. 1, стр. 187—188.

той или иной полосе обитаемого им пространства»¹⁹. К тому же в состав славянской федерации должны были входить и не-славянские народы, как это видно из предположения создать специальный кавказский штат.

Сопоставляя проект административного устройства славянской федерации с декабристскими конституционными проектами, в частности с конституцией Никиты Муравьева, нетрудно обнаружить много общего. Как в том, так и в другом проекте предусматривалось создание 14 штатов. При этом совпадает даже частично и принцип территориального размещения штатов — держав. В обоих проектах предполагалось создание двух сибирских штатов (по конституции Никиты Муравьева — Ленской и Обийской держав); двух украинских (Бужская и Украинская державы), одного кавказского, двух поволжских (Низовская и Заволжская державы)²⁰. Это влияние конституции Никиты Муравьева можно легко обнаружить и при сопоставлении принципов государственного устройства²¹.

Нельзя не сказать и о влиянии на Устав и программных положений «Общества соединенных славян», впервые выдвигавших идею создания славянской федерации.

Анализ «главных идей» указывает также на известное влияние польского «Общества объединенных братьев», возникшего при ближайшем участии А. Мицкевича в середине 30-х годов в Париже.

«Общество объединенных братьев», так же как и Кирило-Методиевское общество, основывало свои политические идеалы на принципах «Евангелия Христова». Особенную близость идейных положений можно установить с «Братством св. Станислава», являвшимся одним из ответвлений «Общества объединенных братьев».

Оба общества избирали своими патронами святых, в обоих освобождение народа мыслилось на основе христианских принципов. Программные положения обоих обществ проникнуты духом христианской покорности, пропаганда идей мыслится на основе религиозных принципов²².

Рассмотрим «Главные правила Общества», представляющие собой в полном смысле слова устав.

Эти правила состояли из 11 пунктов, а именно:

¹⁹ И. И. Костомаров. Автобиография, стр 61—62.

²⁰ Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. Вариант конституции, найденный в бумагах С. Г. Трубецкого.

²¹ Необходимо также сказать и о влиянии на проект государственного устройства конституции Северо-американских Соединенных штатов 1787 года.

²² См. М. Возняк. «Кирило-Методіївське братство», Львів, 1921, стр. 34—35 и кн. В. Шурата Шевченко і поляки. Основи взаємних зав'язок гл. III, Львів, 1917.

«1) Устанавливаем Общество с целью распространения вышеизложенных идей, преимущественно посредством воспитания юношества, литературы и умножения числа членов Общества. Общество именуется своими покровителями святых просветителей Кирилла и Мефодия и принимает своим знаком кольцо или икону с именем или изображением сих святых.

2) Каждый член Общества произносит присягу при поступлении употреблять: дарования, труды, состояния, общественные свои связи для целей Общества и ежели бы какой член претерпел гонение и даже мучение за принятые Обществом идеи, то по данной присяге он не выдает никого из членов, своих братьев.

3) В случае член попадет в руки врагов и оставит в нужде семейство, Общество помогает ему.

4) Каждый принятый член Общества может принять нового члена без необходимости сообщать ему об именах прочих членов.

5) В члены принимаются славяне всех племен и всех званий.

6) Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7) Так как в настоящее время славянские племена исповедуют различные вероисповедания и имеют предубеждения друг против друга, то Общество будет стараться об уничтожении всякой племенной и религиозной вражды между ними и распространять идею о возможности примирения разногласий в христианских церквях.

8) Общество будет стараться заранее об искоренении рабства и всякого унижения низших классов, равным образом и о повсеместном распространении грамотности.

9) Как все Общество в совокупности и каждый член должны свои действия соотносить с евангельскими правилами любви, кротости и терпения, правило же: цель освящает средство — Общество признает безбожным.

10) Несколько членов Общества, находясь в одном известном месте, могут иметь свои собрания и постановлять частные правила для своих действий, но дабы они не противоречили главным идеям и правилам Общества.

11) Никто из членов не должен объявлять о существовании и составе Общества тем, которые не вступают или не подают надежды вступить в него»²³.

Содержание «Главных правил Общества» указывает, что оно считало возможным добиться осуществления своих идеалов руководствуясь средствами мирной пропаганды «преимущественно посредством воспитания юношества».

²³ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I экз., д. № 81, ч. I, лл. 3—4.

Четвертый пункт предусматривает право каждого члена Общества самостоятельно принимать нового «без необходимости сообщать ему об именах прочих членов». Это дает возможность предполагать, что количество членов Общества могло быть значительно больше, чем то, которое нам известно. Пильчиков и Белозерский, жившие в Полтаве, и Шевченко, путешествовавший по заданиям археографической комиссии, а также и другие члены могли принимать в Общество людей совершенно самостоятельно. К тому же вновь принятые члены в свою очередь могли также принимать в Общество.

Восьмой пункт формулирует одну из основных задач Общества — «искоренение рабства», т. е. отмену крепостного права, являющуюся главным требованием кирилло-мефодиевцев.

Пункт десятый предполагал возможность создания местных организаций. Целей, изложенных в программе, Общество предполагало добиться исключительно мирным путем.

Анализ программы Общества в целом говорит об ее объективно буржуазном характере. Реализация программных требований привела бы к утверждению капиталистической формации.

Костомаров в своей «Автобиографии» следующим образом характеризовал внутреннюю организацию федеративной республики «Во всех частях федерации, — писал он, — предполагались одинаковые основные законы и права, равенство веса, мер, монеты, отсутствие таможен, свобода торговли, всеобщее уничтожение крепостного права и рабства в каком бы то ни было виде, единая центральная власть, заведующая сношениями вне союза, войском и флотом, но полная автономия каждой части по отношению к внутренним учреждениям, внутреннему управлению, судопроизводству и народному образованию»²⁴. Эта организация полностью соответствовала интересам буржуазного развития.

Перейдем к рассмотрению тех идейно-политических течений, которые оказали влияние на идеологию Общества.

Стремление создать славянскую федеративную республику с включением в нее западных и южных славян, тесное общение с идеологами славянского движения в Австрии (Шафариком, Ганкою и др.)²⁵ — все это говорит о наличии идеи

²⁴ И. И. Костомаров. Автобиография, 1890, стр. 62.

²⁵ Это, по нашему мнению, подтверждается рядом документов. Так, у Гулака во время ареста были найдены письма от Ганки, из которых видно, что первый поддерживал с ним тесное письменное общение; в бумагах Белозерского мы находим ряд выписок из произведений деятелей славянского движения. У Кулиша были найдены адреса всех видных представителей этого движения, которых он намеревался посетить будучи за границей.

объединения славян в идеологии Кирилло-Мефодиевского общества.

Прежде всего попытаемся установить, что обусловило появление у кирилло-мефодиевцев этих идей. Являлась ли идея объединения славян основной центральной идеей Общества, или она носила подчиненный характер? Ответ на этот вопрос дает Белозерский в своей Записке, цитированной нами выше: говоря о невозможности отдельного существования Украины, Белозерский указывал, что «единственное средство... заключается в соединении славянских племен в одну семью под охранением закона, любви и свободы каждого»²⁶.

✓ Следовательно, идеи объединения славян возникли у кирилло-мефодиевцев в результате невозможности иным способом добиться освобождения Украины. В идеологии Общества они были подчинены основной идее — идее освобождения Украины от национального гнета и пут феодализма.

✓ Планы демократического объединения славян, имевшиеся в программных положениях Кирилло-Мефодиевского общества, являлись бесспорно прогрессивными. Однако возможность реализации этих идей была связана с большими трудностями. Осуществить же эти планы путем мирной пропаганды было просто невозможно.

Утопизм этих планов в конечном счете дал русскому царизму возможность использовать эту идею объединения в своих интересах, что обнаруживается при рассмотрении хода следственного процесса и отношения правительства к Обществу.

Далее надо сказать о влиянии идей христианского социализма. Мы не будем останавливаться на доказательстве наличия этих идей, так как, по нашему мнению, достаточно обосновали это положение несколько выше. Идеи христианского социализма не занимают большого места в идеологии кирилло-мефодиевцев, но все же накладывают на нее известный отпечаток.

Большое влияние оказало на идеологию кирилло-мефодиевцев русское освободительное движение.

Упоминания о декабристах мы встречаем в «Законе божьем»:

«И голос Украины отозвался в Московщине, когда по смерти царя Александра, русские хотели изгнать царя и дворянство уничтожить, учредить республику и всех славян соединить с нею, по образу божественных ипостасей, нераздельно и несемимо; а этого Украина хотела и домогалась еще за 200 лет перед тем.

²⁶ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 4, прилож. к л. 4, № 7, л. 2.

И не допустил до того деспот: одни кончили жизнь на виселице, других замучили в рудокопнях, третьи отданы на убой черкесам»²⁷.

О действиях декабристов говорилось и на собраниях Кирилло-Мефодиевского общества. Так, Петров в своем доносе сообщал, что Савич «доказывал дурные распоряжения заговорщиков 1825 года, вследствие какихых распоряжений они и не могли исполнить своих намерений»²⁸. Влияние декабристов обнаруживается, как указывалось уже выше, и при анализе программы Общества — в некотором сходстве ее с конституцией Никиты Муравьева и с идеями «Общества соединенных славян».

Наконец, об интересе кирилло-мефодиевцев к декабристам говорит тот факт, что во время ареста Костомарова, как он утверждает в своей «Автобиографии», у него на столе лежал номер газеты, в котором излагались официальные данные о суде над декабристами.

Далее надо сказать о значении польского шляхетского революционно-освободительного движения, которое, по словам В. И. Ленина, оказывало большое влияние на демократические движения не только в России, но и во всей Европе.

Это влияние обнаруживается, во-первых, при сопоставлении основного программного документа Общества, «Закона божия» и «Книги народа польского и пилигримства польского», принадлежавшей перу А. Мицкевича, одного из виднейших представителей шляхетского освободительного движения.

В первой главе нашей работы мы подробно останавливались на сопоставлении двух этих произведений, причем пришли к выводу, что, несмотря на некоторое различие цитированных выше произведений, имеется достаточно оснований, дабы установить общность ряда идейных положений.

В «Законе божием» наряду с ненавистью к польским паням, угнетавшим украинский народ, мы встречаем совершенно иное отношение как к польскому народу, так и к самой Польше. Украина и Польша изображаются как любящие друг друга дети одной семьи.

Так, история отношений Украины с Польшей рисуется следующим образом: «И соединилась Украина с Польшей, как сестра с сестрою, как единый народ славянский с другим народом славянским, нераздельно и не смесимо, по образу ипостасей божественных, не раздельных и не смесимых, так как некогда соединятся все народы славянские между собою»²⁹.

²⁷ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 2, прилож. к л. 8, §§ 105—106.

²⁸ Там же, ч. 1, л. 60.

²⁹ «Закон божий», § 75.

Польские паны и иезуиты стремятся поработить Украину, искоренить в ней казачество, но восстают тогда казаки и прогоняют господ-панов, после чего Украина снова хочет соединиться с Польшей. «И хотела Украина снова жить с Польшею по-братски не разделяемо и не смесимо, но Польша никаким образом не хотела отречься от своего панства»³⁰.

Наконец, говоря о гибели Польши, автор «Закона божия», заключает: «Но не погибнет Польша: ибо ее пробудит Украина, которая не помнит зла и любит сестру свою так, как будто ничего не было между ними»³¹.

Наконец, Петров на допросе в начале марта 1847 г. на вопрос, не слышал ли он от Гулака о связях Общества с поляками и вхождении их в Общество, ответил:

«Неизвестно существовали ли в числе соумышленников Гулака поляки; но он имел намерение распространить между ними свои идеи и всего более надеялся получить от них денежные пособия для скорейшего осуществления своих замыслов. Вообще он думал о поляках, как о людях скорее всего могущих быть его помощниками»³².

Кроме того, влияние польского национально-освободительного движения обнаруживается, как указывалось выше, и при сопоставлении идеологических позиций Общества с программными положениями польского общества «Объединенных братьев», в частности «Общества св. Станислава».

Члены Кирилло-Мефодиевского общества проявляли горячие симпатии к польскому революционному движению и рассматривали участников польского освободительного движения как своих союзников, заинтересованных так же, как и они, в уничтожении русского царизма.

Рассмотрев основную идеологическую концепцию кирилло-мефодиевцев, перейдем к изложению тактических положений Общества.

Отрицание насилия, мирная пропаганда идей Общества в духе христианской морали — таковы основные тактические положения, красной нитью проходящие по всем программным документам Общества.

Так, в уставе следующим образом излагаются задачи Общества: «Как все Общество в совокупности и каждый член должны свои действия соотносить с евангельскими правилами любви, кротости и терпения, правило же «цель освящает средство» — общество признает безбожным»³³.

³⁰ «Закон божий», § 87.

³¹ Там же, § 104.

³² ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 1, л. 13.

³³ Там же, л. 4.

Руководствуясь принципом мирной пропаганды в духе евангельских положений, устав предполагал распространить идеи Общества «преимущественно посредством воспитания юношества, литературы и умножения числа членов»³⁴.

В Записке Белозерского мы находим некоторую конкретизацию этого положения. Он говорит о необходимости действовать на умы женщин и молодых людей. «Действовать на умы молодых людей и женщин с целью, принятой Обществом, и помогать всеми средствами тем из них, которые могут быть полезны для приготовления Общества к новому порядку, который наступить может. Должно действовать на ум женщины с целью указать им воспитание в духе славянской идеи»³⁵.

Достижение основных задач Общества предполагается осуществлять в духе «кротости и миролюбия».

«Так как побуждения нашего Общества основаны на христианской любви и свободе, то нужно стараться, чтобы и самое достижение равенства и достоинства прав человеческих совершилось в духе кротости и миролюбия. Посему главной целью поставить себе должно распространение образования и идей христовых»³⁶.

Далее рекомендуется сближение с народом и забота об образовании и благосостоянии его: «Должно сближаться с народом; заботиться о его образовании и благосостоянии и обнадёживать его возможностью перемены существующего порядка»³⁷.

Тактические положения Общества, как мы видим, не отличаются конкретностью. Если метод пропаганды идей Общества более или менее разработан — пропаганды в соответствии с евангельским учением путем распространения просвещения среди народа и воспитания его в духе христианской религии, — то вопрос о путях и методах борьбы за разрешение основной политической задачи Общества — национального и социального (в смысле ликвидации феодальных отношений) освобождения Украины через создание славянской демократической федеративной республики, — по существу остается без ответа. Ясно лишь одно: Общество пыталось разрешить и эту основную политическую задачу также мирным путем, что в свою очередь обуславливало нереальность, утопичность тактических положений кирилло-мефодиевцев.

Анализ программных положений Общества позволяет нам рассматривать его как организацию, объективно отражавшую

³⁴ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81.

³⁵ Там же, ч. 4, прилож. к л. 4, № 7, л. 3.

№ 7, л. 3.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

интересы зарождавшейся украинской буржуазии, пытавшейся осуществить свои политические идеалы путем реформы.

Перейдем к рассмотрению идеологии и тактических позиций отдельных членов Общества.

Если идеология Костомарова и Белозерского наиболее полно отражается в программных и тактических положениях, то позиция третьего организатора Общества, Гулака, несколько отличается от взглядов, изложенных в программных документах.

Так, Петров, характеризуя образ мыслей Гулака в своем показании от 27 апреля 1847 г. в С.-Петербурге, говорил следующее: «Гулак мне сообщил, что Общество означенных славянистов предполагало установить в каждом отдельном славянском племени правление народное, свойственное с духом народа, и чтобы для решения дел, относящихся ко всем славянам вообще, был общий союз из представителей от каждого славянского племени; соединить же и восстановить славян они надеялись не иначе, как вооруживши их против верховных властей; такой же точно план восстановления был и в отношении Малороссии. При этом надобно заметить следующее: что Гулак именно сказал мне, что Общество будет действовать миролюбиво в отношении царской фамилии, когда же переворот будет произведен, и государь не пожелает сложить с себя верховной власти, то тогда необходимость заставит пожертвовать царскою фамилией — собственные слова Гулака»³⁸.

То же самое говорил Петров на очной ставке в III отделении 15 мая: «Гулак в декабре 1846 [года] обнаруживал прямо революционные намерения, что предполагая соединить славянские племена и ввести в них народное правление, он надеялся достигнуть этого возбуждением славян к восстанию против верховных властей их; говорил, что при этом Общество будет действовать миролюбиво в отношении к царской фамилии, но если переворот будет произведен, а государь не пожелает сложить с себя верховной власти, то необходимость заставит пожертвовать царскою фамилией, что средствами для возбуждения к восстанию предполагал: внушение народу в самом невыгодном виде всех распоряжений правительства, путешествия по деревням для сближения с крестьянами и распространения между ними идеи о народном правлении; что некоторые уже путешествуют с этой целью; что учреждение школ и издание книг для простого народа предполагали в той же мысли, что с образованием черни восстание непременно произойдет, если не в настоящее время, то в будущем поколении, что у Гулака часто собирались друзья его и тотчас начинали разговор

³⁸ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 16, л. 7—8.

о приведении в исполнение общего их намерения, и что более всех в этом действовал сам хозяин (Гулак)»³⁹.

Гулак не отрицал категорически этого показания, он ответил: «Что может быть вел какие-либо разговоры, но не помнит содержания оных»⁴⁰.

Далее, возвращаясь к вопросу о показаниях Петрова, Гулак в своих ответных пунктах, переданных им 17 мая через коменданта Петропавловской крепости генерала Скобелева, категорически отрицал лишь приписываемые ему Петровым «разговоры о царской фамилии».

Костомаров также характеризует Гулака как человека, обнаруживавшего «противозаконные идеи». Так, на допросе от 15 апреля он, оправдываясь в том, что передал «Закон божий» Гулаку, говорит: «Гулаку же я дал его в полной уверенности, что в нем перебрали все противозаконные идеи...»⁴¹.

В дополнительном показании от 17 апреля Костомаров говорил, что Гулак проявлял склонность к либерализму (вполне понятно, что костомаровское определение либерализма ничего общего с действительным либерализмом не имело и характеризовало лишь более радикальные взгляды Гулака). «Гулак, — говорит Костомаров, — действительно обнаруживал склонность к либерализму, занесенную им из Дерпта, в особенности глупую и странную страсть к корпорации и обществам»⁴².

Наконец, Андрузский, в своих показаниях также характеризует Гулака, как человека, стоящего на более радикальных позициях чем Костомаров.

Хотя само по себе поведение в III отделении и не может характеризовать идеологических позиций человека, однако в общей связи с вышеизложенными документами мужественное поведение Гулака на следствии, упорное нежелание давать какие-либо показания об Обществе, по нашему мнению, также характеризуют его решительный образ мыслей.

Однако, имеем ли мы достаточно оснований рассматривать Гулака сторонником революционных методов?

По нашему мнению, нет.

Доказательством этого, мы полагаем, является следующее.

Будучи одним из организаторов Общества, Гулак не мог не принимать также программных положений его. Распространение им устава Общества и «Закона божия» подтверждает это. Так, принимая в Общество Петрова, Гулак знакомил его и с уставом и с «Законом божим».

³⁹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 2, лл. 90—92.

⁴⁰ Там же, л. 90.

⁴¹ Там же, л. 132.

⁴² Там же, ч. 16, л. 151.

Коль скоро Гулак принимал и «Закон божий», и устав Общества, проникнутые идеей мирной пропаганды в духе евангельского учения, мы не имеем основания считать Гулака сторонником революционных методов.

Все это дает нам лишь возможность полагать, что колебания в сторону революционных методов занимали у Гулака значительно большее место, чем это мы находим у других членов Общества.

Подобная противоречивость во взглядах Гулака (с одной стороны, принятие им реформистских, программных положений Общества и, с другой, — положительное отношение к насильственным методам борьбы) была вполне возможна в этот период, когда революционное и либеральное направление еще только размежевывались и выступали совместно в борьбе с крепостным правом.

Перейдем к рассмотрению взглядов Навроцкого. Петров в своих показаниях характеризовал Навроцкого так же, как и Гулака, сторонником революционных методов.

Так, в своем показании от 27 апреля Петров, отвечая на вопрос о замыслах Общества в отношении существующего образа правления, говорил: «Представивши народу с самой невыгодной стороны все распоряжения правительства и возбудивши тем самым его ненависть, побудить к перевороту; во всех же вообще славянских племенах, а равно и в Малороссии предназначалось установить правление народное. Все слышано от Гулака и Навроцкого»⁴³.

Таким образом Навроцкий, по словам Петрова, так же как и Гулак, стоял за насильственный переворот. То же самое повторил Петров на очной ставке с Навроцким 15 мая, где заявил, «что славянисты предполагают представлять народу с самой невыгодной стороны все распоряжения правительства и, возбудивши тем ненависть, подвигнуть к перевороту...»⁴⁴.

Тесная дружба Навроцкого со своим родственником Гулаком, наконец, одинаковое поведение их на следствии, где Навроцкий, подобно Гулаку, упорно отрицал какое-либо отношение к Обществу, — все это дает нам основания предполагать идейную близость Навроцкого и Гулака.

Далее попытаемся рассмотреть идеологические позиции Посяды, хотя для разрешения этого вопроса мы располагаем скудными данными — лишь показаниями Андрузского.

На очной ставке с Посядой 15 мая Андрузский следующим образом характеризовал Посяду: «Происходя из крестьян, он задумал во что бы то ни стало, облегчить быт этого класса; не-

⁴³ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс, д. № 81, ч. 16, л. 8.

⁴⁴ Там же, ч. 7, л. 25.

навидел дворян, почитая их виновниками всего худого; ненавидел и монархизм, будто бы потворствующий помещикам; но в спорах уступал и соглашался действовать, к облегчению положения крестьян, с помощью правительства; с этой целью он сочинял на высочайшее имя государя императора и на имя министра финансов просьбы, предполагая еще высказать печатно все злоупотребления местных начальств, хотя задушевная мысль и молитвы его были восстановить Малороссию, но он более изъявлял желание только облагородить жизнь простого народа...»⁴⁵.

Стремление действовать «к облегчению положения крестьян... с помощью правительства» находит свое подтверждение в имеющихся в его следственном деле двух черновых прошениях на имя царя и, по-видимому, министра финансов, говорит о либеральном образе мыслей Посяды.

В литературе существует довольно распространенный взгляд, характеризующий Посяду сторонником левого направления, что, мы полагаем, лишено каких-либо серьезных оснований⁴⁶.

Идеи французского утопического социализма Фурье, Сен-Симона оказали большое влияние на члена Общества Савича. Савич, как уже говорили выше, еще в детстве был знаком с идеями Великой французской буржуазной революции по произведениям энциклопедистов, а после выхода в отставку в течение трех лет жил в Париже и слушал лекции в «College de France». О влиянии на него идей утопического социализма мы узнаем из показаний Костомарова на следствии, а также из анализа его проекта «Освобождение женщин», обнаруженного при аресте.

В этом проекте он развивает мысль о том, что «освобождение женщин неразрывно связано с уровнем морального состояния общества».

⁴⁵ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 9, лл. 30—31.

⁴⁶ Для характеристики Посяды небезынтересно привести следующий факт. Осенью 1851 года Посяда решил определиться на службу в III отделение, по поводу чего обратился с письмом к графу А. Ф. Орлову: «Граф! — писал Посяда. — Прошло более 4 лет, как я имел счастье видеть особу Вашу в III отделении, но редко проходит день, в который бы душа моя, вспоминая прошедшее, не возносилась к Вам с чувством глубокой признательности за Ваше благосклонное внимание к моей участи... я от всей души моей прошу Ваше сиетельство доставить мне счастье быть на службе в столице под Вашим покровительством» (д. 81, ч. 9, лл. 69—70). Однако эта просьба удовлетворена не была и Дубельт в своем ответе Посяде сообщил, «что гр. Орлов не может удовлетворить его просьбу по неимению вакансии в сем управлении» (там же, л. 71).

В ответ на отказ удовлетворить его просьбу, Посяда снова обратился с письмом, на сей раз к Дубельту, в котором отмечал, что «в III отделении я видел более хорошего, чем где-либо» (там же, л. 72).

«Если женщины хотят возвыситься до положения и прав мужчины, они должны также возвыситься до той же степени чувствований идей. Красота не иначе может возвеличить своей власти как через союз свой с мыслью. Но эта будущность судеб женщин не может быть отделена от состояния морального мира... где равенство, там совершенство»⁴⁷, — говорит Савич.

В упоминавшемся выше проекте «Освобождение женщин» мы находим следующие мысли о религии, которые, по нашему мнению, также говорят о влиянии Фурье: «Треугольник и четырехугольник, единство и множество, бог и бог в проявлении, человек и человечество»⁴⁸.

«Бог в проявлении человек и человечество» — такая постановка вопроса близка Фурье, рассматривавшему бога как организатора человечества, направляющего его по пути совершенства и гармонии.

Костомаров также в своих показаниях говорил о влиянии на Савича идей французского утопического социализма. «Савич, отрекомендованный мне Гулаком, был со мною знаком очень на далекой ноге, так что я его видал раза три в жизнь. Он оказывал либеральное расположение, за что я с ним и раззнакомился, так что, когда он, уезжая за границу, хотел побывать у меня, то я приказал сказать, что меня дома нет. Он был помешан на французском коммунизме и считал возможным, что общество человеческое дойдет до того что все будет общим, даже жены...»⁴⁹

Петров в своем доносе следующим образом характеризовал Савича: «...помещик Савич ревностно доказывал необходимость уничтожить в России монархический образ правления и стараться устроить правление народное с представительной формой, в котором бы каждое отдельное славянское племя имело у себя особенного представителя, заседающего в общем Совете славянских племен. На мнения Савича были деланы возражения и вопросы профессором Костомаровым. Далее Савич доказывал возможность произвести таковой переворот при настоящих, по его мнению, неблагоприятных поступках правительства, приводя в пример постройку Киевской крепости, что он говорил с одним инженерным офицером и что офицер этот доказывал ему необходимость таковой постройки, как важного стратегического пункта. Но, что, по мнению Савича, это будет удобнее место для собрания лиц, намеревающихся произвести восстание...»⁵⁰.

Далее он сообщал, что, по мнению Савича, правительство в

⁴⁷ ЦГИАМ, ф. III отд., д. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 10, л. 37.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, ч. 3, лл. 152—153.

⁵⁰ Там же, ч. 1, лл. 58—59.

России «желает подавить народный дух, или, — как выражал это помещик Савич, — желает ввести в России китаизм, но что дух народный необходимо должен высвободиться от тяготеющего на нем деспотизма»⁵¹.

Все это дает нам право говорить, с одной стороны, о влиянии на идеологию Савича идей французского утопического социализма и, с другой стороны, утверждать наличие революционных тенденций в его идейно-политических взглядах.

Однако считать Савича представителем революционного направления, по нашему мнению, нельзя, так как для этого мы не располагаем достаточными основаниями. Делать же подобный вывод на основании лишь свидетельства Петрова, пускай даже и вполне правдоподобного, не следует.

Да и вообще Савич представляется нам человеком, крайне неуравновешенным, с некоторыми странностями: так, в Париже он пытался выдавать себя за родственника царя, доказывая свое происхождение от Романовых, а затем писал царю покаянное письмо об этом.

«Винюсь Государь перед Вашим Императорским Величеством. Сумасбродная идея поселилась мне в голову, что я тоже происхожу от Романовых. В Париже в гостях у Белиньи, я вздумал похвалиться своим происхождением и высказал ему свое происхождение. Белиньи и Остин подхватили мое хвастовство и просили моего благоволения, когда я буду царем. Вот моя вина. Прости, Государь, безумцу, который осмелился равняться родом с тобою»⁵².

По поводу этого письма в следственном деле имеется следующая резолюция шефа жандармов гр. Орлова, предназначенная, по-видимому, для Дубельта. «По письму ты увидишь, — писал он, — что характер не опасный. Государь сказал с улыбкой, но очень милостиво: «Представить обыкновенным докладом по снятии допроса»⁵³.

Это лишний раз говорит о том, что рассматривать Савича сторонником революционных методов лишь на основе разговора, подслушанного Петровым, не представляется возможным.

Особое место занимал в Обществе великий народный поэт Украины Т. Г. Шевченко, творчество которого оказывало огромное влияние на развитие национально-освободительного движения украинского народа.

Будучи выходцем из среды крепостного крестьянства, с детства испытавший на себе все ужасы рабского существования

⁵¹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. I, л. 60.

⁵² Там же, ч. 10, л. 42.

⁵³ Там же, л. 40.

ния, Шевченко со всей страстью своей многогранной природы ненавидел существующую действительность.

Вся поэзия его проникнута жгучей ненавистью ко всему самодержавно-крепостническому строю, горячей любовью ко всем угнетенным, к своей родной Украине.

«Я так її, я так люблю
Мою Україну убогу,
Що проклену святого бога,
За неї душу погублю.»

Жгучей ненавистью к самодержавию и феодально-крепостническому строю проникнута идеология Шевченко.

В поэме «Кавказ» эта действительность представляется Шевченко в следующем виде:

«А тюрм! а люду! Що й лічить
Од молдаванина до фіна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує...»⁵⁴.

Крепостная деревня и царящий в ней произвол помещиков, распорядившихся жизнью и смертью своих крепостных рабов, вызывают негодующее отношение Шевченко:

«Он глянь: у тім раї, що ти покидаєш
Латану свитину з каліки знімають
З шкурою знімають, — бо нічим обути
Княжат недорослих, А он розпинають
Вдову за подушне; а сина кують
Єдиного сина, єдину дитину,
Єдину надію — в військо оддають!
Бо його бач, трохи! А онде під тином
Опухла дитина — голоднеє мре
А мати пшеницю на панщині жне»⁵⁵.

Ненавистью к этим угнетателям крестьянства пронизано творчество Шевченко. В поэме «Кавказ» он так рисует помещиков, торгующих себе подобными:

«І зорі лічим, гречку сієм,
Французів лаєм, Продаєм
Або у карти програєм
Людей... не негрів... а таких
Таки хрещених... но простих»⁵⁶.

⁵⁴ Т. Г. Шевченко. «Повна збірка творів в п'яти томах». Київ, 1939, т. I, стр. 321.

⁵⁵ Там же, стр. 232.

⁵⁶ Там же, стр. 322.

Каким же путем представлял Шевченко возможность освобождения своей родины — Украины? Ответ на этот вопрос мы находим в его «Заповіті»:

«Поховайте та вставайте
Кайдани порвіте,
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте»⁵⁷.

Шевченко — идеолог крепостного крестьянства, стремившегося свергнуть иго феодализма.

Однако в творчестве Шевченко встречаются иногда и другие мотивы. Так в своем стихотворении «І мертвим и живим и ненарожденим землякам моїм», написанном в 1845 г., он наряду с призывом к борьбе с царизмом писал:

«Обніміте ж, брати мої
Найменшого брата
Нехай мати усміхнеться
Заплакана мати.
Благословить дітей своїх
Твердими руками
І діточк пошлує
Вільними устами.
І забудеться срамотна
Давня година
І оживе добра слава
Слава — України.
І світ ясний, не вечірній
Тихо засіє.
Обніміться ж, брати мої
Молю вас, благаю!»⁵⁸.

Эта противоречивость, как уже говорилось выше, обуславливалась тем, что процесс размежевания революционной и либеральной идеологии в 40-е годы только еще начинался. В силу этого в поэзии даже таких представителей революционной идеологии, каким был Т. Г. Шевченко, проскальзывают порой призывы к примирению.

Являясь горячим поборником развития национальной культуры, Шевченко вместе с тем был сторонником именно той культуры, которая, по словам В. И. Ленина, соединяла в себе «хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры...»⁵⁹.

Таким образом, Шевченко отнюдь не мог разделять ни программных, ни теоретических положений Общества, стоявшего

⁵⁷ Т. Г. Шевченко. «Повна збірка творів в п'яти томах». Київ, 1939, т. 1, стр. 350.

⁵⁸ Там же, стр. 330—331.

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 8.

в основном на реформистских позициях, и только общность основной идеи — идеи национального и социального освобождения Украины — и обуславливала участие его в Обществе.

К сожалению, историческая наука не обладает до сегодняшнего дня какими бы то ни было материалами, которые характеризовали бы практическую деятельность Шевченко в деле организации революционной борьбы с существовавшим феодально-крепостническим строем. Известно лишь несколько скудных свидетельств о беседах его среди народа на революционные темы.

Вместе с тем в последние годы большое распространение получила тенденция освещать эту сторону вопроса, не располагая при этом какими-либо историческими источниками.

Одним из родоначальников подобного «метода исследования» является Н. Ф. Бельчиков. В своей книге «Тарас Шевченко» он пишет по этому поводу следующее: «Н. А. Момбелли, знавший Шевченко с 1843 года, сообщил такие ценные сведения о его работе на Украине: «Никто не знает плана малороссийских патриотов, какую они имели цель, но говорят об этом различно. Одни говорят, будто бы они хотели возбудить Малороссию к восстанию... Некоторые называют поступки Шевченко безрассудными, признаком помешательства, потому собственно, что план его находят несбыточным, просто нелепым. Малороссы же, более знакомые с условиями местности, даже сильно не одобряющие поступка Шевченко, уже потому, что он не удался, признают его план совсем не так нелепым, как может казаться с первого взгляда». И тогда «весь юг и запад России взялись бы за оружие!», — заключает Момбелли. «О каком же плане Шевченко говорит Момбелли? — вопрошает Бельчиков. — Очевидно о плане революционного массового восстания»⁶⁰.

В действительности же при добросовестном изложении записи в дневнике Момбелли за май — ноябрь 1847 г. звучат совершенно иначе. Сообщая об аресте в Киеве Шевченко, Костомарова и Кулиша, Момбелли заносит в свой дневник различного рода слухи, циркулировавшие в Петербурге. Говоря о Шевченко, он пишет: «Этот Шевченко, говорят, написал на малороссийском языке, в стихах, воззвание к малороссиянам и отдал его какому-то французу Лессажу для напечатания в Лейпциге в большом числе экземпляров. На границе таможня остановила Лессажа и при обыске нашли воззвание за подписью Шевченко. Лессажа остановили, но он взял на себя поручение, не зная содержания стихов. Однако же он был в сообщении с Шевченко и дал ему знать о происшедшем. Шевченко не-

⁶⁰ Н. Ф. Бельчиков. Тарас Шевченко. М., 1939, стр. 157—158.

медленно бежал в Галицию и там уже его схватили. Никто не знает плана малороссийских патриотов, какую они имеют цель, но говорят об этом различно. Одни говорят будто бы хотели возбудить Малороссию к восстанию, к провозглашению гетманщины и к совершенному отделению от России.

Другие говорят, будто бы они, хотя и составили проект о восстановлении гетманщины, но провести свой план хотели не иначе, как с разрешения императора, и ему-то на рассмотрение предполагали представить свой прожект управления Малороссией.

Третьи говорят, что ни замыслов, ни заговора решительно никаких не было, и что вся эта история не больше как сочинение киевского генерал-губернатора Бибикова...»⁶¹. Далее следует рассказ о Бибикове. После этого вновь повторяется рассказ о Шевченко. «Самое открытие заговора, — пишет Момбелли, — рассказывается разными лицами различно. Говорят, будто бы Шевченко дал один экземпляр своего воззвания за своею подписью какому-то иностранцу Лессажу с тем, чтобы тот напечатал его в большом числе экземпляров в Лейпциге для раздачи народу...»⁶². Ниже воспроизводится рассказ об аресте Шевченко в Галиции с помощью австрийской полиции. «Некоторые говорят, — пишет далее Момбелли, — что посредством тайной полиции правительство и прежде знало о существовании заговора и что, останавливая Лессажа, знали, что он везет воззвание. Еще говорят, будто бы австрийское правительство прислало бумагу русскому, в которой говорит, что чиновники русские с видом от правительства разъезжают по австрийским землям и распространяют между австрийскими славянами мысли, неприязненные правительству. Приверженцы деспотизма, т. е. настоящего порядка в России, и все проникнутые страхом, так называемые осторожные или иначе благоразумные величают замысел этот глупым безрассудством, бессмысленным малодушием»⁶³. Ниже следует несколько строк о том, что понимается в России под малодушием и далее Момбелли продолжает: «Некоторые называют поступок Шевченко безрассудством, признаком помешательства, потому собственно, что план его находят несбыточным, просто нелепым. Малороссияне же, более знакомые с условиями местности, даже сильно не одобряющие поступка Шевченко уж потому, что он не удался, признают его план совсем не так нелепым, как это может казаться с первого взгляда»⁶⁴.

Далее следуют довольно пространные рассуждения о «ле-

⁶¹ Дело петрашевцев, т. I, М.—Л., 1937, стр. 310.

⁶² Там же, стр. 311.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 312.

ности и апатичности малороссиян» и в заключение абзаца Момбелли говорит следующее: «С восстанием же в Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно весь юг и запад России взялся бы за оружие»⁶⁵.

Такова запись Момбелли в неотрепированном виде. Н. Ф. Бельчикову прекрасно известно, что вся версия о Лессаже и воззвании Шевченко является плодом досужих слухов и не соответствует действительности, однако стремления «улучшить историю» толкнули его, по-видимому, на путь недобросовестного цитирования источника.

Эта легенда о «плане восстания» получила широкое распространение. Так, Я. Д. Дмитерко в книге «Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко» уже без всякого цитирования пишет следующее.

«Левый петрашевец Н. Момбелли пишет, что Шевченко вынашивал план широкого народного восстания»⁶⁶. Несколько строками ниже Дмитерко снова говорит, что «по свидетельству современников, в частности Н. Момбелли, он (Шевченко. — П. З.) открыто призывает крестьян к восстанию»⁶⁷. И тут же, уже без всякой осылки на источник, Дмитерко указывает, что по инициативе Шевченко «наиболее революционно настроенные члены Общества берутся за издание журнала, который должен собрать и сплотить преданных крестьянской революции людей»⁶⁸.

Все эти утверждения не имеют под собой никакой почвы. Роль Шевченко в истории развития передовой украинской революционной идеологии настолько велика, что нет никакой нужды ему что-либо приписывать.

Таким образом, оставаясь на почве фактов, а не мифотворчества, представителем революционного направления в обществе можно рассматривать только одного Шевченко. Что касается Гулака и других, то, как уже указывалось выше, мы можем говорить лишь о наличии революционных тенденций в их политических воззрениях. У Гулака эти тенденции были весьма значительны.

До сих пор мы занимались рассмотрением идейно-политических взглядов тех членов Общества, которые в той или иной степени занимали более радикальные позиции, нежели позиции самого Общества.

Теперь же попытаемся рассмотреть идеологию тех лиц,

⁶⁵ Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., 1937, стр. 312.

⁶⁶ Я. Д. Дмитерко. *Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко*. М., 1951, стр. 36.

⁶⁷ Там же, стр. 37.

⁶⁸ Там же.

взгляды которых характеризуются большей умеренностью, нежели программные документы Общества.

К таковым относятся Андрузский и Кулиш.

Идеологические позиции Андрузского мы можем определить на основании его личных бумаг, хранящихся в III отделении. Они состоят из нескольких проектов государственного переустройства, как их именует III отделение. Однако, точнее—это различные мысли об улучшении общественных отношений, записанных им в разное время. Поэтому они и не представляют собой каких-либо разработанных теорий, а, наоборот, полны противоречивых положений.

Здесь мы находим конгломерат различных идей, что создает большие трудности для определения позиций Андрузского. Пожалуй, точнее будет сказать, что в эти годы сложившихся взглядов у него еще не было. Это был период «переоценки ценностей», происходившей под влиянием знакомства его с различными общественными теориями (правда, крайне поверхностного), под влиянием новой среды, в которой очутился 19-летний сын полтавского помещика, попав в университет.

Перейдем к рассмотрению его проектов. Наибольший интерес представляют два его черновых наброска — проекты: «Проект достижения возможной степени равенства и свободы (преимущественно в славянских землях)» и «Идеал государства».

«Проект достижения возможной степени равенства...» излагает следующие положения: «Ныне всякий порыв к реформе был бы бесполезен. Препятствием тому служат: 1) разделение народа на сословия друг другу чуждые и нередко враждебные; 2) Произвол монарха; 3) Неправильное направление образования».

Требуется: а) слить сословия или общим благородным интересом связать их, в) дать воле монаршей препон законам и внушением как монарху, так и подданным христианских понятий о человеке и человеческих обязанностях; с) образовывать более сердце, чем ум. Более для семейной и служебной жизни, чем для света. Любовь к отечеству и вера должны оживлять и внедрять всякое познание.

Избегать при сем нужно: а) подрыва сословий, необходимых отечеству: земледельцев, ремесленников, купцов и т. д. и в особенности духовного; в) произвола народного; с) впадения в фанатизм или скептицизм...»⁶⁹.

Далее предусматривается уничтожить привилегированные сословия, обеспечить всем одинаковые государственные права и личную свободу.

Однако достижение всего этого предполагается осуществ-

⁶⁹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I экс., д. № 81, ч. 8; прилож. к л. 6а; л. 2.

вить постепенно. С этой целью проект предусматривает следующее: распространение образования, допущение на все важные должности людей всех сословий, наложение на дворян податей, изгнание из среды дворянства недостойных — дворян, «не имеющих способов прилично себя содержать, неслужащий отечеству и не имеющий приличного образования лишается сего звания»⁷⁰, уничтожение титулов придворного штата и т. д.

Также предполагалось даровать личную свободу казенным и царским крестьянам. «Сперва надо ослабить, а ослабленное само падает»⁷¹, — такова мысль Андрузского.

«Идеал государства», помимо изложенных положений, предполагает создание Народного Сейма, который должен утверждать законы: «Народ постановляет действующие законы, кои суть коренные, их только вправе отменить постановления народного сейма...»⁷².

Что собой должен представлять народный сейм — на этот вопрос ответа в проекте мы не находим. Далее в «Идеале государства» предусматривается издание «Народной оппозиционной газеты», которая должна критиковать работу правительства, требовать реформ и т. д.

Перейдем к рассмотрению крестьянского вопроса, как он представляется автору проектов.

Если Андрузский требует, с одной стороны, уничтожения рабства, то, с другой стороны, в проектах мы не находим требования отмены крепостного права. В «Проекте достижения равенства...» содержатся лишь слабые попытки несколько уменьшить его: «...мужчин 60-ти, женщин 50-ти лет свободны, но помещик должен их содержать по смерть, или же снабдить их полным хозяйством»⁷³. Дворяне, освободившие своих крестьян, освобождаются от всяких повинностей и службы.

Однако наряду с этим мы встречаем такие положения: «Помещик владеет не крестьянами, а землю, крестьяне же служат ему по земле»⁷⁴ и далее «Дворянин, имеющий менее 10 семей, должен или прикупить или же продать в казну»⁷⁵.

Помимо этого в бумагах Андрузского мы находим специальный проект, посвященный крестьянскому вопросу.

Из него следует, что автор отнюдь не считает необходимым уничтожение крепостного права, а стремится лишь к некоторому смягчению его. Так, в проекте мы встречаем следующее положение: «Каждый семейный крестьянин должен иметь соб-

⁷⁰ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 8, л. 2.

⁷¹ Там же, л. 3.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, прилож. к л. 6а, л. 2.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

ственность: а) хоть полосу земли, в) хату, огород, одежду, с) лошадь или вола, корову, овцу, свинью. Приобретенное им за свои деньги или за свою собственность принадлежит ему неотъемлемо...»⁷⁶.

Землю, хотя бы и собственную, он не имеет права продавать без воли помещика. Далее следует подробное изложение условий барщинной работы. Мы узнаем, что крестьяне обязаны работать на помещика «...через каждые три дня, не выключая праздников». Барщина должна оплачиваться, причем определяется даже норма оплаты. За посев — 6-ю часть посева, за косовицу — 3-ю часть, за молотбу — 10-ый сноп. В другое время работа должна производиться по особому договору⁷⁷.

И в заключение определяется наказание за неповиновение помещику: «Поднятие руки на помещика, побои ему за 1-е плети, за 2-е — арестантская рота на 10 лет, потом 25 лет солдатчина»⁷⁸.

Несмотря на противоречивость ряда положений и отсутствие определенной системы взглядов у Андрузского, мы все же можем установить следующее: Андрузский — сторонник либерально-реформистского пути, при этом отмена крепостного права не представляется ему необходимой немедленно.

Остановимся на рассмотрении идеологических позиций Кулиша.

Его идеология носит более умеренный характер, нежели у других членов Общества. В своей работе «Карманная книжка для помещиков и лучший, извлеченный из опыта, способ управлять имением», изданной им в 1846 г. под псевдонимом штаб-лекаря Ф. Гладкого, Кулиш восторгался «мудрым правлением» господ помещиков и изображал их «благотворное» влияние, обеспечивавшее крепостному крестьянину, по его словам, счастливую, зажиточную жизнь: «Весьма удобные и чистые избы, народ здоровый, веселый и хорошо одетый, у каждого мужика полон двор лошадей и скота...

Самое обхождение со мной усольских крестьян показалось мне как-то облагороженным: я нашел в них учтивость без глупого страха и удивления к приезжему, что меня очень занимало и вместе радовало... Говорил себе мысленно: «Как много зависит не только вещественное, но и нравственное благосо-

⁷⁶ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 8, прилож. к л. 6а; л. 7.

⁷⁷ Там же, л. 6.

⁷⁸ Там же, л. 10. В другом наброске проекта нормы оплаты несколько иные.

стояние крестьян от помещика! Надо иметь ему только бескорыстие и справедливость, чтобы они сделались зажиточными и счастливыми»⁷⁹.

Следовательно, разрешение крестьянского вопроса, по мнению Кулиша, заключается в «бескорыстии и справедливости» помещиков, которые в конечном счете освободят своих крестьян.

Нам представляется до некоторой степени правильной та оценка Кулиша, которую дает ему Костомаров на следствии в III отделении: «Зная Кулиша *прежде* как до безумия преданного Украине, без всяких, однако, политических идей...»⁸⁰.

Действительно, Кулиш, преданный идее национального освобождения Украины, надеялся осуществить ее лишь путем распространения культуры, просвещения, не связывая разрешение ее с какими-либо определенными политическими идеалами. Политические преобразования, в том числе и отмена крепостного права, сторонником чего он являлся, представлялись ему делом второстепенным.

Что касается идеологических позиций Пильчикова, то имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают нам возможности ответить на этот вопрос.

Рассмотрение идеологии Общества и отдельных его членов дает нам возможность сделать следующий вывод.

В основе идеологии Общества лежали идеи национального освобождения Украины и ликвидации крепостного права. Отсюда уничтожение феодально-крепостнического строя, создание славянской демократической федеративной республики с широкой автономией для каждой, входящей в федерацию нации.

Идеология Общества объективно отражала интересы зарождавшейся украинской буржуазии, политические идеалы которой вследствие неразвитости новых общественно-экономических отношений не вступили еще в противоречие с интересами широких слоев народа.

Уничтожение российского царизма вместе со всем феодально-крепостническим строем не могло не соответствовать интересам широких масс украинского народа.

Идеология Общества в целом представляется бесспорно прогрессивной, соответствовавшей интересам исторического развития Украины.

⁷⁹ «Карманная книжка для помещиков и лучший, извлеченный из опыта, способ управлять имением». Издал Ф. Гладкий. СПб., 1846, стр. 11—12. Кулиш рассказывает о поместье гр. А. А. Строгонова в селе Усолье Пермской губернии.

⁸⁰ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 3, л. 142.

Свои политические идеалы кирилло-мефодиевцы пытались осуществить мирным реформистским путем. На революционных позициях целиком стоял лишь Т. Г. Шевченко. Правда, некоторые члены Общества (Гулак, Навроцкий) обнаруживали и определенные тенденции в сторону революционных методов борьбы, однако в целом они находились на либеральных позициях.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Арест и следствие

• Организованное в начале 1846 г. Общество в течение года своего существования немного сделало для претворения в жизнь своих планов. Правильнее было бы сказать, что в этой области делались лишь первые шаги.

• Практическая деятельность Общества развивалась в двух направлениях: в области вербовки новых членов и в распространении просвещения в народе.

О распространении идей Общества и вербовке новых его членов говорит в своей «Автобиографии» Костомаров: «Идеи основанного мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространял их, где мог: с кафедры между студентами, в частных разговорах, между профессорами университета и даже духовной академии. Идеи общества быстро пошли в ход»¹.

Распространением идей Общества в Полтаве должен был заниматься Белозерский, о чем на следствии говорил Андрузский: «В Полтаве он (Белозерский. — П. З.) обязан был рассеивать волновавшие общество идеи»².

Это подтверждает и сам Белозерский; в его письме Гулаку из Полтавы мы встречаем следующую фразу: «Я здесь нашел несколько благородно мыслящих людей, которые весьма были бы полезны, если бы их не одолевал страх. Само положение их поддерживает в них весьма естественно это чувство»³.

Занимались распространением идей Общества и другие его члены. Так Костомаров в своей «Автобиографии» называет Пильчикова одним из деятельных пропагандистов.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают нам

¹ Костомаров. Автобиография, «Русская Мысль», 1885, кн. 5, стр. 211.

² ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 8, л. 26.

³ Там же, ч. 2, прилож. 8-д.

возможности ответить на вопрос, каких результатов удалось достигнуть в этой области. Приводимое выше свидетельство Пильчикова о том, что количество членов Общества достигало почти ста человек, мы считаем преувеличенным.

Перейдем к рассмотрению деятельности Общества в области просвещения народа.

• Общество пыталось начать издание книг на украинском языке по различным отраслям знаний. В числе намечавшихся к изданию книг мы находим «Сельское чтение», издававшееся Одоевским и Заболоцким в Петербурге, серию учебников по истории, географии, сельскому хозяйству, счетоводству и, наконец, различные литературные произведения. Для этого издания был организован сбор средств среди членов Общества.

Костомаров на допросе в III отделении 15 апреля говорил по этому поводу следующее: «Студент Маркович имел большую охоту издавать «Сельское чтение» Одоевского для простых малороссиян на малороссийском языке, и к этой мысли приступили в декабре Гулак, Шевченко, Кулиш и я. Поводом к этому были еще два или три собрания, одно у меня, другое у Гулака и третье в квартире Кулиша, на которых не было и помина о соединении славян, а толковали о средствах к печати, для которых положили, чтобы каждый пожертвовал по десяти рублей»⁴.

Однако деньги вносились не только перечисленной выше четверкой. Так, Маркович в своем показании, перечисляя лиц, принимавших участие в пожертвованиях, называет себя и Посяду. «Денежный сбор был предложен чиновником Гулаком, когда студент Посяда, зайдя ко мне в конце декабря, пригласил меня вместе с ним пойти к Гулаку; там для издания «Чтений», не для одного простого народа, но и вообще для публики, мы говорили, и как никто из нас не имел средств печатать на свой счет, то пока правительство не приняло бы этого издания под свое особое покровительство, как это сделано с «Чтениями», издаваемыми князем Одоевским, мы решились сделать между собою небольшой сбор; кто же именно предложил этот сбор я припомнить не могу — Посяда или Гулак»⁵.

Кулиш в своем показании заявил, что Белозерский принимал участие в сборе средств.

Таким образом, нам известны фамилии восьми членов Общества, принявших решение вносить на издание средства.

Из переписки Костомарова мы узнаем, что он вел также переговоры об этом с профессором Харьковского университета Метлинским и учителем 1-й харьковской гимназии Тиханови-

⁴ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 3, лл. 126—127.

⁵ Там же, ч. 11, л. 19.

чем. На допросе Костомаров говорил по этому поводу следующее. «Я писал об этом Метлинскому, предлагая ему собрать для этого дела охотников участвовать и деньгами и пером, чтобы потом, когда соберутся средства, представить это на разрешение правительству»⁶.

Осуществлялся ли этот план сбора средств?

На этот вопрос надо ответить утвердительно. У Кулиша при аресте был обнаружен список лиц, вносивших деньги,⁷ с указанием суммы взноса, из которого мы узнаем, что всего по этому списку внесено было в разные сроки 556 р. 15 к. ассигнациями: сам Кулиш внес 1 июля 1846 г. — 245 р. 65 к.; 1 декабря того же года — 112 р. и 1 марта 1847 г. — 100 р., всего 457 р. 65 к.

Гулаком было внесено в сентябре 1846 г. — 25 руб. и 1 января 1847 г. — 35 р., всего 60 р.; наконец, Белозерским в марте 1846 г. — 17 р. 50 к. и в октябре этого же года — 21 р., всего 38 р. 50 к. Фамилии Костомарова в списке мы не находим.

Исчерпываются ли этим все внесенные на издательство книги суммы? Полагаем, что нет. Маркович в своих показаниях говорит, что «деньги эти, кажется, должен был собирать Костомаров», причем им лично было внесено Костомарову в январе или феврале 1847 г. 10 р. серебром.

Сопоставляя, с одной стороны, показания Марковича, а с другой — отсутствие фамилии Костомарова в списке Кулиша, можно предположить, что, помимо Кулиша, вносимые деньги хранились также и у Костомарова.

Далее необходимо отметить, что запись Кулиша опровергает показания как Костомарова, так и Марковича в той части, что деньги начали собирать лишь в декабре 1846 г.: уже в марте этого года внес свой первый взнос Белозерский, в июле — Кулиш, в сентябре — Гулак.

Таким образом, определить сумму внесенных денег не представляется возможным.

Что касается изданий, предпринятых на собранную сумму, то, по словам Кулиша, ничего издано не было, за исключением его книги «Карманная книжка для помещиков, и лучший, извлеченный из опыта способ управлять имением», которая отражала взгляды самого Кулиша, а не идеологию Общества.

В заключение надо остановиться на проекте создания школ «для низшего класса народа — казаков-земледельцев», написанном Белозерским.

В этом проекте-записке, по форме напоминающем прошение, излагается мысль о необходимости открытия сельских школ для земледельцев-казаков. Задача этих школ, по мнению авто-

⁶ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 3, л. 155.

⁷ См. выше, стр. 71.

ра, должна заключаться в обучении грамоте и необходимым сведениям по сельскому хозяйству с тем, чтобы окончившие эти школы обязательно оставались в деревне. В конце проекта автор просит разрешить сбор средств на организацию этих школ.

В своих показаниях в III отделении Белозерский представляет этот проект как отражение стремлений всех «славянистов», т. е. всех членов Общества: «Учреждение школ было общим желанием всех, размышлявших о пользе общей»⁸

Этот проект так и остался проектом, и ничего для осуществления его предпринято не было. Вот и все, чем можно характеризовать деятельность Общества.

• Находясь в стадии организационного оформления, Общество не могло развернуть должным образом свою деятельность. в силу чего практические шаги его ограничивались лишь составлением различных проектов и планов, да и само существование его было очень непродолжительным. Если считать основанием Общества январь 1846 г., когда возникают лишь первые планы создания его, то весь период существования Общества составляет всего лишь 13 — 14 месяцев (уже в марте 1847 г. члены его были арестованы).

• 3 марта студент Петров, принятый в Общество Гулаком и оказавшийся предателем, представил донос о существовании Общества попечителю Киевского учебного округа генерал-майору Траскину⁹.

В этом доносе он сообщал, что, живя в доме протоиерея Андреевской церкви Завадского вместе с чиновником Киевского генерал-губернатора Николаем Ивановичем Гулаком, занимавшим соседнюю комнату, он «...часто слышал у Гулака собрание людей и рассуждения о предметах, касающихся до государства, проникнутые совершенно идеею свободы; оригинальность мнений, здесь излагаемых о разных отраслях государственного управления завлекла меня, вследствие чего я начал обращать более и более внимания на подобные сходбища и разговоры; замечая таковые собрания довольно часто и видя, что предметы споров всегда были одни и те же, я с достоверностью мог заключить, что они в основании своем должны были иметь цель определенную»¹⁰.

Далее в доносе сообщалось о содержании этих разговоров,

⁸ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 4, л. 60.

⁹ Первоначально Петров сообщил о существовании Общества помощнику попечителя Киевского учебного округа Юзефовичу. После этого, 1 марта, Временная комиссия для разбора древних актов уволила со службы Шевченко, «имея в виду, что сотрудник комиссии Шевченко без всякого согласия комиссии отлучился из Киева и по делам комиссии не занимается». (Киевская старина, 1882, кн. 3, стр. 608—609).

¹⁰ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 1, л. 10.

участниками которых были следующие лица: Гулак, Савич, Костомаров, Навроцкий; упоминается также о студенте Марковиче и Шевченко, бывших в близких отношениях с названными выше лицами, и, наконец, Петров сообщает о состоявшемся знакомстве с Гулаком и приеме его самого в члены Общества.

Петров не только оказался предателем, но некоторое время выполнял еще роль провокатора. Так, в своем письме-рапорте, по-видимому, на имя попечителя Киевского учебного округа генерал-майора Траскина он писал: «По представлению Вашему превосходительству всех мне известных сведений, касательно предосудительных собраний некоторых лиц, я, следуя приказанию Вашего превосходительства, продолжал действовать совершенно в духе этого общества, что [бы] тем более уяснить представленное мною дело, собранием пораздо большего числа сведений»¹¹.

Сообщение о доносе Петрова было тотчас же направлено находившемуся в Петербурге генерал-губернатору Бибикову, причем последний сразу же по получении сообщения, 17-го марта, довел его до сведения шефа жандармов гр. Орлова. Как видно, Орлов придавал большое значение полученному донесению, так как в этот же день в свою очередь сообщил об этом наследнику престола Александру Николаевичу с просьбой разрешить арестовать жившего в Петербурге Гулака, на что и было получено соответствующее указание. Гулак был арестован 18 марта и доставлен в III отделение.

Одновременно с этим были даны указания об аресте Костомарова, Белозерского, Навроцкого, Савича, Шевченко, Кулиша и профессора Московского университета Чижова¹² (распоряжение об аресте Кулиша и Чижова было основано на переписке их с Гулаком, обнаруженной у последнего при аресте). Через несколько дней дополнительно было отдано распоряжение об аресте Посяды, Марковича, Андрузского и студента Тубубы. Помимо этого, привлечены были к следствию по делу «Об украино-славянском Обществе», как наименовали Кирилло-Мефодиевское общество в III отделении, следующие лица:

¹¹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 16, л. 4.

¹² Причиной ареста Чижова являлись также и агентурные донесения из Бреславля, полученные III отделением через наместника Царства Польского еще в конце 1846 г. В этих агентурных сведениях указывалось следующее: «В Бреславле агент наш познакомился с русским подданным Федором Чижовым, жительствоющим будто бы недалеко от Москвы. Он говорил, что поедет в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию, ...когда агент спрашивал не купец ли он? Чижов отвечал, что дворянин, а на вопрос для чего носит бороду?, сказал: что около Москвы много помещиков закупают бороды, дабы сблизиться с русскими купцами и крестьянами, и что это для них очень нужно, дабы скорее уничтожить разницу между дворянством и низшим классом жителей». ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 15, л. 6.

родственник Гулака поручик Ново-Архангельского уланского полка Ашанин, поддерживавший письменные связи с Гулаком; знакомый Беловерского по Полтаве поручик Азовского пехотного полка Бунин; бывавший у Гулака чиновник департамента государственных имуществ Иславин; бывший студент Дерптского университета Вородинов; товарищ Гулака по университету, учитель Каменецкой гимназии Чуйкевич, друг Костомарова и Кулиша, и, наконец, чиновник канцелярии киевского генерал-губернатора Ригельман, связанный с «западно-европейскими панславистами», также близко знакомый с Костомаровым и Кулишом.

29 марта, по выздоровлении Николая I (в середине марта он болел, поэтому-то первоначально докладывалось обо всем наследнику престола), ему был представлен III отделением обстоятельный доклад о Кирилло-Мефодиевском обществе, а также экземпляр рукописи «Закона божия» и копия доноса Петрова.

В этом докладе гр. Орлов характеризовал общество на основе бумаг, найденных у Гулака, следующим образом: «Гулак и переписывавшиеся с ним лица питают образ мыслей, враждебный нашему правительству... Малороссию и все славянские племена ложно представляют себе в угнетенном и самом бедственном положении, выражают пламеннейшее желание избавить, особенно Малороссию, от этого положения и даже намекают о каком-то обществе, называя оное христианским»¹³.

Далее, говоря о «Законе божием», гр. Орлов писал: «Эта рукопись, под названием «Закон божий», писана рукою Гулака и заключает в себе 109 параграфов самого преступного содержания, в ней текстами священного писания, превратно истолкованными, и примерами из истории, столь же ложно понятыми, доказывается, что царская власть противна законам божеским и природе человеческой, что люди все равны и должны управляться только старейшими, что от монархического правления происходят одни бедствия и страдания, и что славянские племена могут быть благополучны тогда только, когда над ними не будет никакой устанавливаемой людьми власти»⁴.

Так III отделение представляло себе в целом цели и задачи Общества. Об этом же говорилось в весьма секретном письме шефа жандармов гр. Орлова заместнику Царства Польского кн. Паскевичу от 18 апреля, в котором он, характеризуя тактику Общества, писал: «Первым средством к достижению своей цели Общество признавало: распространение образования между простым народом в духе украинской свободы...

¹³ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 1, л. 44.

¹⁴ Там же, лл. 44—45.

Вторым средством Общество полагало примирять племена исторически враждебные»¹⁵.

Далее гр. Орлов в этом же письме утверждал, что «Общество потеряло из виду общую цель — соединение всех славянских племен и заботилось только о Малороссии, ее народности, языке и даже независимости»¹⁶. Это утверждение в первой своей части не соответствует, на наш взгляд, действительности.

• Таким образом, не все здесь верно, но бесспорно одно: III отделение прекрасно поняло антиправительственный характер Общества и приняло в связи с этим целый ряд мер¹⁷.

В начале апреля в Киеве, в период происходивших там арестов членов Общества, на одной из улиц, чинами полиции была обнаружена приклеенная к забору рукописная прокламация следующего содержания.

«К верным сынам Украины.»

Братья. Настает великий час — час, в который вам представляется случай смыть поношение, нанесенное праху отцов наших, нашей родной Украине, подлою рукою вечных врагов наших. Кто из Вас не подымет руки за великое дело...

За нас бог и добрые люди.

Вечно верные сыны Украины — враги казанов»¹⁸.

Внизу был изображен крест.

Не разрешая окончательно вопроса о происхождении этой прокламации, мы все же полагаем, что есть некоторые основания считать, что появление ее связано в той или иной степени с Обществом. Почему эта прокламация появляется именно в начале апреля 1847 г., именно тогда, когда происходили аресты членов Общества? О каком «великом часе» говорит автор прокламации? Почему этот «час» наступает именно теперь? В качестве гипотезы можно высказать предположение, что прокламация вышла из среды наиболее радикального крыла членов Общества — единомышленников Шевченко, оставшихся нам неизвестными.

Прокламация носит явно выраженный антирусский характер, чего мы не встречаем в программных документах Общества. Это дает некоторые основания полагать, что прокламация могла выйти из польских революционно-шляхетских кругов. Однако всех доказательств недостаточно для окончательного решения вопроса.

По получении этого документа III отделением он тотчас же был представлен царю, наложившему на сообщение об этой

¹⁵ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, л. 141.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, ч. 17, л. 3.

¹⁸ Там же, ч. 17, л. 2.

прокламации следующую резолюцию: «Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя, и слава Богу, что так раскрылось; Бибикову дай знать, что ему пора на место и надо везде строго смотреть»¹⁹.

В осуществление этого указания в качестве практического мероприятия царь на основе представления Бибикова отдал распоряжение о подчинении Киевского учебного округа непосредственно генерал-губернатору, «не оговаривая причин»²⁰.

Анализируя на основании изложенного выше отношение III отделения к открытому предателем Петровым обществу, мы можем сделать следующие выводы:

1) III отделение в лице Орлова и Дубельта верно определило антиправительственный характер Общества, придав этому большое значение, и приняло ряд решительных мер;

2) Орлов правильно понял основное положение «Закона божия» — его демократический характер и резко отрицательное отношение к монархическому принципу, что видно из доклада Николаю I от 29 марта;

3) III отделение отнюдь не пыталось скрыть чего-либо от царя, наоборот, и донос Петрова, и «Закон божий», и, наконец, «Устав Общества» — все это было представлено Николаю I.

• Перейдем к рассмотрению хода следствия. Арестованный 18 марта Гулак был доставлен в III отделение. Несмотря на серьезные улики: обнаружение у него рукописи «Закона божия», устава Общества, а также кольца с надписью «св. Кирилл и Мефодий», Гулак упорно отрицал какое-либо отношение к Обществу. Так, будучи допрошен в первый же день ареста, т. е. 18 марта, Гулак на вопрос о принадлежности его к Обществу отвечал следующее:

• «Ни к какому тайному обществу я не принадлежу. Но случайным образом мне попала в руки бумага под названием «Устав общества св. Кирилла и Мефодия». Получив эту бумагу, я дал слово не открывать ни времени, ни места, ни лица, от которого я получил эту бумагу, поэтому я не могу дать никаких объяснений на эти пункты»²¹.

То же продолжалось и на последующих допросах. 26 марта гр. Орлов обращается в Святейший Синод с просьбой прислать проповедника для «христианского воздействия» на упорствующего «государственного преступника».

Выделенный для этих целей протонерей Малов, несмотря на неоднократные посещения, не смог поколебать Гулака, являвшегося глубоко верующим человеком. «Когда я начал дока-

¹⁹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 17, л. 1.

²⁰ Там же, л. 6.

²¹ Там же, ч. 2, л. 10.

зывать ему всем, что есть святого и досточтимого, что всякое частное клятвенное слово, а особливо, если оно дано в каком-либо преступном начинании, есть ложный грех и нарушение священнейшей клятвы, которая изрекается нами в верноподданнической присяге; он заплакал, заплакал горько и отвечал мне — все это справедливо, но я не могу»²², — сообщает в III отделение Малов.

После допроса 1-го апреля, на котором (Гулак) так же как и на предыдущих, отрицал какое-либо отношение к Обществу, он по распоряжению гр. Орлова и с санкции самого царя был переведен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, причем III отделение предложило коменданту крепости установить для Гулака самый суровый режим, «не допуская никого к нему и не давая ему ни книг, ни других предметов развлечення»²³.

В целях получения признания от Гулака гр. Орлов пытался воздействовать на его сыновние чувства. С этой целью он обратился с письмом к отцу Гулака. В этом письме гр. Орлов сообщал, что его сын «не объявляет ни подробностей замышляемого преступления, ни соучастников своих, решительно и упорно отзываясь одним, что не может открыть истину по сиему честного слова кому-то им данного»²⁴.

Далее Орлов подробно сообщал о проводимых им «кротких и отеческих увещеваниях», указывая, что он объяснил его сыну «все пагубные последствия его заперательства, и то несчастье, в которое он ввергает и себя и Вас и родительницу свою»²⁵. В конце письма говорилось следующее: «После этого я слагаю с души моей всю тягость ответственности и с величайшим прискорбием извещаю Вас, милостивый государь... что сам сын Ваш уже подписал приговор себе и его более ничто не может ожидать как самое тяжкое наказание»²⁶.

Это письмо было предъявлено Гулаку, и, по-видимому, по требованию Орлова им была написана на нем следующая фраза: «Письмо это я читал, и все, что в нем ни сказано, истинная правда». Однако все это не изменило поведения Гулака.

В конце марта в Киеве был арестован Костомаров, в начале апреля — Шевченко, Навроцкий, Посяда и Андрузский. Белозерский и Кулиш были задержаны в Варшаве также в первой половине апреля, и к середине месяца почти все члены Общества находились уже в Петербурге, в стенах III отделения.)

²² ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., л. № 81, ч. 2, л. 21.

²³ Там же, л. 64.

²⁴ Там же, л. 62.

²⁵ Там же, л. 63.

²⁶ Там же.

Были также арестованы и доставлены в III отделение поручик Ново-Архангельского уланского полка П. Л. Ашанин, поручик Азовского пехотного полка Н. Х. Бушен, чиновник Министерства государственных имуществ В. А. Иславин, уездный учитель К. В. Вородинов. Все эти лица за отсутствием улик были вскоре освобождены.

В середине мая был доставлен в III отделение задержанный на границе при возвращении в Россию проф. Н. В. Чижев. В Киеве были арестованы А. В. Маркович и студент университета В. А. Тулуб. Первый после допроса был посажен в Киевскую крепость, а в самом конце мая или начале июня был доставлен в III отделение. Второй за отсутствием улик освобожден.

Последним в III отделение был доставлен Савич, находившийся за границей. Это произошло летом, в июле. Получив от посольства указание о возвращении в Петербург, он 25 июня (по-видимому, нового стиля) пытался покончить самоубийством в городе Касселе, где пошел в баню и там бритвою нанес себе раны на обеих руках и шее. «Причина такого посягательства, как объяснял Савич, состояла в том, что ему по высочайшему повелению объявлено от посольства нашего во Франкфурте приказание возвратиться в Россию, и он при всей невинности своей боялся быть осужденным»²⁷.

Первый допрос Костомарова состоялся 15 апреля. На вопрос о существовании Общества он ответил отрицательно, заявляя, что разговоры о славянах действительно вел, однако ничего предосудительного в них не было. В этом же показании на вопрос о лицах, ему известных, занимающихся славянским вопросом, он сообщил о стремлениях Гулака в начале 1846 г. организовать общество: «Кандидат Гулак, человек превосходного образования, но ума и мышления нетвердого, и характера до крайности странного, познакомившись со мной в исходе 1845 года, занимался древностями и законами славянских народов, а в апреле и в мае 1846 г. начала ему входить в голову мысль: заимствованное им от меня кольцо с именем Кирилла и Мефодия сделать девизом какого-нибудь общества, не сознавая вполне какого. Так как он не сознавал, чего именно хотел, и менялся с каждым днем в своих убеждениях, то я смотрел на это как на ребячество, вследствие того, что он читался о разных обществах и рыцарских орденах и имел такое настроение, что принимал в себя все, что читал, на некоторое время. С ним жил молодой брат его Навроцкий, студент с весьма ограниченными способностями, и также некоторое время

²⁷ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 10, л. 21.

увлекался мыслью об обществе, не показывая вовсе сознания, какого общества желает»²⁸.

Таким образом, Костомаров, несмотря на сравнительно невинный тон показаний, уже на первом допросе выдал Гулака и Навроцкого. В этом же показании он сообщил о происходивших у него, у Гулака и у Кулиша собраниях по вопросу издания украинской литературы и принятом решении о сборе для этого средств.

На следующем допросе 17 апреля Костомаров, отрицая существование Общества и какое-либо участие в нем, снова подчеркнул наличие либеральных мыслей у Гулака и сообщил о приверженности Савича к французскому коммунизму.

Показания Костомарова крайне противоречивы: так, 17 апреля, отвечая на один и тот же вопрос о Гулаке и Белозерском, он на одной и той же странице характеризует... первого сначала сторонником либерализма, а несколькими строками ниже заявляет: «...ни от того, ни от другого (Гулака и Белозерского. — П. З.) я не видал злоумышленного, коварного, либерального направления»²⁹. Подобное несоответствие не могло не быть замеченным, а на полях следственного дела мы находим следующую пометку: «Какое противуречие! Выше сам говорит о их либеральном направлении, а тут, что не заметил оного»³⁰.

Показания Костомарова в отношении его авторства «Закона божия» также полны противоречий: так, он называет автором «Закона божия» де-Бальмена и вместе с тем признает, что часть рукописи перевел с польского. В дополнительном показании он отрицает свой перевод, но наряду с этим не дает ответа о происхождении этой рукописи.)

Перейдем к рассмотрению показаний Андрузского. Показания Андрузского наиболее откровенны: на допросе 14 апреля он довольно подробно изложил цели Общества. Многие здесь он же путал, переврал, стремясь показать свою осведомленность, но в основном более или менее правильно охарактеризовал основные задачи Общества.

У «Главная цель, соединявшая всех, — говорит Андрузский, — была: соединение славян воедино, принимая за образец Соединенные Штаты или нынешнюю конституционную Францию»³¹. Последнее положение неверно. Нигде — ни в программных документах, ни в других источниках — мы не находим стремления к конституционной монархии, наоборот, требование демократической республики красной нитью проходит по всем программным положениям Общества.

²⁸ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 3, л. 123—124.

²⁹ Там же, л. 152.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, ч. 8, л. 14.

На вопрос о лицах, «которые занимались предположением о соединении славян и политическом перевороте»³², Андрузский называет: Костомарова, Гулака, Шевченко, Кулиша, Марковича, Навроцкого, Белозерского, Пильчикова, Посяду и Судовщикова³³. Андрузский — единственный, упоминавший о Шевченко как о члене Общества. Вообще показания Андрузского производят довольно странное впечатление, характеризую автора их как человека крайне неуравновешенного.

17 мая Андрузский дал дополнительные показания, в которых отрицал все предыдущее. «Ни о славянском обществе, ни о чем другом я не знал до самого дня допроса»³⁴, — заявил он. «Желая открыть всю истину, — говорит Андрузский, — я написал мои ложные обвинения, преувеличив все виденное и слышанное и читанное мною донельзя»³⁵.

Первый и единственный допрос Шевченко происходил 21-го апреля. На этом допросе Шевченко категорически отрицал какое-либо отношение к Обществу. На вопрос: «Какими случаями доведены Вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против Государя Императора...»³⁶, — Шевченко ответил:

«Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами-шляхтичами, и все это делалось и делается именем государя и правительства...»³⁷.

О знакомстве с членами Общества Шевченко дал очень уклончивые показания: Костомарова, Гулака, Белозерского, Кулиша, Навроцкого, Андрузского и Марковича знал, но очень мало. Шевченко заявил, что о славянском Обществе, «я никогда ни от кого не слышал».

Необходимо вкратце охарактеризовать показания остальных членов Общества.

Навроцкий в своих показаниях, подобно Гулаку, упорно отрицал какое-либо отношение к Обществу. На допросе в III отделении 14 апреля на вопрос об Обществе он отвечает, что: «О существовании тайного общества, называемого славянским Обществом св. Кирилла и Мефодия, я решительно не имею ни-

³² ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 8, л. 18.

³³ Остается загадкой, почему III отделение не привлекло к следствию Пильчикова, несмотря на наличие ряда улик против него. Фамилия Судовщикова более в следственных делах не упоминается.

³⁴ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 8, л. 37.

³⁵ Там же, л. 38.

³⁶ Т. Г. Шевченко в документах и материалах. Київ, 1950, стр. 112.

³⁷ Там же.

каких понятий»³⁸. Это же он повторил и на допросе 30 апреля и на очной ставке с Белозерским, Андрузским, Посядой и Петровым 15 мая. Так, на утверждение Белозерского о том, что найденную у него рукопись «Закона божия» он получил от Навроцкого, последний заявил по-прежнему, «что никогда не имел у себя и не давал Белозерскому рукописи «Закон божий»³⁹. Также категорически отрицал он показания Петрова об участии на собраниях у Гулака и ведшихся там антиправительственных разговорах.

Рассмотрим показания Посяды. Первоначально на поставленный перед ним вопрос: «Точно ли Костомаров, Гулак и Навроцкий после пасхи 1846 года говорили о составлении славянского общества и обещали вас принять в члены?»⁴⁰ — он дал положительный ответ. Однако позднее, 17 мая, он в своем дополнительном объяснении внес в свой ответ существенные коррективы: «Припоминая себе несколько лучше свое отношение и знакомство с Костомаровым, Гулаком и Навроцким, я еще в Киеве говорил и здесь повторяю, что показание мое на счет этих лиц содержит только одну истину, а именно: Костомаров говорил мне о каком то Обществе, все же сказанное относительно Гулака и Навроцкого есть довольно странное предположение, основанное фантазией, а не рассудком, на самых неверных и неточных данных... И Гулак и Навроцкий правы с ожесточением отвечая на мои нелепые показания «не знаю», ибо в самом деле ни тот, ни другой не говорили мне ничего о славянском обществе...»⁴¹.

(Маркович на допросе в Киеве на вопрос о существовании Общества, ответил отрицательно. «Докладываю со всею откровенностью, — говорит он, — и свидетельствуюсь богом, что мне решительно не было ничего известно о составленном Обществе славянистов»⁴².) Также отрицательно отвечал он на вопрос о «славянском направлении», которое якобы поддерживают его знакомые. Однако в конце допроса он заявил следующее: «...однажды Костомаров среди обыкновенного разговора об ученых предметах и занятиях литературных упомянул, что хорошо бы мне принадлежать к Обществу, которое для сего уже составилось. При сем он мне показал, что знак этого общества было кольцо, которое было у него на руке»⁴³. Таким образом, он по существу опроверг то, что говорил в начале допроса.

• Кулиш вовсе отрицал свое участие в Обществе. Так, на до-

³⁸ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 7, л. 10.

³⁹ Там же, л. 24.

⁴⁰ Там же, ч. 9, л. 23.

⁴¹ Там же, л. 32—33.

⁴² Там же, ч. II, лл. 27—28.

⁴³ Там же, л. 28—29.

просе в III отделении 16 апреля он заявил: «Никогда не слышал я о существовании славянского Общества...»⁴⁴. На вопрос об обнаруженных у него рукописях «преступного содержания» он показал, что «ни одна из преступных бумаг мне не принадлежит, а, судя по почерку, вероятно принадлежат они Василию Белозерскому, к несчастью, моему родственнику по жене...»⁴⁵. Вообще Кулиш, пытаясь отвести от себя всякое подозрение, действовал весьма нечистоплотно, сваливая всю вину на Белозерского.

Единственно, в чем он признался, — это в чрезмерной любви к своей родине — Украине, что увлекало его «за пределы благоразумия». Это находило свое выражение в том, что в его произведениях, как он говорил, «многое кажется злонамеренным»⁴⁶.

• 24 апреля Кулиш обратился с письмом к Дубельту с раскаянием и просьбой о прощении. «Оглядываясь на прошедшее, — писал он, — я теперь с ужасом вижу, что увлекаясь ложным взглядом на вещи, я сам стремился и может быть вел других к величайшим бедствиям, но клянусь, всем для меня священным, что я стремился слепо и только теперь вижу, какие ужасные последствия могли бы иметь мои умышления»⁴⁷.

Далее он умоляет Дубельта выпросить ему прощение. «Из челолюбия, из сострадания к моему семейству, возьмите ваше превосходительство на себя труд склонить государя к великодушному прощению моего безрассудства. Я же, — заключал он, — помня, что для меня сделано, все силы свои и способности употреблю на то, чтобы будущими моими сочинениями загладить вред, происшедший от моих безрассудных действий»⁴⁸.

24 апреля давал показание Белозерский. Признавая себя организатором Общества, Белозерский говорил следующее: «Общество это существовало только в мысли, а не на деле, и никто не принимался за его учреждение и распространение) Название — Общество — употреблено было не в том смысле, какой именно оно имеет, притом человеком, который даже не понимал подозрительного значения этого слова. Под обществом разумеется большое число людей, связанных между собою чем-либо одним для всех их общим. Но в то время, когда я задумал об обществе, я был один; когда же к этому слову прибавлено было св. Кирилла и Мефодия, нас было трое — я, Костомаров и Гулак. На дальнейшее число оно не распространя-

⁴⁴ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс., д. № 81, ч. 5, л. 64.

⁴⁵ Там же, л. 63.

⁴⁶ Там же, л. 62.

⁴⁷ Там же, л. 30.

⁴⁸ Там же, ч. 5, лл. 30—31.

лось, ибо мы вскоре увидели несообразность и неопытность наших мыслей»⁴⁹.

Далее Белозерский подробно остановился на развитии у них идей объединения славян и, наконец, представил политическую задачу Общества следующим образом: «Мы думали, что правительство одобрит наши старания, целью коих в это время не было ничего противного. Особенно нас интересовала мысль о соединении славян во единое государство, с одною притом господствующей религией, и мы создавали в своем воображении разные средства, какие могли бы привести ее в исполнение. Одна Россия, говорили мы, способна совершить такой переворот и не убоится стать лицом к лицу с остальною Европою. Для этого необходима только твердая воля и ум сильный, который мог бы направить ее действия, смело и прямо к цели, следовательно, один только ныне царствующий император может совершить это великое дело»⁵⁰.

Итак, объединение всех славянских народов под скипетром русского царизма — такова, по словам Белозерского, основная политическая задача Общества.

Крайне важно отметить, что III отделение считает эти показания Белозерского вполне правдивыми, что отмечается и в Журнале, составлявшемся для докладов царю. Так, в указанном выше Журнале за 25 апреля находим следующую характеристику этих показаний: «Бывший учитель Белозерский окончил свое показание. После Андрузского он первый объясняет дело с откровенностью, подробно, и притом в описаниях более спокойных и потому более вероятных, нежели описание Андрузского»⁵¹.

Чем объяснить подобное отношение к показаниям Белозерского? Сопоставляя приведенную выше запись Журнала с докладом гр. Орлова от 28 марта, мы встречаем диаметрально противоположную оценку Общества.

Располагая программными документами Общества, III отделение имело полную возможность установить его истинные цели, что и было им сделано, судя по докладу гр. Орлова от 28 марта. Чем же объяснить тогда происшедшую перемену в отношении определения задач Общества? На этот вопрос дает нам ответ Костомаров в своей «Автобиографии».

Он рассказывает, что однажды после первых его показаний, в которых он частично сознался в переводе с польского «Закона божия», — «ко мне в комнату пришел Попов, чиновник III

⁴⁹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 4, лл. 40—41.

⁵⁰ Там же, лл. 48—49.

⁵¹ Там же, ч. 19, л. 86.

отделения⁵², о котором все тогда содержавшиеся отзывались потом как о человеке добром и порядочном. Он упрекал меня, зачем я боялся: «если вы будете стоять на своем,— сказал он, — вас сошлют на каторгу. Вам придется плохо, если государь узнает, что вы составитель рукописи: покажите то же, что и Белозерский. Смотрите, что он написал!». Белозерский написал, что он, Костомаров и Гулак толковали, что было бы хорошо составить ученое общество с целью распространения православия между славянами и соединения их под властью русской монархии, и что он, Белозерский, перевел попавшуюся ему рукопись, сочиненную каким-то славянином, и вот они собирались и рассуждали. «Видите ли умно написано!—продолжал Попов,— скажите то же, что и он, ведь и так по головке не поглядят». Я подумал и написал почти то же, что и Белозерский»⁵³.

Очевидно, и Белозерский написал свое показание по предложению Попова.

В указанном выше Журнале, ведшемся для ознакомления «всударя императора» с ходом дела, в записи от 3 мая содержится следующее: «Костомаров, чувствуя себя в лучшем против прежнего положении и вспоминая, что в первых показаниях, которые он составлял то в смущенном духе, то под влиянием умственных припадков, находятся многие несообразности и изъявляя желание изложить все ему известное в рассказе самом откровенном, просил дозволить ему составить новое показание: Костомарову это разрешено, и даны для соображения прежние его показания»⁵⁴. Весьма знаменателен тот факт, что Костомарову представляются «для соображения» его прежние показания. Как известно, такая «любезность» со стороны III отделения представляется необычной.

Таким образом, после посещения Попова Костомаров написал новые показания, а также и письмо Дубельту, в котором он просил уничтожить его прежние показания, написанные в минуту «растерянности духа, а иное во время физической слабости», и вместо них принять написанные им вновь. В новых показаниях, датированных 7 мая (как видно, Попов передал Костомарову при посещении и лист для показаний, так как они составлены также в форме ответов на вопросы, причем и сами вопросы формулированы несколько иначе, чем предыдущие), Костомаров освещает характер Общества совершенно в ином свете.

⁵² Попов являлся управляющим I экспедиции III отделения.

⁵³ Костомаров. «Автобиография», «Русская Мысль», 1885, кн. 5, стр. 217—218.

⁵⁴ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 19, л. 100.

✓ В этом показании Костомаров действительно определяет задачи Общества так же, как и Белозерский. Эти задачи, по словам Костомарова, заключались в следующем:

«1) Вера в великую будущность славян, которую, однако, никто себе определительно не представлял.

2) Надежда на присоединение славян к Российскому государству.

3) Распространение православного исповедания, или по крайней мере кирилловского богослужения между всеми славянами.

4) Распространение знания истории и языков славянских между всеми славянами»⁵⁵.

В отношении «Закона божия» Костомаров показал, что получил эту рукопись от некоего офицера Хмельницкого.

Крайне важно, по нашему мнению, отметить тот факт, что предшествующие показания Костомарова перечеркнуты черным карандашом, причем этот карандаш того же качества (мягкий), каким сделаны рукой Дубельта пометки на полях следственного дела. Это дает нам основания полагать, что первые показания Костомарова зачеркнуты самим Дубельтом.

Попытаемся разрешить вопрос: по чьей же инициативе действовал Попов?

Мы полагаем, что костомаровское представление о «добром и порядочном» Попове надо решительно отвергнуть. Прежде всего аннулирование прежних показаний Костомарова говорит о том, что это делалось с санкции руководителей III отделения. Далее известно, что управляющий I экспедицией III отделения Попов, бывший в близких отношениях с Дубельтом, не один раз занимался подобного рода «увещеваниями». Так, московский помещик Селиванов в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русская Старина» за 1885 г., рассказывает, что во время его пребывания в III отделении в 1860 г. к нему также явился Попов и предложил ему сознаться в том преступлении, которое он не совершал, причем Попов угрожал ему, заявляя, что в противном случае ему будет плохо, ссылаясь при этом на Дубельта⁵⁶.

Следовательно, есть основания полагать, что в деле Кирилло-Мефодиевского общества Попов выполнял также волю своих руководителей.

Можно ли, наконец, предположить, что гр. Орлов и Дубельт, предлагая дать показания в желательном для них духе, руко-

⁵⁵ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 3, л. 190.

⁵⁶ «Русская Старина», № 6 за 1880 г. Записки И. В. Селиванова, стр. 310—311.

водствовались стремлением скрыть от царя истинные цели Общества?

Для этого нет никаких оснований. И ознакомление царя с программными документами Общества, из которых легко можно установить его истинные цели, и доклад гр. Орлова от 29 марта — все это противоречит высказанному выше предположению.

Следовательно, возникает необходимость поставить следующий вопрос: не было ли само правительство заинтересовано в том, чтобы изобразить Кирилло-Мефодиевское общество в свете чуть ли не верноподданнической организации, не было ли смысла представить идеи демократического объединения славян кирилло-мефодиевцев как панславистские? Это предположение не лишено оснований и является, по нашему мнению, единственным ответом, объясняющим поведение руководителей III отделения.

Действительно, во второй половине 40-х годов внешнеполитическое положение русского царизма, игравшего роль всевропейского жандарма и готовившегося к разделу Турции, требовало демонстрации своей не только внешней, но и внутренней мощи. Признание же факта наличия национально-освободительного движения на Украине, ставившего своей целью создание всеславянской демократической республики, резко противоречило этому. Изображение идей Кирилло-Мефодиевского общества в свете стремления его членов к объединению славянских народов под скипетром русского царизма соответствовало интересам правительства.

Заигрывая в той или иной степени со славянским движением на Западе, правительству было не выгодно слишком решительно расправляться с кирилло-мефодиевцами; целесообразнее было, с точки зрения интересов правительства, просто представить идеи Кирилло-Мефодиевского общества в желательном для себя духе.

Гипотеза наша о том, что правительство, классифицируя Кирилло-Мефодиевское общество как организацию чуть ли не верноподданническую, руководствовалось определенными политическими соображениями, подтверждается данными записки, составленной III отделением и именуемой «О славянофидах». В этой записке, представляющей несомненный интерес, вначале подробно освещались причины появления «славянского направления». «Начало славянского направления, — указывалось в ней, — кроется в страсти нашего века отыскивать и поддерживать древности, восстанавливать народность в правах и литературе и применять к нашему времени быт древних предков каждого народа... Это направление, — говорилось далее, — с одной стороны, весьма важное, могущее укрепить самостоя-

тельность и силу народа, с другой — порождает источник внутренних колебаний, ибо как владычествующие племена заботятся о восстановлении своей народности, так равно заботятся об этом племена подвластные: поляки хотят быть поляками, малороссыяне — малороссыянами»⁵⁷.

Выразив столь бесспорную истину, автор записки отметил, что это второе направление «не ускользнуло от внимания злоумышленников», стремящихся восстановить Польшу, либо создать единое славянское «народопредставительное» государство.

Далее в записке давалась подробная положительная оценка славянофильства, несмотря на отрицательные действия отдельных его представителей⁵⁸.

● Политическая оценка славянофильству давалась весьма и весьма высокая. «Славянофилы, занимающиеся утверждением в отечестве нашем языка, нравов и образа мыслей собственно русских, очищением нашей народности от излишних примесей иноземного в высшей степени полезны: они суть двигатели в государстве—орудия самостоятельности и могущества его...»⁵⁹. По мнению автора записки, нельзя лишь разрешать рассуждений о присоединении к России иноземных славянских племен, дабы не навлечь неудовольствия соседних государств.

В отношении украинофильства, в записке указывалось, что нельзя допускать распространения идей «о восстановлении народности их родины: ибо это поведет малороссыян, а за ними и другие подвластные народы к желанию существовать самобытно»⁶⁰.

Говоря о мерах, которые необходимо принимать как относительно пропаганды объединения славян, исходящей от славянофилов, так и сепаратистских стремлений украинофилов, автор записки рекомендовал действовать весьма осторожно. «Еще более надлежит быть осторожными в отношении к Малороссии, — пишет он, — хотя там, от молодых украинофилов, по-

⁵⁷ ЦГИАМ, ф. III, отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 18, лл. 70—71.

⁵⁸ Так, в записке говорилось по этому поводу следующее: «Но выражаясь напыщенно и двусмысленно, они (славянофилы. — П. З.) нередко заставляяют сомневаться, не кроется ли под их патриотическими возгласами и противных нашему правительству целей. Напр(имер) Аксаков в «Московских ведомостях» 1846 года по случаю 700-летнего существования Москвы, в статье своей называл Москву народною столицею, говорил о земской думе, собранной при Иоанне IV из всей земли русской, о том, что в 1812 году, по примеру 1612 года поднялся русский народ и спас русскую землю, — так что признано было нужным обратить внимание ученого начальства, дабы подобные статьи не были пропускаемы цензурой» (Там же, л. 73).

⁵⁹ Там же, л. 75.

⁶⁰ Там же, л. 76.

добных Шевченко и Кулишу, быть может, обращаются идеи об отдельном существовании, даже между людьми более степенными, нежели сами украинофилы, но строгие меры сделают для них еще дороже запрещенные мысли и могут малороссиян, доселе покорных, поставить в то раздраженное против нашего правительства положение, в каком находится, особенно после мятежа, Царство Польское. Полезнее и справедливее будет не показывать и вида малороссиянам, что правительство имело причину сомневаться, не посеяны ли между ними вредные идеи, и принять меры в отношении к ним совершенно противные тем, которые принимались в Царстве Польском»⁶¹.

Следовательно, сепаратистские планы Кирилло-Мефодиевского общества нужно было, по мнению III отделения, «не замечать». Именно в силу этого и потребовалась легенда, под сказанная Поповым Белозерскому и Костомарову. Отсюда и стремление правительства соблюсти в этом деле величайшую конспирацию. Иллюстрацией этого является следующая пометка на полях следственного дела о Кулише.

На подлинном рукою генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше повелено мне лично объясниться с гр. Уваровым вообще о всем деле, но лично без бумаг»⁶².

Действительно, министр народного просвещения С. С. Уваров и его товарищ кн. П. Л. Ширинский-Шихматов были ознакомлены с программными документами Общества в доме гр. Орлова 1 мая⁶³.

Следовательно, даже министру народного просвещения гр. Уварову делалось сообщение об Обществе с глазу на глаз, так чтобы сведения о нем ни в коем случае не получили бы какой-либо огласки.

Всподданнейший доклад гр. Орлова об украино-славянском обществе от 28 мая также, по нашему мнению, подтверждает правильность выдвинутого нами положения об отношении правительства к Обществу. Без этого просто невозможно понять ту «доверчивость», которую проявляет гр. Орлов по отношению заведомо неправильных показаний Костомарова, Белозерского и других членов Общества.

Так, в докладе дается следующая характеристика Обществу: «...цель их Общества состояла в соединении славянских племен, но они полагали соединить племена под скипетром вашего императорского величества. Не касаясь до настоящего образа правления в России, они желали только, чтобы имею-

⁶¹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 18, лл. 76—77.

⁶² Там же, ч. 5, л. 2.

⁶³ Там же, ч. 1, л. 116.

щие присоединиться к нам иноземные славянские племена, устроены были по примеру царства Польского. Им казалось, что ваше величество, по силе духа Вашего, одни можете совершить это великое дело; но сомневаясь, чтобы ваше величество, занятое внутренним благоустройством государства, соизволили принять участие в этом предприятии, они надеялись достигнуть соединения славян своими средствами»⁶⁴.

Далее гр. Орлов сообщает, что Общество просуществовало всего лишь несколько месяцев, так как организаторы его, увидев, что их идеи нереальны, «что эти идеи их были только ученые мечты»⁶⁵, уже в середине 1846 г. прекратили разговоры об Обществе.

Гр. Орлов в заключение говорит, что «Украино-Славянское Общество св. Кирилла и Мефодия было не более как ученый бред трех молодых людей»⁶⁶. Устав Общества и «Закон божий» гр. Орлов, основываясь на показаниях Белозерского и Костомарова, не считает программными документами Общества. Он приводит сообщаемую Белозерским версию о том, что устав написан им «в лета ранней юности», а «Закон божий» передан Костомарову офицером Кавказского корпуса Хмельницким⁶⁷, как это показал Костомаров 7 мая.

Вообще гр. Орлов характеризует Белозерского и Костомарова как людей неспособных что-либо скрывать. «Белозерский и впоследствии Костомаров объявили все свои преступления столь откровенно, что нет причины сомневаться, чтобы они скрыли что-либо им известное»⁶⁸, — писал в своем докладе гр. Орлов.

Переходя к вопросу о лицах, привлеченных по делу об Украино-Славянском Обществе, Орлов считает виновными в той или иной степени следующих: Гулака, Белозерского, Костомарова, Кулиша, Шевченко, Андрузского, Навроцкого, Посяду, Марковича и Савича. Что касается остальных лиц, привлеченных к следствию, то за неимением никаких улик дело в отношении их было прекращено.

Лиц, признанных виновными, гр. Орлов делит на три категории: членов Украино-Славянского общества, к которым причисляет Гулака, Костомарова и Белозерского, далее «лиц, приближавшихся к Украино-Славянскому Обществу», относя сюда

⁶⁴ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 1, л. 167.

⁶⁵ Там же, л. 168.

⁶⁶ Там же, лл. 176—177.

⁶⁷ Как указывалось выше, Хмельницкий является, по-видимому, лицом вымышленным, так как в Кавказском корпусе подобный офицер никогда не числился.

⁶⁸ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 1, л. 166.

Навроцкого, Андрузского и Посяду, и, наконец, лиц, «виновных в преступлениях, отдельных от Украино-Славянского Общества» — Шевченко и Кулиша. Что касается Марковича и Савича, то они были отнесены ко второй категории, но решение о них было принято несколько позднее, ввиду того что в тот момент они еще не были доставлены в III отделение.

В докладе были определены также и меры наказания, утвержденные царем с некоторыми изменениями.

• Наиболее тяжелое наказание понесли Гулак и Шевченко.

• «Коллежского секретаря Гулака, как главного руководителя Украино-Славянского Общества, в начале и долго заправшегося в своих преступных замыслах, а еще более как человека, способного на всякое вредное для правительства предприятие, заключить в Шлюссельбургскую крепость на три года, и потом отправить его в отдаленную губернию, под строжайший надзор»⁶⁹

Рукой Николая I сделана приписка: «Буде исправится в образе мыслей»⁷⁰. Следовательно, царь не ограничивал срок заключения в крепости тремя годами.

• Определяя степень вины Шевченко, гр. Орлов, во всеподданнейшем докладе 28 мая писал следующее: «Судя по этому чрезмерному уважению, которое питали и лично к Шевченко и к его стихотворениям все украино-славянисты, сначала казалось, что он мог быть если не действующим лицом между ними, то орудием, которым они хотели воспользоваться в своих замыслах; но, с одной стороны, эти замыслы были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, а с другой, и Шевченко начал писать свои возмутительные сочинения еще с 1837 года, когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к украино-славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственной испорченностью. Тем не менее, — заключал Орлов, — по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов он должен быть признаваем одним из важных преступников»⁷¹.

Таким образом, для гр. Орлова было не столь важным установить принадлежность Шевченко к Обществу, сколько определить его общее влияние на широкие массы украинского народа, которое, по мнению III отделения, характеризовалось «возмутительным духом и дерзостью».

• «Художника Шевченко, — говорится в докладе, — за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворе-

⁶⁹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I экз., д. № 81, ч. I, л. 178.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, л. 175.

ний, как одаренного крепким телосложением определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений»⁷².)

• Рукой царя сделана следующая приписка: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать»⁷³. Таким образом, Шевченко понес самое тяжелое наказание.

• Костомарова, признанного одним из организаторов Общества, «придумавшего кольцо и название обществу св. Кирилла и Мефодия, давшего ход преступной рукописи «Закон божий»⁷⁴, несмотря на его раскаяние, предлагалось заключить на один год в крепость, а затем направить в ссылку «в одну из отдаленных великороссийских губерний на службу, но никак не по ученой части»⁷⁵. Одновременно с этим предлагалось учредить на месте ссылки «строжайший надзор». Это предложение Орлова было утверждено Николаем I без всякого изменения.

Как отмечается в деле, «...когда объяснили ему (Костомарову — П. З), что сверх снисхождения к его участи государь император все милостивейше повелел выдать матери его жалование его за год и видаться с ним в крепости, он залился слезами и, упав на колени, воссылал мольбы о его императорском величестве, выражая неограниченную благодарность»⁷⁶.

• В отношении Белозерского в докладе предполагалось заключить его в крепость на 4 месяца, а затем отправить на службу в одну из отдаленных губерний. Однако Николай I предложил за «откровенность»⁷⁷ направить прямо на службу в Олонецкую губернию, учредив там за ним надзор.

• По поводу Кулиша в докладе говорилось следующее: «...Заключить в Алексеевский рavelин на четыре месяца, и потом отправить на службу в Вологду, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, и с тем,

⁷² ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экс. д. № 81, ч. 1, лл. 179—180.

⁷³ Там же, л. 180.

⁷⁴ Там же, л. 178.

⁷⁵ Там же, л. 179.

⁷⁶ Там же, ч. 3, л. 228. Сверх 600 руб. серебром, полученных матерью Костомарова, было выдано матери его невесты Мазуровой 300 руб. серебром для возвращения в Киев. Перед отправлением в ссылку по личной просьбе Костомарова ему было выдано на обзаведение 300 руб. серебром. Помимо Костомарова, денежное вспомоществование на обмундирование и обзаведение было выдано Посяде, Андрузскому, Навроцкому и Белозерскому, каждому по 200 р. серебром (ч. 1, л. 210) и Кулишу 314 р. 43 к. (четырёхмесячное его жалование 214 р. 43 к. и 100 р. перед отправлением в ссылку) — (ч. 5, лл. 98 и 139). Таким образом, кроме Шевченко и Гулака, всем было выдано III отделением денежное вспомоществование.

⁷⁷ Там же, ч. 1, л. 179.

чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу»⁷⁸.

Андрузский обвинялся в том, что сочинял возмутительные стихи и проект государственного устройства, «доходя в них до республиканских мыслей»⁷⁹. Кроме того, ему вменялись в вину его первоначальные показания, которые были признаны ложными. Однако в силу его молодости и раскаяния решено было направить его для окончания курса в Казанский университет, а затем по окончании университета предполагалось определить на службу в одну из великороссийских губерний под надзор полиции, без права поездок на Украину⁸⁰.

⁷⁸ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I экс., д. № 81 ч. 5, лл. 81—82. В 1850 г. Кулиш, находясь в ссылке в Туле, написал роман «Петр Иванович Березин», вызвавший неодобрительную оценку III отделения. Так, в официальном отношении к нему от 24 января 1851 г. Дубельт писал ему, что гр. Орлов весьма огорчен «мыслями и описаниями», имеющимися в указанном выше романе. «В этом романе,— писал Дубельт,— вы стараетесь отыскивать в крестьянах возвышенные чувства, а в высшем сословии одни недостатки, сравниваете эти сословия и везде отдаете предпочтение простолюдинам... Словом роман ваш,— продолжает Дубельт,— исполнен коммунистических и социальных мыслей, проникнут теми пагубными учениями, которые подрывают все святые основы благоустроенных обществ и от которых произошло и происходит столько бедствий в Западной Европе» (д. № 81, ч. 5, л. 289—291). Далее Дубельт еще раз подчеркивает неодобрительное отношение к этому роману шефа жандармов, который «изумился до каких ложных суждений о людях и о счастье народном дошли вы в чаду вашей мнимой образованности» (там же, л. 291). В заключении письма Дубельт сообщал Кулишу, что «Его сиятельство не только советует, но и приказывает вам, приказывает вам решительно забыть те идеи, которые, к несчастью, так глубоко вкоренились в уме вашем... подобные письма рано или поздно,— указывает Дубельт,— неминуемо приведут вас и ваше семейство к такому бедствию, которого уже никакая власть и никакое участие не в состоянии будут отклонить от вас» (там же, лл. 291—292).

⁷⁹ Там же, ч. 1, л. 180.

⁸⁰ В марте 1850 года у Андрузского, находившегося в ссылке в Петрозаводске, был произведен обыск и при этом были обнаружены «недозволенные произведения» и составленный им проект государственного устройства. Этот проект весьма краток и содержит в себе, собственно, перечень государственных учреждений республики, состоящей из 9 штатов. По этому проекту государство делится на следующие штаты: а) Украина, б) Черноморье, в) Галиция с Крымом (?) (в копии, находящейся в деле значится «Краковым»), г) Польша с Познанью и Литовской жмудью, д) Бессарабия с Молдавией и Валахией, е) Остзея, ж) Сербия, з) Болгария, и) Дон. (Там же, ч. 8, л. 94, прилож. л. 2.)

Рассматривая эти штаты мы видим, что среди них нет центральных районов России, т. е. отсутствует Россия как таковая. Каждый из штатов, по проекту, состоял из областей, область из округов, а округ из общин. В проекте перечислены правительственные учреждения государства, штатов, областей, округов и общин. Так в государстве должны были быть следующие учреждения: Законодательное собрание и при нем Цензурный Комитет, Государственный Совет, ряд министерств, Бюлестительный Комитет, Государственный Тюремный Комитет и Государственный

Посяде ставилось в вину, что он в своих черновых записках «выражал плач о бедственном будто бы положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами»⁸¹. Ему было установлено такое же наказание, как и Андрузскому: определение в Казанский университет, а затем на службу в одну из внутренних губерний под надзор полиции, без права выезда на Украину.

Вина Навроцкого, по мнению гр. Орлова, устанавливалась «не по сближениям его с украино-славянистами обществом, а по упорству его в запирательстве, которое он перенял от своего родственника Гулака»⁸². Навроцкий направлялся в Вятку, где он должен был отсидеть полгода в тюрьме, а затем быть определенным на службу по усмотрению губернатора в один из уездных городов губернии. Над ним также должен был быть учрежден строгий полицейский надзор.

Маркович и Савич были доставлены в III отделение уже по окончании дела, и решение о них принималось позже.

магази. (Там же л. 94, прилож. л. 8.) Что должны были представлять собой эти учреждения, об этом никаких данных в проекте не содержится. Государственные учреждения штата должны были состоять из Сената и различных комитетов, аналогичных министерствам. Кроме того, здесь указан ряд научных и учебных заведений: Академия наук и художеств, Академия народного слова, Высшее женское воспитательное заведение, Медицинская академия и т. д. (Там же, л. 94, прилож. л. 23). Вполне понятно, что подобный перечень учреждений ничего не говорит о характере проектируемого государства. Совершенно неизвестным остается не только принцип избирательной системы, но даже и сам характер государства. Есть основания полагать, что оно не должно было быть демократическим. Подобный вывод напрашивается потому, что при перечислении учреждений общины фигурирует управа, членами которой должны были бы являться следующие лица: «голова, старшина, депутат от общины, привилегированные, священник» (Там же, л. 94, прилож., л. 17). Наличие «привилегированных» говорит, на наш взгляд, о феодальном характере государства. Неясно из проекта, как решает Андрузский основной общественный вопрос того времени — вопрос о крепостном праве. Что касается нездоровых произведений, обнаруженных у Андрузского, то они состояли большей частью из различных выписок, не всегда достаточно ясных по своему содержанию. В качестве примера можно привести обнаруженную у него выписку из какой-то индийской драмы «Торжество светлой жизни» следующего содержания: «При твоём законном содействии, моя милая, зарезать родную мать, отца ничего не стоит. Да и что тут толковать? Что такое мать — ведьма. Что такое родители, брат? — Черви...» (Там же, л. 95). Анализируя обнаруженный у Андрузского проект государственного устройства, а также его выписки, можно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что Андрузский по меньшей мере, весьма неуравновешанный человек.

В апреле 1850 г. Андрузский был сослан в Соловецкий монастырь, где находился до конца 1854 г., и был освобожден «за отличное поведение во время нападения на монастырь неприятеля».

⁸¹ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 9, л. 34.

⁸² Там же, ч. 7, л. 28.

В отношении Марковича, доставленного из Киева после решения об «Украинско-Славянском обществе», гр. Орлов сделал следующее представление: «...я полагал бы вменить Марковичу в наказание содержание под арестом в крепости и выслать его на службу в одну из великороссийских губерний с воспрещением увольнять его в Малороссию, доколе не докажет безвредность своего образа мыслей усердной службой и степенным поведением»⁸³. В соответствии с этим представлением, утвержденным царем, он был направлен на службу в Орел.

В деле Марковича содержится следующая записка, составленная в III отделении, достаточно ярко характеризующая его сущность. «Бывший студент Маркович, — говорилось в этой записке, — при объявлении ему решения об отправлении его на службу в Орловскую губернию, выражал неограниченную благодарность за оказанное ему монаршее снисхождение, плакал, целовал руки, воссылал мольбы, говоря что он вечно будет молиться о государе императоре и детях его»⁸⁴.

Доставленный в июле в III отделение Савич на допросе категорически отрицал как свое участие в Обществе, так и разговоры, приписываемые ему Петровым. По этому поводу он на допросе 19 июля заявил: «...Чтобы я доказывал необходимость уничтожения монархического правления, это несправедливо. Напротив того, я утверждал, что в России оно необходимо»⁸⁵.

В представлении царю по поводу Савича наряду с предложением отправить его в принадлежащее ему имение в Полтавской губернии под надзор местных властей гр. Орлов писал: «Долгом считаю обратить еще внимание на самого Савича. Офицер этот, будучи болезненного состояния, весьма тих, робок и показывает чрезвычайную неповоротливость ума, так что весьма сомнительно, обладает ли он и ныне здравым рассудком. Поступки же его за границу, бессмысленные рассказы о своем происхождении и покушение на самоубийство, несомненно доказывают, что за границу он подвергался припадкам сумасшествия»⁸⁶.

В заключение остановимся на судьбе профессора Чижова, доставленного в III отделение во второй половине мая. Чижев категорически отрицал какую бы то ни было связь с Кирилло-Мефодиевским обществом. На вопрос же о его политических взглядах Чижев заявил: «От либерализма не отказываюсь, хотя в действиях моих самый, нравственный, не только политический

⁸³ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 11, л. 35.

⁸⁴ Там же, л. 45.

⁸⁵ Там же, л. 54.

⁸⁶ Там же, л. 46.

либерализм ограничивался понятиями и словами, никак не переходя в действие»⁸⁷.

В своем представлении по поводу его шеф жандармов дал следующую характеристику: «... хотя Чижов не принадлежит к славянскому Обществу, по всей видимости не литаает политических злоумышлений... без сомнения он есть только славянофил, вроде других московских славянофилов, даже патриот русский, но патриот не знающий никаких пределов и мечтатель бесполезный. Самыми занятиями и направлением своим он не только не обещает ничего существенного и истинно важного, но напротив того, может сбивать с толку молодое поколение и сделаться источником вреда... Посему я полагал бы освободить Чижова из-под ареста, но не позволять ему издания журнала, воспретить выезд за границу и учредить над ним секретное наблюдение»⁸⁸. Это предложение было утверждено Николаём I⁸⁹.

Таково решение правительства по делу членов Кирилло-Мефодиевского общества и лиц, связанных с ним.

Что касается предателя Петрова, то он был зачислен чиновником III отделения с выдачей ему 500 руб. серебром. Кроме того, ему было выдано свидетельство об окончании университета со званием действительного студента.

Мотивируя это предложение, гр. Орлов в своем представлении писал следующее: «Испрашивается высочайшее соизволение на предоставление Петрову прав действительного студента по той причине, что по его способностям он вероятно достиг бы этой степени, тогда как ныне, в каком бы университете ни предоставить ему оканчивать курс легко быть может, что учебное начальство, из негодования к его доносу и по тому случаю, что многие известные лица принимают особенное участие в тех, на которых Петров донес, будет стеснять его во время учения

⁸⁷ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, I экс., д. № 81, ч. 15, л. 120.

⁸⁸ Там же, л. 129.

⁸⁹ Дальнейшая судьба Ф. В. Чижова весьма интересна. В конце 50-х годов он редактирует вместе с известным экономистом Бабстом «Вестник промышленности», а с начала 60-х годов развивает бурную деятельность как капиталист-предприниматель. По его инициативе строится Московско-Ярославская железная дорога, он становится одним из главных руководителей Московского купеческого банка и Московского купеческого общества взаимного кредита. В числе ряда крупных капиталистов он приобретает у правительства Московско-Курскую железную дорогу. Наконец Чижов организует товарищество Архангельско-Мурманского пароходства. В результате всей этой деятельности он становится весьма богатым человеком. Все свое состояние (около 6 миллионов рублей) Чижов завещал на устройство профессионально-технических училищ в Костромской губернии. (Краткие биографические сведения о Чижове см. в «Русском биографическом словаре»).

и экзаменов и не удостоят его той степени, которой он достиг бы при обыкновенных обстоятельствах»⁹⁰.

Руководствуясь этими «обстоятельствами», Петрову и был выдан диплом об окончании им юридического факультета Киевского университета

Таким образом, большинство членов Общества, за исключением Шевченко и Гулака, отделались сравнительно незначительными наказаниями.

Чем объяснить это явление? Мы полагаем, что правительство, определяя то или иное наказание, руководствовалось следующими соображениями: во-первых, тем, насколько опасно данное лицо для существующего государственного строя. Отсюда реформистские в основном планы кирилло-мефодиевцев не могли представлять собой серьезной угрозы для существования настоящего образа правления. С тем же, кто казался правительству опасным, как Шевченко и Гулак, оно и поступало со всею присущей ему жестокостью.

И, наконец, во-вторых, заигрывая в той или иной степени с западно-европейским панславизмом⁹¹, правительство также не было заинтересовано в жестокой расправе с кирилло-мефодиевцами, в идеологии которых идеи объединения славян занимали известное место.

* *
*

Несмотря на меры, предпринимавшиеся III отделением, существование Кирилло-Мефодиевского общества и его судьба получили известность. Так, в дневнике за 1847 г. петрашевца Момбелли содержится запись об аресте членов Общества.

«В настоящее время, — заносит он в свой дневник, — в Петербурге все шепчутся и говорят по секрету с видом таинственности об открытом и схваченном правительством обществе будто бы славянофилов. Говорят чрезвычайно различно... Все повторяют согласно, что Шевченко, Кулиш и Костомаров находятся в числе несчастных»⁹².

Более определенные сведения заносит в свой дневник профессор А. В. Никитенко. 2 мая 1847 г., т. е. тогда, когда еще протекало следствие, он пишет следующее: «На юге, в Киеве, открыто общество, имеющее целью конфедеративный союз всех славян в Европе на демократических началах, наподобие Се-

⁹⁰ ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 экз., д. № 81, ч. 1, л. 183.

⁹¹ Западно-европейский панславизм ставил своей задачей объединение всех славянских народов на демократической основе.

⁹² Дело петрашевцев, т. I, М. — Л., 1937, стр. 309.

верн. Американских штатов. К этому обществу принадлежат профессора Киевского университета [Н. И.] Костомаров, Кулиш, [Т. Г.] Шевченко, [П. П. Артемовский] Гулак и проч.»⁹³. Далее Никитенко говорит, что по слухам Общество раскрыто благодаря представлению австрийского правительства.

Упоминание об аресте и ссылке Т. Г. Шевченко содержится также и в переписке В. Г. Белинского⁹⁴.

Событиями на Украине, связанными с судьбой Кирилло-Методиевского общества, интересовался и М. В. Буташевич-Петрашевский. В донесении провокатора Антонелли от 27 февраля 1849 г. содержится следующее: «В рассказе о происшествиях, бывших в Киевском университете, в которых был замешан Шевченко, известное лицо (М. В. Буташевич-Петрашевский.— П. З.) говорило, что заговор этот был открыт студентом Петровым, принятым ныне на службу в III-е отделение... Известное лицо, — продолжал Антонелли, — говорило также, что, несмотря на неуспех помянутого предприятия, оно все-таки пустило корни в Малороссии, чему много способствовали сочинения Шевченко, которые разошлись в том краю во множестве и были причиною сильного волнения умов, вследствие которого и теперь Малороссия находится в брожении»⁹⁵.

Все это говорит о том, что идеи Кирилло-Методиевского общества получили известность.

В целях «охранения духа народного просвещения гр. С. С. Уваров наметил ряд мер, изложенных им в особой конфиденциальной записке, представленной царю 8 мая 1847 г. В начале этой записки, озаглавленной «О славянах», Уваров писал: «Из сведений и бумаг сообщенных мне конфиденциально графом Орловым, явствует, что несколько людей разного звания и происхождения осмелились, под видом будто бы славянства, приступить к преступной мысли — посягнуть на правительство и на общее спокойствие Отечества»⁹⁶.

Эта характеристика Общества вкоре расходится с оценкой, данной ему гр. Орловым во всеподданнейшем докладе 29 мая. По-видимому, шеф жандармов информировал министра народного просвещения о деятельности Кирилло-Мето-

⁹³ А. В. Никитенко. «Моя повесть о самом себе и о том чему свидетель в жизни был». Записки и Дневник 1804—1847, т. I, СПб., 1904, стр. 371.

⁹⁴ См. В. Г. Белинский. Письма, т. 3, СПб., 1914, стр. 318—321. Письмо к П. В. Анненкову.

⁹⁵ Дело петрашевцев, т. III, М.—Л., 1951, стр. 406—407.

⁹⁶ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. канцелярии министра народного просвещения № 735, оп. 10, д. № 193, л. 12.

диевского общества совершенно иначе, нежели сообщал об этом в своем представлении царю.

Далее Уваров пытается определить понятие «славянство», т. е. сущность славянского движения. По его мнению, существует два славянства — «одно русское, другое нам неприятное... В истинном, чистом своем значении русское славянство одушевлено приверженностью к православию и самодержавию»⁹⁷.

Таким образом, «русское славянство», по мысли Уварова, тождественно с теорией «официальной народности» «...Все, что выходит из этой черты, — продолжает Уваров, — не принадлежит к этому славянству: оно или примесь чужих понятий, или игра фантазии, или, наконец, личина, под коей злоумышленники стараются уловить юношей и увлечь мечтателей неопытных»⁹⁸.

Именно подобным «лже-славянским» направлением и характеризуется, по словам Уварова, идеология кирилло-мефодиевцев. «...В замыслах, кои теперь обнаружены перед правительством, слово славянство, — писал Уваров, — служило только недобросовестною завесою, под коей скрывались иные мысли, готовые принять и всякую другую форму, но избравшие славянскую, как сильнее действующую на сокровеннейшую струну русского сердца»⁹⁹.

Выяснив сущность идеологии кирилло-мефодиевцев, Уваров указывал, что «украинскому духу нельзя ставить в вину преступные замыслы нескольких безумцев»¹⁰⁰. По его мысли «дух Малороссии не причастен никакого коварного замысла»¹⁰¹. Также в этом неповинно и университетское образование.

В конце записки Уваров считал необходимым в связи с происшедшими событиями «усугубить все меры предосторожности, и так сказать, воспользоваться этими печальными явлениями, дабы отделить от плевел доброе семя»¹⁰².

В связи с этим он обращался к царю с просьбой разрешить ему принять ряд мер по Министерству народного просвещения. Одной из основных мер Уваров считал издание секретного циркуляра, предназначавшегося полечителям учебных округов. В этом циркуляре «В подтверждение прежних наставлений, — указывал Уваров, — будут им поставлены на вид меры предо-

⁹⁷ Там же, лл. 20—21.

⁹⁸ Там же, л. 21.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, л. 30.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, л. 31.

сторожности, коими они умеют руководствоваться при наблюдении по предмету славянства, определив границы, в коих должно это дело оставаться для достижения полезной своей цели и устранения неудобств и недоумений, могущих овладеть умами как учащих, так и учащихся»¹⁰³.

Это предложение, так же как и записка в целом, было одобрено Николаем I и соответствующие циркуляры направлены были попечителям учебных округов.

История Кирилло-Мефодиевского общества, несмотря на все попытки правительства замолчать его существование, получила широкую известность, и идеология его явилась определенным этапом в развитии передовой украинской общественной мысли.

¹⁰³ ЦГИАЛ., ф. 735, оп. 10, д. № 193, л. 32.

Заключение

Анализ источников и литературы, характеризующих возникновение, деятельность и идеологические позиции Кирилло-Мефодиевского общества, дают нам возможность сделать следующие выводы.

Кирилло-Мефодиевское общество возникло в Киеве на рубеже 1845—1846 гг. Общество отнюдь не представляло собой вполне сложившейся организации и скорее находилось на уровне кружка, члены которого не отличались полным единством взглядов. Это полностью соответствовало уровню состояния политических кружков того времени.

Организаторами Общества явились Костомаров, Гулак и Белозерский, членами его — Навроцкий, Кулиш, Шевченко, Андрузский, Посяда, Савич, Маркович, Пильчиков и, наконец, Петров.

Однако мы полагаем, что этим не исчерпывается состав Общества. Основанием для подобного заключения служит устав Общества, представляющий право отдельным его членам принимать самостоятельно новых лиц. Считая преувеличенным свидетельство Пильчикова, что количество членов Общества составляло почти 100 человек, мы все же высказываем предположение, что состав его членов мог достигать нескольких десятков.

По своему социальному составу Общество в основном состояло из представителей дворянской молодежи Левобережья.

Программные положения Общества изложены в «Уставе Славянского общества св. Кирилла и Мефодия», рукописи «Закон божий», а также в Записке Белозерского, представля-

ющей собой черновой набросок основных программных положений.

Устав, излагающий «главные идеи» и «главные правила» Общества, явился, по-видимому, плодом коллективного творчества организаторов Общества — Костомарова, Гулака и Белоцерского. Рукопись же «Закон божий» является оригинальным произведением, а отнюдь не простой переделкой произведения Мицкевича «Книга народа польского и польского пилигримства»¹. Мы не исключаем возможности существования «Поднестриянки» или какой-либо другой рукописи, которая могла быть положена в основу «Закона божия», однако даже при этом условии оригинальность его очевидна. Не отрицая возможности участия в составлении «Закона божия» и других организаторов Общества, литературным автором его мы считаем Костомарова.

В области философии истории Общество стояло на позициях идеализма: бог — демиург истории, христианская религия — движущая сила ее. Прошлое Украины представляется в идеализированном виде, оно рисуется в форме своеобразной «республики равных», никогда не знавшей ни царей, ни господ. Отношение к действительности резко отрицательное: ненависть к монархическому образу правления вообще и к русскому царизму, угнетавшему украинский народ, в частности; такую же отрицательную оценку встречаем мы в отношении крепостного права.

Социально-политические идеалы Общества заключались в стремлении к уничтожению крепостного права, отмене сословных привилегий и созданию славянской федеративной демократической республики, ведущая роль в которой должна была принадлежать Украине.

Таким образом, в основе идеологии Общества лежит идея национального и социального (в антифеодальном смысле этого слова) освобождения Украины.

Эта идея отражала интересы широких масс украинского народа и являлась бесспорно прогрессивной, коль скоро она была направлена против феодально-крепостнических отношений, против российского царизма.

Тактические положения Общества далеко не разработаны, однако, несмотря на это, реформистский характер его тактических позиций очевиден. Мирная пропаганда в духе религии христовой, распространение просвещения в народе — таков основной путь для претворения в жизнь политических идеалов Общества.

Политические идеалы и тактические положения Общества

¹ Хотя вместе с тем мы отмечаем большое влияние ее на «Закон божий».

дают нам право рассматривать Кирилло-Мефодиевское общество как организацию, объективно отражавшую интересы зарождавшейся украинской буржуазии, политические идеалы которой не вступали в противоречие с интересами широких масс украинского народа, ибо «новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии»².

Идеология Общества представляется нам бесспорно прогрессивной, соответствовавшей интересам не только украинского, но и русского народов.

Политические идеалы Общества, ставившего своей задачей уничтожение русского царизма, а вместе с тем и всей системы феодально-крепостнических отношений, не могли не соответствовать интересам исторического развития России в целом.

Все это позволяет нам рассматривать кирилло-мефодиевцев как представителей передовой общественной мысли, видевших основное зло в существовании феодального строя. «...все общественные вопросы, — говорит Ленин, — сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»³. Эта задача, как мы видим, и лежала в основе политических планов Кирилло-Мефодиевского общества. Идеологические и тактические позиции членов Общества, за исключением Шевченко, более или менее однородны. Все они стояли на либеральных позициях. Отдельные же представители общества проявляли известные колебания в сторону революционных методов борьбы.

Особое место занимал в Обществе великий поэт украинского народа Шевченко, призывавший к беспощадной борьбе с русским царизмом и стоявший на революционных позициях. Единственно, что объединяло Шевченко с кирилло-мефодиевцами, делало его членом Общества, — это лишь общность основной идеи — идеи национального и социального освобождения Украины. Влияние Шевченко на членов Общества чрезвычайно велико.

Наиболее положительное отношение к революционным методам борьбы среди отдельных членов Общества обнаруживал Н. И. Гулак. Если мы не имеем оснований рассматривать Гулака представителем революционного направления, то колебания его между реформизмом и революционными методами достигли больших размеров. Близкую к Гулаку позицию занимает также и Навроцкий.

Идеологические позиции Савича несколько своеобразны, его социально-политические взгляды складываются под влия-

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

³ Там же.

нием идей французского утопического социализма, в частности идей Фурье. Однако он был весьма неуравновешенным, крайне противоречивым человеком, в силу чего давать оценку его политических взглядов весьма затруднительно. Также весьма противоречивы и позиции Андрузского.

Кулиш занимал в Обществе наиболее умеренную позицию. Что касается идеологических позиций остальных членов Общества, то имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности говорить о своеобразии их идейно-политических и тактических положений, отличных от тех взглядов, которые мы находим в программных документах Общества.

Практическая деятельность Общества крайне незначительна. Она заключается лишь в распространении идей Общества и вербовке новых членов, а также в попытках организовать издание книг по различным отраслям знаний на украинском языке в целях распространения их среди народа.

Находясь в стадии организационного оформления, Общество не могло развернуть должным образом свою практическую деятельность, отсюда оно и ограничивалось в основном составлением различных проектов и планов.

Само существование Общества продолжалось всего лишь 13—14 месяцев, и в марте 1847 г. члены его были арестованы.

Та своеобразная оценка, которую дает правительство Кирилло-Мефодиевскому обществу, рассматривая его как организацию, ставившую своей целью объединить все славянские народы под скипетром российского императора, объясняется соображениями правительства, не заинтересованного в констатации наличия национально-освободительного движения на Украине в то время, как внешне-политическая обстановка, наоборот, требовала демонстрации своей внутренней мощи.

Причина относительной мягкости, с которой правительство отнеслось к большинству членов Общества, за исключением Шевченко и Гулака, заключалась в том, что тактика Общества носила реформистский характер. Вследствие этого оно и не представляло какой-либо серьезной угрозы для существующего государственного строя.

Кроме того, правительство не было заинтересовано в жестокой расправе и по другим причинам: так как оно заигрывало с представителями славянского движения в Западной Европе, то ему была невыгодна жестокая расправа с кирилло-мефодиевцами, которые были тесно связаны с ними.

Кирилло-Мефодиевское общество, несмотря на кратковременность своего существования и крайне незначительную деятельность, занимает важное место в истории общественной мысли Украины, объективно выражая в своей идеологии

прогрессивные стремления зарождавшейся украинской буржуазии.

Эта идеология соответствовала в тогдашних условиях социально-экономического развития предреформенной Украины объективным насущным потребностям развития материальной жизни широких масс украинского народа.

Приложение

„Закон божий“¹

§ 1. Бог сотворил мир: небо и землю и населил всяким творением, и назначил над всею землею господином человека, повелел ему раститься и множиться, и узаконил, чтоб род человеческий разделился на поколения и племена; и каждому поколению и племени даровал страну, дабы каждое поколение и племя искало Бога, который от человека близко и так поклонялись бы ему все люди и веровали в него и любили бы его, и все были бы счастливы.

§ 2. Но род человеческий забыл бога, отдался Дьяволу, и каждое племя выдумало себе Богов, и в каждом племени народы выдумали себе Богов, и стали биться за этих Богов, и начала земля поливаться кровью и усеиваться пеплом и костями, и во всем свете стало горе, нищета, болезнь, бедствия и несогласие.

§ 3. Так наказал людей справедливый Господь потопом, войнами, мором и, что всего хуже, неволею.

§ 4. Ибо есть Единый Бог истинный, и он есть единый царь рода человеческого, а люди как скоро натворили себе Богов, то тем самым натворили себе царей, ибо так как в каждом углу был свой Бог, так точно в каждом углу был свой царь, и стали люди драться за своих царей, и земля начала еще более поливаться кровью и усеиваться пеплом и костями, и во всем мире увеличилось горе и нищета, и болезнь, и бедствия и несогласие.

§ 5. Нет другого Бога, кроме того Бога, который обитает в небесных селениях, и везде суц духом своим святым, и хотя

¹ Публикуется по экземпляру, хранящемуся в деле Гулака и являющемуся его автографом (ч. II, приложение к л. 8-н).

люди натворили Богов в образе тварей и человека, но их Боги были не Боги, а страсти и похоти, и управлял людьми отец страстей и похотей человекоубийца диавол.

§ 6. Нет другого царя, кроме одного царя небесного утешителя; хотя люди и натворили себе царей в образе своих братьев-человеков, но то не были настоящие цари, ибо царь, то есть тот, кто всеми управляет, должен быть разумнее и справедливее всех, а разумнее и справедливее всех один Бог, цари же со страстями и похотями, и управлял людьми отец страстей и похотей человекоубийца диавол.

§ 7. И лукавые цари отобрали из между людей сильнейших и нужнейших для себя и назвали их Господами, а других сделали невольниками господ и умножились на земле горе, нищета и болезнь, и бедствия и несчастья.

§ 8. Два народа отличились по достоинству евреи и греки.

§ 9. Евреев сам Господь избрал и послал к ним Моисея, и Моисей установил для них закон, принятый от Бога на горе Синайской, и учредил равенство между ними, чтоб не было у них царя, а знали бы все одного царя Бога небесного, а правлением заведовали бы судьи, избранные народною волею.

§ 10. Но евреи выбрали себе царя, не слушая святого старца Самуила, и Бог скоро показал им, что они сделали нехорошо, ибо, хотя Давид был лучший из всех царей в мире, но и его Бог попустил в прегрешение, так что он отнял у соседа жену. Это же сделалось для того, дабы люди уразумели, что каков бы ни был добродетельный человек, но если он станет властвовать самодержавно, то впадет в порок. И Соломона, мудрейшего из людей, Бог попустил впасть в наивеличайшее безумие — идолопоклонство, дабы люди уразумели, что как бы ни был разумен человек, но если он станет властвовать самодержавно, то обезумеет.

§ 11. Ибо кто скажет сам о себе: я лучше всех и умнее всех, все должны мне повиноваться и почитать меня владыкою и делать то, что мне вздумается, тот согрешает первородным грехом, погубившим Адама, когда он, слушаясь диавола, захотел поравняться с Богом и обезумел; — тот, даже, уподобляется самому диаволу, который хотел поставить себя наравне с Богом и впал в Ад.

§ 12. Ибо есть один Бог: он же и царь, Господь неба и земли.

§ 13. Оттого и еврей, как только назначали * себе царей, и забыли царя небесного, тотчас отпали от истинного Бога и поклонялись Ваалу и Дагону.

§ 14. И покарал их Господь: погибло царство и всех забрали в плен Халдеи.

* В подлиннике «начинали».

§ 15. А Греки сказали: не хотим Царя — хотим быть вольными и равными.

§ 16. И стали Греки просвещеннейший народ в свете, ибо от них пошла науки, искусства и художества, какие у нас теперь есть.

§ 17. Но Греки не познали истинной свободы, ибо хотя отреклись от царей, но не знали царя небесного, и изобретали себе богов, а так [как] царей у них не было, а боги были, от этого они вполнину стали такими, какими были бы, если б они знали небесного Бога. Ибо хотя они много говорили о свободе, а свободными были не все, а только часть народа, прочие ж были невольниками; и так царей у них не было, а господа были и это все равно, как бы у них было много Цариков.

§ 18. И наказал их господь: дрались они между собой и попали в неволю в руки Македонян, а потом Римлян.

§ 19. И так наказал Господь род человеческий, большая часть его, самая образованная, попала в неволю в руки римского императора.

§ 20. И сделался римский император царем народов, и сам себя наименовал Богом.

§ 21. Тогда возрадовался диавол и весь ад с ним, и сказали в аде: вот теперь уже наше царство, человек далеко отступил от Бога, когда один назвал себя и богом и царем вместе.

§ 22. Но в то время сжалился Господь, отец небесный, над родом человеческим и послал на землю сына своего, дабы показать людям Бога, царя и господина.

§ 23. И пришел сын Божий на землю, чтоб открыть истину, дабы та истина освободила род человеческий.

§ 24. И научил Христос, что все люди братья, и ближние все обязаны любить прежде всего Бога, а потом друг друга и наибольшая заслуга у Бога будет тому, кто положит душу за други свои. А кто хочет быть первым, тот должен быть всею слугою.

§ 25. И сам показал собою пример: он был самый разумный и самый справедливый из всех людей, следовательно, царь и господин, но явился не в образе земного царя и господина, а родился в яслях, жил в нищете, избрал учеников не из рода знатного, не из ученых философов, а из простых рыбаков.

§ 26. И стал народ прозревать истину. Тогда испугались лжефилософы и люди римского императора, что истина торжествует, а за истиною будет свобода, и тогда уже не так легко можно дурачить и мучить людей.

§ 27. И осудили на смерть Иисуса Христа Бога, царя и господина, и претерпел Иисус Христос оплевание, заушение, биение и погребение за свободу рода человеческого, потому что не хотели признать его царем и господином, имея другого царя

Кесаря, который сам себя назвал Богом и пил кровь человеческую.

§ 28. А Христос свою собственную кровь пролил за свободу рода человеческого и оставил навсегда свою собственную кровь для питания верным.

§ 29. И воскрес Христос в третий день и стал царем неба и земли.

§ 30. Ученики его, бедные рыболовы, разбрелись по земле и проповедовали истину и свободу.

§ 31. И те, которые приняли слово их, стали братьями — были ли они прежде того господами или невольниками, философами, учеными или невеждами, все стали свободными по крови христовой, которую все равно принимали, все стали просвещенными светом правды.

§ 32. И жили Христиане братством, все было у них общее, и были у них старшие, избранные, и те старшие были всем слуги, ибо Господь сказал: кто хочет быть первым, должен быть всем слугою.

§ 33. Тогда Императоры Римские и господа и чиновники и все клеветы их и философы поднялись на Христианство и хотели искоренить Христову веру; и гибли христиане, их топили, вешали, четвертовали, сожигали, стригали железными гребенками и творили им другие неисчислимые мучения.

§ 34. А вера Христова не умалаялася, но чем более злились кесари и господа, тем более было верующих.

§ 35. Тогда Императоры с Господами условились и сказали между собою так: уж нам не искоренить Христианства, поднимемся на хитрости, примем сами Христианство; извратим учение Христово так, чтоб нам выгодно было, и одурачим народ.

§ 36. И начали цари принимать Христианство и говорят: Вот видите, можно быть и Царем и Христианином.

§ 37. И господа принимали Христианство и говорили: вот видите, можно быть и христианами и господами.

§ 38. А того не понимали, что мало называться только, ибо сказано: не всяк глаголай ми Господи, Господи! внидет в царствие небесное, но творящий волю отца моего, еже есть на небесех.

§ 39. И одурачили Архиереев духовных и мудрецов, те и говорят: истинно так Христос сказал: воздадите Кесарева, Кесареви, а Божия богovi, и Апостол говорит: всяка власть от Бога. Так сам Господь установил, чтоб одни в мире сем были господами и богатыми, а другие нищими и рабами.

§ 40. А говорили они неправду. Хотя Христос сказал: воздадите Кесарева Кесареви, но это сказано потому, что Христос не хотел, чтобы были бунты и несогласия, а хотел чтоб мирно

и любовно распространялась вера и свобода; ибо ежели христианин будет воздавать Кесарева Кесареви, т. е. платить подать, повиноваться закону, то Кесарь, принявши веру, должен отказаться от своего Кесарства ибо он будучи первым, должен быть всем слугою, а тогда б не было Кесаря, а был единый Царь Господь Иисус Христос.

§ 41. И хотя Апостол сказал: всякая власть от Бога, но это не значит, чтоб каждый, присвоивший себе власть, был сам от Бога. Начальство и устройство, и правительство должны существовать на земле, и это власть, и власть эта от Бога, но начальник и правитель обязаны подчиняться закону и народному собранию, ибо и Христос повелевает судиться пред народным собранием; и так как начальник и правитель первые лица, то они должны быть слугами, и не должны делать, что им придет в голову, а должны делать то, что установлено, и не должны величаться и ослеплять великолепием, а должны жить просто и усердно трудиться для общества, ибо *власть их* от Бога, а *сами* они грешные люди, и самые последние из людей, ибо всем слуги.

§ 42. А это еще большая ложь, будто бы бог постановил, чтоб одни господствовали и обогащались, а другие были в неволе и нищите, ибо этого б не было, скоро бы приняли Евангелие: господа обязаны освободить рабов и сделаться их братьями, а богатые должны наделять нищих, и нищие стали бы также богатыми, так было бы, если бы была в сердцах любовь Христианская, ибо кто любит кого, тот желает, чтоб любимому также было хорошо, как и ему.

§ 43. И те, которые так говорили и говорят и извращают Христово слово, те отдадут ответ в день судный; они скажут судье: Господи, не в твое ли имя пророчествовах? А судья скажет — не вем вас.

§ 44. Такими объяснениями цари, господа и ученые осквернили свободу Христианску.

§ 45. Благодать дана всем языкам, а прежде поколению Яфетову, ибо самого отвергнуло Христа в лице Жидов.

§ 46. И пришла благодать к племенам греческому, романскому, немецкому и славянскому.

§ 47. И Греки приняли благодать и запятнали ее, ибо они приняли новую веру, а не совлеклись ветхого человека со страстями и похотями, они оставили у себя императоров и господ и тщеславие царское и неволю; и наказал их Господь: царство греческое чахло тысячу лет и попало под иго Турков.

§ 48. А романское племя — Италиянцы, Французы, Гиппанцы — приняли благодать и вошли в силу, новую жизнь и образованность, и благословил их господь; ибо они лучше приняли святую веру, нежели Греки, однако и они не совлеклись ветхого человека со страстями и похотями, оставили королей и

господ и выдумали главу Христианства Папу, и этот Папа выдумал будто имеет власть над целым миром Христианским и никто не может судить его, а что он вздумает, все то хорошо.

§ 49. И племя немецкое — народы немецкие приняли благодать и вошли в силу и в новую жизнь и образованность, и благословил его Господь, ибо они еще лучше приняли веру святую, нежели Греки и Романцы, и появился у них Лютер, который учил, что должно Христианам жить так, как жили до того времени, когда учение Христово приняли и извратили цари и господа, и чтоб не было неподсудимого главы над Церковью Христианскою, ибо есть единый глава всем Христос, но и Немцы не совлекли ветхого человека со страстями и похотями, ибо и они оставили у себя королей и господ и что хуже всего — позволили вместо Папы и Епископов управлять Церковью Христианскою королям и господам.

§ 50. И была последняя лесть горше первой, ибо не только у Немцев короли, но и в других землях взяли верх, а чтоб удерживать народ в ярме, творили идолов, отвращали людей от Христа и приказывали поклоняться идолам и биться за них.

§ 51. Ибо их политические идеи были все равно что идолы, хотя французы были и крещеные, однако они менее заботились о Христе, нежели о своей *чести национальной*, как назывался их идол, а Англичане поклонялись золоту и мамоне, а другие народы также своим идолам, и посылали их короли на зарез за клочок земли, за табак, за чай, за вино, и табак, и чай, и вино, и прочее стали у них Богами. Ибо сказано, где сокровище ваше, там и сердце ваше. Сердце Христианина с Иисусом Христом, а сердце идолопоклонника со своим идолом. И стало, как говорит апостол, их Богом чрево.

§ 52. И выдумали отступники нового Бога, сильнеешего над всеми мелкими боженятами, этот бог по-французски назывался *эгоизм*, или интерес, а по немецки — *я*.

§ 53. И философы начали кричать: глупо веровать в Сына Божия, нет ни рая, ни ада, все должны повиноваться эгоизму или интересу, или по немецкому «я».

§ 54. Ко всему этому довели короли и господа, и исполнилась мера мерзостей, праведный Господь послал меч свой обоюдоострый на род прелюбодейный; взбунтовались Французы и сказали: не хотим, чтобы были у нас короли и господа, а хотим быть равными и вольными.

§ 55. Но этого не могло быть, ибо только там свобода, где Дух Господень, а Дух Божий давно уже прежде того изгнали из Франции короли, маркизы и философы.

§ 56. И Французы убили Короля своего, и прогнали господ, а сами начали резаться и дорезались до того, что впали в горшую неволю.

§ 57. Ибо на них Господь хотел показать всем языкам, что нет свободы без Христовой веры.

§ 58. И с тех пор племена романское и немецкое метутся, возвратили себе королей и господ, а кричат о свободе, и нет у них свободы, ибо нет свободы без веры.

§ 59. А племя Славянское — меньший брат в семье Яфетовой.

§ 60. Случается, что меньший брат лучше любит отца, однако получает меньший участок, чем другие братья, а впоследствии, как братья старшие потратят свое достояние, а меньшей сбережет свое, то меньшей старших выручает.

§ 61. Племя Славянское еще до принятия веры Христовой не имело ни царей, ни господ, и все были равны, и не было идолов, поклонялись славяне одному Богу Вседержителю. Так пишет о Славянах Грек-историк.

§ 62. Когда просветились старшие братья: Греки, Романцы, Немцы, тогда господь послал к меньшим братьям — Славянам, двух братьев Константина* и Мефодия, покрыл их Господь Духом Святым, и перевели они на Славянский язык священное писание и установили, отправлять богослужение на том языке, на котором все говорили, а этого не было тогда ни у Романцев, ни у Немцев, ибо там на латыни отправляли богослужение, так что Романцы мало, а Немцы ничего не понимали, что им было читано.

§ 63. И Славяне скоро принимали Христову веру, как ни один народ так не принимал.

§ 64. Но были две беды у Славян — во первых, несогласие между собою, и во вторых, они как меньшие братья перенимали все от старших, нужное и ненужное, не видя того, что у них самих собственное лучше было, нежели у старших братьев.

§ 65. И приняли Славяне от Немцев Королей и господ, а прежде того короли были у них выбранные начальники и не тщеславились перед народом, а обедали с простым человеком за равно и сами землю пахали, а после стали у них: великолепие, тщеславие, гвардия, двор.

§ 66. И господ у Славян не было, а были старейшины; кто старше по летам и к тому еще умнее других, того и слушали на собрании народном, а после стали у них господа, а у господ невольники.

§ 67. И наказал Господь Славянское племя, жесточе нежели другие племена, ибо сам Господь сказал: кому дано больше, того больше и взыщется, и попали Славяне в неволю к чужеземцам: Чехи и Полабы к Немцам, Сербы и Болгары к Грекам и Туркам и Великороссияне к Татарам.

* Так в тексте.

§ 68. И казалось: пропадет племя Славянское, ибо те Славяне, которые обитали около Лабы и поморья Балтийского, погибли так, что и следа их не осталось.

§ 69. Но не до конца прогневался Господь на племя Славянское, ибо Господь предначертал, чтобы над этим племенем совершилось писание: камень его же не брегоша зиждущие той бысть во главу угла.

§ 70. По прошествии многого времени в Славянщине стало три независимых царства: Польша, Литва и Московщина.

§ 71. Польша состояла из Поляков; и кричали Поляки: у нас свобода и равенство, но они сотворили себе господ и обезумел народ польский, ибо простой народ попал в неволю, самую горькую какая когда-нибудь была на свете и господа без всякого закона вешали и убивали своих невольников.

✓ § 72. Московщина состояла из великороссиян и была у них великая речь посполитая новгородская, вольная и равная, хотя не без господ, и погиб Новгород за то, что и там завелись господа, и возвысился над всеми Великороссиянами царь московский, а возвысился он, кланяясь Татарам, и ноги целовал хану татарскому, бусурману, чтоб помогал ему держать в неключимой неволе христианский народ великороссийский.

§ 73. И обезумел народ великороссийский и впал в идолопоклонство, ибо царя своего называл земным богом, и все, что царь скажет, считал хорошим, так что, когда царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч в день народу, то летописец, рассказывая об этом, называет его Христоролюбивым.

§ 74. А Литва соединилась с Польшею и в Литве были Литвины, а к Литве принадлежала Украина.

§ 75. И соединилась Украина с Польшею, как сестра с сестрою, как единый народ славянский с другим народом славянским нераздельно и несмесимо, по образу ипостасей божественных, нераздельных и несмесимых, так как некогда соединятся все народы славянские между собою.

✓ § 76. Не любила Украина ни царя, ни пана, и составила у себя казацтво, т. е. братство, куда каждый вступаая, был братом других — был ли он прежде господином или рабом, лишь бы он был Христианин, и были Казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собрании и должны были служить всем, по слову Христову, ибо принимали должности по принуждению, как повинность, и не было никакого господского великолепия и титула между Казаками.

§ 77. И постановили они сохранять: чистоту, оттого старый летописец говорит о Казаках: татьба же и блуд хиже (? — П. З.) именуются в них.

§ 78. И постановило Казацтво охранять святую веру и освобождать из неволи своих ближних. Гетман Свирговский ходил

защищать Волощину, и казаки не взяли блюда с червонцами, когда им давали в благодарность за услуги, не взяли потому, что проливали кровь за веру и за ближних, служили Богу, а не золотому тельцу. А Сагайдачный* разорил Кафу и освободил оттуда несколько тысяч невольников из подземных темниц.

§ 79. И много было рыцарей, которые так поступали, их подвиги не все записаны в книгах мира сего, но записаны на небе, ибо за них пред Богом была молитва тех, которых они освободили из неволи.

§ 80. И день со дня росло и умножалось Казацтво и скоро все люди в Украине стали бы Казаками, т. е. вольными и равными, и не было бы над Украиною ни царя, ни пана, кроме Бога единого, и смотря на Украину, то же бы сделалось и в Польше, а потом и в других славянских землях.

§ 81. Ибо Украина не хотела итти вслед языков, а держалась закона Божия, и каждый чужестранец, захавши в Украину, удивлялся, ибо ни в одном краю на свете так чистосердечно не молились Богу, нигде так муж не любил своей жены, а дети не уважали своих родителей.

§ 82. А когда Папы и Иезуиты хотели насильно подчинить Украину своей власти, чтоб Украинцы Христиане поверили будто в самом деле все так и справедливо, что скажет Папа, тогда в Украине появились братства, такие, какие были у первых Христиан, и всякий записываясь в братство, был ли он господин или невольник назывался братом. А это потому, чтобы все видели, что в Украине осталась древняя истинная вера и что в Украине не было идолов; оттого там и ереси никакие не появлялись.

§ 83. Но господа увидели, что Казацтво возрастает и скоро все люди станут Казаками, т. е. вольными и запрещали своим невольникам вступать в Казацтво и хотели забить народ простой, как скотину, так, чтобы не было в нем ни чувства, ни смысла, и стали господа обдирать своих рабов, отдали их жидам на такую муку, подобную которой только творили над первыми христианами, сдирали с живых кожи, варили в котлах детей, отдавали матерям кормить грудью собак.

§ 84. И хотели господа сделать из народа дерево или камень, и стали их не пускать в церковь, запрещали крестить детей, венчаться, причащаться, хоронить мертвых, а все это для того, чтоб народ простой потерял даже образ человеческий и тогда удобнее можно им управлять.

§ 85. И начали господа мучить и уничтожать Казацтво, ибо такое свободное христианское братство мешало очень господам.

§ 86. Но не так сделалось, как думали господа, ибо Казац-

* В подлиннике Сагайдачный.

ство восстало, а с ним поднялся весь народ, истребили и прогнали господ и стала Украина земля Казацкая, т. е. вольная, ибо все были равны между собою и свободны, — но не надолго.

§ 87. И хотела Украина снова жить с Польшею по-братски, неразделимо и несмесимо, но Польша никаким образом не хотела отречься от своего панства.

§ 88. Тогда Украина пристала к Московщине и соединилась с нею как один народ славянский с другим народом славянским нераздельно и несмесимо, как некогда соединятся между собою все народы славянские.

§ 89. Но скоро увидела Украина, что она попалась в неволю, ибо она по своей простоте не узнала, что такое значит царь московский, а царь московский значил то же, что идол и мучитель.

§ 90. И отпала Украина от Московщины и не знала бедная, куда приютить голову.

§ 91. Ибо она любила и Поляков и Великоруссиян, как братьев своих и не хотела с ними разбрататься, а хотела она, чтобы все жили вместе, соединившись как один народ славянский с другим народом славянским, а эти два соединились бы с третьим, и было бы три Речи Посполитые в одном союзе, неразделимо и несмесимо, по образу Троицы Божественной нераздельной и несмесимой, как некогда соединятся между собой все народы славянские.

§ 92. Но этого не поняли ни Ляхи, ни Великороссияне. И видят польские паны и московский государь, что ничего они не сделают с Украиной, и сказали между собою: не будет Украины ни польским панам, ни московскому царю; раздерем ее на две половины по течению Днепра, который разделяет ее пополам; левый берег будет московскому царю, на поживу, а правый берег польским господам на обдиране.

§ 93. И билась против этого Украина лет пятьдесят: эта святейшая и славнейшая война за свободу, какой подобная едва ли есть в истории, а разделение Украины есть гнуснейшее дело, какое только можно отыскать в истории.

§ 94. Украина потеряла силы; и изгнали Поляки казачество с правой стороны Днепра и властвовали паны над нищими остатками вольного народа.

§ 95. А на левой стороне долее держалось Казачество, но час от часу попадало в неключимую (? — П. З.) неволю московского Царя, а потом петербургского императора, ибо последний царь московский и первый Император петербургский положил сотни тысяч в каналах и на костях их построил себе столицу.

§ 96. А немка царица Катерина, распутница всесветная, безбожница, мужеубийца кончила казачество и свободу, ибо отобравши тех, которые были в Украине старшинами, надели-

ла их дворянством и землями и отдала им вольную их братию в ярмо, одних поделала господами, а других рабами.

§ 97. И погибла Украина. Но так только кажется.

§ 98. Не погибла она, ибо она не хотела знать ни царя, ни господина, а хотя и был царь над нею, но чуждый, и хотя были дворяне, а чужие, а хотя из украинской крови эти выродки, однако они не сквернят своими устами украинского языка и сами себя не называют украинцами, а истинный украинец, будет ли он происхождения простого или дворянского, должен не любить ни царя, ни господина, а должен любить и помнить одного Бога Иисуса Христа, царя и господина неба и земли. Так было прежде, так и теперь продолжается.

§ 99. И Славянщина хотя терпела и терпит неволю, но не сама сотворила неволю, ибо царь и дворянство не славянского духа изобретение, а немецкого и татарского. И теперь в России, хотя и есть деспот-царь, однако, он не Славянин, а Немец и чиновники у него Немцы, оттого и дворяне хотя и есть в России, но они скоро переделываются в Немцев или Французов, а истинный славянин не любит ни царя, ни господина, а любит и помнит одного Бога Иисуса Христа, царя неба и земли. Так было прежде, так и теперь продолжается.

§ 100. Лежит Украина в могиле, но не умерла.

§ 101. Ибо голос ее, который призывал всю славянщину к свободе и братству, разошелся по миру славянскому и отозвался он, этот голос Украины, в Польше, когда 3 мая Поляки постановили, чтобы не было между ними господ, чтоб все они были равны в Речи Посполитой; а этого хотела Украина еще за 120 лет перед тем.

§ 102. И не допустили к тому Польшу, разорвали Польшу, как прежде разорвали Украину.

§ 103. Так Польша и нужно, ибо она не послушалась тогда Украины и погубила сестру свою.

§ 104. Но не погибнет Польша, ибо ее пробудит Украина, которая не помнит зла и любит сестру свою, так как будто ничего не было между ними.

§ 105. И голос Украины отозвался в Московщине, когда по смерти царя Александра Русские хотели изгнать царя и дворянство уничтожить, учредить республику и всех Славян соединить с нею по образу божественных ипостасей нераздельно и несмешимо, а этого Украина хотела и домогалась еще за 200 лет перед тем.

§ 106. И не допустил до того деспот; одни кончили жизнь на виселице, других замучили в рудокопнях, третьи отданы на убой черкесам.

§ 107. И царствует деспот над тремя славянскими народами; правит ими посредством Немцев, заражает, калечит, уничто-

жает добрую природу Славянскую, но ничего он не сделает.

§ 108. Ибо голос Украины не умолкнет, встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям Славянам, и услышат воззвание ее, и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царицы, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сительства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа, ни в Великой России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни у Хорутан, ни у Сербов, ни у Болгар.

§ 109. И Украина сделается независимую Речью Посполитою в союзе славянском. Тогда скажут все народы, указывая на то место, где на карте будет нарисована Украина: вот камень, его же не брегоса зиждущий *, той бысть во главу угла.

* В подлиннике «зиздащие».

Библиография

Источники

а) Офіціальні матеріали

1. Книги битія українського народу. Публ. и примеч. П. Зайцева. — «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 7—35.
2. Из истории «Общества св. Кирилла и Мефодия» (1847). (I. Устав и правила. II Прокламации). — «Былое», 1906, № 2, стр. 66—68.
3. Стороженко Н. Кирилло-Мефодиевские заговорщики. Николай Иванович Гулак. — «Киевская старина», 1906, февраль, стр. 135—152. [Устав Общества, переписка Гулака, выдержки из его показаний и другие документы, стр. 138—152].
4. З ідеології Кирило-Мефодіївців. Записка Василя Білозерського. — «Україна», 1914, кн. 1, стр. 78—83.
5. Матеріяли до історії Кирило-Методіївського братства. Признання Кирило-Методіївців. (Відбиток із збірника пам'яті Тараса Шевченка). Київ, 1915. 157 стр. [Донос А. Петрова и его ответы на вопросы попечителя, донесение об обыске у Марковича, Костомарова, Тулубы, Посяды и Андрузского, показания Костомарова, допросы Тулубы и Посяды, допросы в III отделении Марковича, Гулака, Навроцкого, Андрузского, Костомарова, Шевченко, Белозерского и др., очные ставки Гулака, Костомарова, Кулиша, Навроцкого, Посяды, Андрузского и Шевченко, покаянное письмо Андрузского и другие материалы].
6. Граховецький Д. Матеріяли до арешту кирило-методіївців: Навроцького, Білозерського, Шевченка та инш. — «Україна», 1928, кн. I, стр. 67—72.

7. Нові джерела про Кирило-Методіївське брацтво. — «Наше минуле», 1918, № 2, стр. 171—179.

8. Оксман Ю. Г. Кирило-Методієвці в Новоросії. (Обзор материалов Одесского архивного фонда). — «Борьба классов», 1924, № 1—2, стр. 250—261. [В обзоре публикуются выдержки из документов о Гулаке, Шевченко и Савиче].

9. Об Украйно-Славянском обществе (Из бумаг Д. П. Голохвастова). — «Русский архив», 1892, кн. 2, № 7, стр. 334—359. [Доклад гр. А. Ф. Орлова о Кирилло-Методієвском обществе, переписка Орлова и министра народного просвещения гр. С. С. Уварова с попечителем Московского университета гр. С. Г. Строгановым].

10. Признания Н. И. Костомарова в III отделении. (По неизданным данным). — «Былое», 1907, № 8 (20), стр. 200—228.

11. Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах. Київ, Держполітвидав УРСР, 1950. 515 стр. [Гл. IV. Арешт 1847 року й перші роки заслання (1847—1850), стр. 95—135].

12. Новицький М. Шевченко в процесі 1847 р. і його папери — «Україна», 1925, кн. 1—2, стр. 51—99. [Документи III отделения и переписка Шевченко, стр. 69—99].

13. Матеріали по политическому делу Т. Г. Шевченко. (Редакция Иг. П. Житецкого). — В кн.: Шевченко Т. Твори. В 2-х т. Т. 2. Б. м., 1911, стр. 97—143. [Запрос III отделения в Академию художеств и ответ Академии, перепись вещей, отобранных у Шевченко при аресте, показания Шевченко на допросе, запись очной ставки Шевченко с Андрузским, доклад гр. А. Ф. Орлова и др. материалы].

14. К биографии Т. Г. Шевченко. — «Былое», 1906, № 8, стр. 4—12. [Из материалов следственного дела].

15. Допрос Т. Г. Шевченко в 1847 г. (Из рукописных заметок Н. А. Ригельмана). — «Киевская старина», 1902, февраль, стр. 181—187.

16. Зайцев П. Нові документи про М. Гулака — «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 54—56.

17. Доклад III отделения об Андрузском. — «Былое», 1907, № 9 (21), стр. 132—133.

18. Luciani G. Le Livre de la genèse du peuple ukrainien. Traduit de l'ukrainien avec une introduction et des notes G. Luciani. Paris, 1956. 149 p. [Текст «Закона божия» на украинском и французском языках, стр. 95—143].

б) Воспоминания

19. В. Г. Ш. [Варфоломей Шевченко]. Споминки про Тараса Григоровича Шевченка. — «Правда. Письмо літературно-політичне», Львів, 1876, ч. 1, стр. 23—28; ч. 2, стр. 64—69.

То же [в переводе на русский язык]. — «Древняя и новая Россия», 1876, т. 2, № 5, стр. 83—90.

20. Жизнь Кулиша. — «Правда. Письмо наукове и литературне», Львів, 1868, ч. 2, стр. 19—21; ч. 3, стр. 32—34; ч. 4, стр. 45—46.

21. Костомаров Н. И. Автобиография. Под ред. В. Котельникова. М. 1922, VIII, 440 стр.

То же [за исключением глав 4, 8, 9]. — В кн.: Костомаров Н. И. Литературное наследие. СПб., 1890, стр. 3—217.

22. Костомаров Н. И. Автобиография Николая Ивановича Костомарова. С предисл. В. И. Семевского. — «Русская мысль», 1885, кн. 5, стр. 190—223; кн. 6, стр. 20—54.

23. Костомаров Н. И. Из воспоминаний Н. И. Костомарова. (Арест, заключение, ссылка). — «Вестник Европы», 1910, апрель, стр. 76—87.

24. Костомаров Н. П. А. Кулиш и его последняя литературная деятельность. — «Киевская старина», 1883, февраль, стр. 221—234.

25. Кулиш П. Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове. — «Новь», т. 4, 1885, № 13, стр. 61—75.

26. Кулиш П. Историчне оповіданн. — В кн.: Кулиш П. Хуторна поезія. Львів, 1882.

27. Неслуховский Ф. К. Из моих воспоминаний. — «Исторический вестник», 1890, апрель, стр. 116—153.

28. Николай Иванович Савич. (Прикосновенный к делу украинского Кирилло-Мефодиевского Общества — 1847 г.). — «Киевская старина», 1904, февраль, стр. 229—239.

29. Петров А. М. Из далекого прошлого. (Воспоминания о Кирилло-Мефодиевском обществе). — В сб.: Звенья, кн. 5, 1935, стр. 304—342. [Предисл. и примеч. С. Щегловой, заметка к «Воспоминаниям» М. Успенского].

29-а. Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників. Київ, 1958.

в) Переписка

30. З листування Костомарова. Листування Костомарова з харківськими громадянами про видання народніх книжок. Подав. І. Житецький. — «Україна», 1925, кн. 3, стр. 69—72. [Выдержка из письма А. Метлинского Н. И. Костомарову о намерении Кирилло-Мефодиевского общества издавать книги для народа, стр. 69].

31. Міяковський В. Костомаров у Рівному. — «Україна», 1925, кн. 3, стр. 28—66. [В статье опубликованы письма Костомарова к К. М. Сементовскому].

32. Міяковський В. Люди сорокових років. (Кирило-мето-

дівці в їх листуванні) — В кн.: За сто літ. Матеріяли з громадського й літературного життя України ХІХ і початків ХХ століття. Кн. 2. Київ. 1928, стр. 33—98. [Публикация писем членов Общества. Вводная статья и комментарии В. Мияковского].

33. Письмо Т. Г. Шевченко к Н. И. Костомарову [от 1 февраля 1847 г.]. — «Русская старина», 1875, май, стр. 154—155.

Публицистика

34. Арест гг. Кулиша и Костомарова по рассказу немецких газет в 1847 г. Сообщ. Б. К. Ст-т. — «Русская старина», 1885, октябрь, стр. 123—125.

35. З нових матеріялів до історії Кирило-Методіївського брацтва: I. Записка В. Білозерського про сільські школи. II. Записка М. Костомарова про панславизм. III. Уривок з оповідання Костомарова «Панич Наталич». IV. Малюнок Куліша до народньої пісні. — «Україна», 1924, кн. 1—2, стр. 121—134. [Публикация и вводная статья В. Мияковского].

36. Киевские славянисты сороковых годов. — «Киевская старина», 1897, февраль, стр. 176—187. [Анонимная записка о Кирилло-Методиевском обществе].

37. [Костомаров Н. И.]. Україна. (Письмо к издателю Крококола). — «Колокол», 1860, 15 января, лист 61. [В статье сообщается и о Кирилло-Методиевском обществе].

38. Ламеннэ. Слова верующего. Памфлет. Пер. с франц. В. и Л. Андрусон. СПб., 1906. 107 стр.

39. Мицкевич А. Книга народа польского и польского шиллигримства. Пер. А. Виноградова с примеч. и прилож. М., 1917. 114, 70 стр.

40. Штаб-лекарь Ф. Гладкий [П. А. Кулиш]. Карманная книжка для помещиков и лучший, извлеченный из опыта способ управлять имением. СПб., 1846. 31 стр.

Литература

41. Багалій Д. І. Т. Г. Шевченко і Кирило-Методіївці. Історично-літературна розвідка. За редакц. катедри історії Укр. культури. Харків, Держ. вид. Укр., 1925. 93 стр.

42. Бортников А. И. Кирилло-Методиевское общество. (Главные идеи и цели). — Труды Исторического факультета Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко, т. I, 1939, стр. 221—271.

43. Бортников А. Шевченко і організація Кирило-Методіївського товариства. — Київський держ. університет ім.

- Т. Г. Шевченка. Наукові записки. Збірник Філологічного факультету, № 1. Пам'яті Т. Г. Шевченка. 1939, стр. 275—298.
44. Возняк М. Кирило-Методіївське братство. Львів, 1921. 238 стр.
45. Горбатюк В. Т. Т. Г. Шевченко і Кирило-Методіївське товариство. — Одеський держ. університет. Труды Історичного факультету, т. I, 1939, стр. 45—58.
46. Грушевский М. С. История украинского народа. СПб., 1914. (Глава о Кирило-Методиевском обществе).
47. Грушевський М. Костомаров і Новітня Україна. — «Україна», 1925, кн. 3, стр. 3—20.
48. Грушевський О. З. Настроїв та думок Кирило-Методіївського братства. — «Україна», 1914, кн. I, стр. 71—77.
49. Гуревич З. Молода Україна. До восьмидесятих роковин Кирило-Методіївського братства. ДВУ, 1928. 117 стр.
50. Єгизаров С. Памяти М. І. Гулака, Л. Загурського та О. О. Навроцького. — «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 44—53.
51. Єфремов. С. Біля початків українства. Генезис ідей Кирило-Методіївського Братства. — «Україна», 1924, кн. 1—2, стр. 88—96.
52. Зайончковский П. А. Кирилло-Методиевское общество. Труды Историко-архивного института, в. 3, 1947, стр. 171—216.
53. Зайцев П. «Книги битія», як документ і твір. — «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 22—35.
54. К сведениям об Украинно-Славянском обществе. — «Русский архив», 1893, кн. 2, № 7, стр. 399-406.
55. Кирилюк Є. Шевченко і Кирило-Методіївське братство. — Вісті АН УРСР, 1944, № 3—4, стр. 39—53.
56. Ковмір Ю. О. Т. Г. Шевченко в Кирило-Методіївському товаристві. — Житомирський держ. педагогічний інститут ім. Ів. Франка. Наукові записки, т. I, 1950, стр. 69—87.
57. Конисский А. Я. Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченка. (Критико-биографическая хроника). Одесса, 1898. 730 стр. (Главы «Шевченко на Украине», «Арест Шевченка, следствие, конфирмация», стр. 182—268.)
58. Марковський М. Шевченко в Кирило-Методіївському братстві. — Записки Іст.-філ. відділу Укр. Акад. наук, 1923, кн. 4, стр. 49—57.
59. Маханек К. С. Пермская ссылка Н. И. Гулака — члена и организатора Украинско-славянского общества. (К истории Кирилло-Методиевского общества). — Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. Вып. 8. Исторический факультет, 1941, стр. 78—84.
60. Огоновский О. История литературы русской. Ч. 2. Львов, 1889. 962 стр. (О Кирилло-Методиевском обществе, его про-

грамме и правилах (приведен их текст), стр. 476—482, 750—753).

61. Павловский И. Ф. К истории Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве. — «Русская старина», 1911, декабрь, стр. 692—696.

62. Памяти Николая Ивановича Гулака. — «Киевская старина», 1900, февраль стр. 261—272.

63. Річицький А. Тарас Шевченко в світлі епохи. (Публіцистична розвідка). Видання друге. Б. м., 1925. 228 стр. (Гл. VI. Слов'янофильство и кирило-методіївські братчики).

64. Семевский В. И. Кирилло-Мефодиевское общество. 1846—47 гг. «Голос минувшего», 1918, № 10—12, стр. 101—158. То же (отд. оттиск). — [Пг., 1918]. 42 стр.

То же (с цензурными купюрами) — «Русское богатство», 1911, № 5, стр. 98—127; № 6, стр. 39—67.

65. Семевский В. И. Николай Иванович Гулак. (1822—1899 гг.). — В кн.: Галерея Шлиссельбургских узников. Ч. I. СПб., 1907, стр. 37—55, портр.

66. Семевский В. И. Николай Иванович Костомаров. 1817—1885. — «Русская старина», 1886, январь, стр. 181—212.

67. Слабченко М. Е. Матеріяли до соціально-економічної історії України XIX століття. Т. I. Харків, 1925. 318 стр. (О Кирилло-Мефодиевском братстве, стр. 177—184).

68. Чалый М. К биографии Марковича. — «Киевская старина», 1894, май, стр. 342—345.

69. Шенрок В. П. А. Кулиш. (Биографический очерк). — «Киевская старина», 1901, февраль, стр. 153—174; март, стр. 461—492; апрель, стр. 127—152; май, стр. 183—213; июнь, стр. 344—382; июль, август, стр. 46—102; сентябрь, стр. 304—330; октябрь, стр. 18—44.

70. Шрамченко А. А. А. Навроцкий. — «Киевская старина», 1902, декабрь, стр. 351—381.

71. Щурат В. Основи шевченкових зв'язків з поляками. — Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1917, т. 119—120, стр. 217—347.

То же под загл.: Шевченко і поляки. Основи взаємних зв'язків. Львів, 1917.

72. Ястребов Ф. Т. Г. Шевченко в революційному русі 30—50-х років XIX століття. — В кн.: Пам'яті Т. Г. Шевченка. Збірник статей до 120-ліття з дня народження. Київ, 1939, стр. 53—89.

73. Голомбек И. Bractwo św. Cyryla i Metodego w Kijowie. Warszawa, 1935. 391 p.

См. также № 18.

Библиография

74. Возняк, М. Кирило-Методіївське братство, Львів, 1921. 238 стр. Библиография, стр. 234—138.

75. Клеменова О. М., Гудзий Н. К. и др. Т. Г. Шевченко. Библиографический указатель. М., Огиз—Госполитиздат, 1941. 263 стр. (Кирилло-Мефодиевское братство и Шевченко, стр. 44; Арест и ссылка, стр. 45—47).

76. (Краткая библиография о Кирилло-Мефодиевском обществе).—В. кн.: Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів. Т. 3. Київ, 1929, стр. 473.

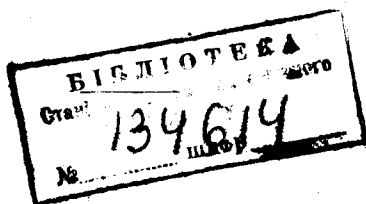
77. Оксман Ю. Г. Новейшая украинская литература о Шевченко и Кирилло-Мефодиевцах. — «Каторга и ссылка», 1929, № 5 (54), стр. 179—182.

Указатель имен

- Аксаков И. С. — 54, 129.
Александр I — 25, 90.
Александр Николаевич вел. кн. — 113.
Андрузский Г. — 5, 16, 21, 25, 30, 68,
69, 70, 71, 72, 73, 75, 78, 95, 96, 105,
106, 107, 109, 111, 115, 119, 121,
122, 123, 125, 131, 132, 133, 134,
135, 143, 146.
Анненков П. В. — 139.
Антонелли — 139.
Арандаренко Н. — 52, 53.
Ашанин П. Л. — 116, 120
Бабст — 135.
Багaley — 29.
де-Бальмен Я. П. — 13, 30, 121.
Белиньи — 99.
Белина-Кентжицкий Ю. — 19, 20, 66,
67, 68, 71, 76.
Белинский В. Г. — 139.
Белозерская Н. Л. — 19.
Белозерский В. М. — 5, 6, 7, 14, 15,
16, 22, 23, 27, 34, 61, 63, 64, 68,
69, 70, 71, 77, 78, 79, 80, 82, 84, 85,
89, 90, 93, 94, 109, 111, 112, 113,
114, 115, 116, 119, 121, 122, 123,
124, 125, 126, 127, 130, 131, 143,
144.
Бельчиков Н. Ф. — 102, 104.
Бецкий — 62.
Бибииков Д. Г. — 43, 45, 46, 48, 56,
103, 115, 118.
Боровиковский — 72.
Бортников А. И. — 31.
Браницкие, гр. — 48, 52.
Бугсгевден — 49.
Бугашевич-Петрашевский М. В. —
139.
Бушен Н. — 6, 116, 120.
Вассал — 41.
Вильцин — 6.
Воблый К. Г. — 50, 54.
Виноградов — 8.
Виргилий — 57.
Возняк М. — 28, 87.
Вольтер — 61.
Вородинов В. А. — 6, 116, 120.
Воронцов гр. — 56.
Галаган Г. И. — 6, 47.
Галка И. — 62.
Ганка — 83, 89.
Герцен А. И. — 55.
Гладкий Ф. — 21, 107, 108.
Голомбек — 20, 33.
Голово Н. М. — 74.
Горбатиюк В. Г. — 32.
Грановский Т. Н. — 55.
Гребенка Е. П. — 57.
Грушевский М. С. — 23, 27, 28.
Гулак И. И. — 40, 64, 119.
Гулак Н. И. — 5, 6, 7, 8, 14, 15, 16,
20, 21, 22, 24, 34, 36, 40, 61, 64,
65, 68, 69, 70, 71, 73, 76, 77, 83,
89, 92, 94, 95, 96, 98, 104, 109, 112,
113, 114, 115, 116, 118, 119, 120,
121, 122, 123, 124, 126, 131, 132,
133, 135, 138, 139, 143, 144, 145,
146.
Гулак-Артемковский — 34, 57, 61, 139.
Гуревич З. — 30.
Гуржий И. А. — 47.
Даламбер — 61.
Дидро — 61.
Дехгерев — 52.
Дмитерко Я. Д. — 104.

- Долгоруков, кн. — 56.
 Дорошкевич — 78.
 Драгоманов М. П. — 19.
 Дружинин Н. М. — 87.
 Дубельт Л. В. — 7, 99, 118, 124, 126, 127, 134.
 Журавский Д. П. — 40, 43, 53.
 Екатерина II — 10, 24, 82.
 Заболотский — 112.
 Завадский — 114.
 Загурский — 78.
 Зайцев П. — 35.
 Иван IV — 129.
 Игнатович И. Н. — 43, 44, 47.
 Инокентий — 63.
 Иславин В. А. — 116, 120.
 Каменский — 40.
 Квитко-Основьяненко Г. — 57, 58, 54.
 Керстен — 6.
 Кеккен П. — 42, 46.
 Кирилл и Мефодий — 88, 120.
 Ковмир Р. О. — 32.
 Конисский А. Я. — 17, 18, 24, 69, 76 77.
 Кореницкий — 63.
 Корсун — 62.
 Котляревский И. П. — 57, 58, 59, 63.
 Костомарова А. Л. — 14, 19.
 Костомаров Н. И. — 5, 6, 7, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 34, 35, 36, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 77, 78, 83, 85, 86, 87, 89, 91, 94, 95, 97, 98, 102, 108, 111, 112, 113, 115, 120., 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 130, 131, 133, 138, 139, 143, 144.
 Кулиш А. М. — 5.
 Кулиш П. А. — 5, 6, 16, 17, 18, 21, 23, 25, 27, 30, 57, 59, 63, 67, 70, 71, 76, 77, 78, 89, 102, 105, 107, 108, 112, 113, 115, 116, 119, 121, 122, 123, 124, 130, 131, 132, 133, 134, 138, 139, 143, 146.
 Кушелев, гр. — 51.
 Кухаренко Я. Т. — 57, 59.
 Ламенне — 80, 81.
 Левицкий — 74.
 Ленин В. И. — 32, 33, 41, 42, 45, 53, 56, 58, 60, 82, 91, 101, 145.
 Лермонтов М. Ю. — 58.
 Лессаж — 102, 103, 104.
 Люсиани Ж. — 33, 34, 35, 36.
 Лукашевич Л. А. — 57.
 Мазурова — 133.
 Мария-Тереза — 10.
 Максимович М. А. — 34, 57.
 Малов — 22, 118, 119.
 Маркович Аф. В. — 6, 16, 22, 63, 70, 71, 72, 78, 112, 113, 115, 120, 122, 123, 131, 132, 135, 136, 143.
 Марсейль — 41.
 Маслов — 75.
 Метлинский — 34, 77, 112, 113.
 Мицкевич Адам — 7, 8, 9, 10, 12, 26, Момбелли Н. А. — 28, 73, 102, 103, Муравьев Н. М. — 27, 87, 91.
 Навроцкий А. А. — 5, 21, 68, 70, 73, 71, 72, 78, 112, 113, 115, 120, 122, 123, 131, 132, 133, 135, 143, 145.
 Небольсин Х. — 53.
 Неслуховский Ф. К. — 63.
 Никитенко А. В. — 138, 139.
 Николай I — 7, 12, 22, 48, 60, 83, 99, 116, 117, 118, 122, 124, 126, 128, 131, 132, 133, 137, 140, 141.
 Новицкий М. М. — 22.
 Огоновский — 21.
 Одоевский В. — 112.
 Орлов А. Ф. — 6, 7, 12, 21, 22, 35, 97, 99, 115, 116, 117, 118, 119, 125, 127, 128, 130, 131, 132, 134., 135, 136, 137, 139.
 Остин — 99.
 Ошанин — 6.
 Паскевич И. Ф. — 35, 116.
 Пассек В. В. — 53.
 Петр Великий — 82.
 Петренко — 62.
 Петрова — 6.
 Петров А. М. — 6, 15, 16, 20, 21, 22, 24, 68, 69, 70, 73, 91, 92, 94, 95, 96, 98, 99, 114, 115, 116, 118, 123, 136, 137, 138, 143.
 Пильчиков Д. П. — 24, 63, 68, 69, 70, 75, 76, 77, 78, 89, 108, 112, 122, 143.
 Писаревский — 63.
 Плетнев П. А. — 78.
 Подгурский — 20.
 Поддубная А. — 46.
 Покровский М. Н. — 30.
 Понятовский — 51.
 Попов М. М. — 16, 23, 27, 124, 126, 127, 130.
 Посяда И. Я. — 5, 15, 68, 70, 72, 73, 76, 78, 83, 96, 97, 112, 115, 119, 122, 123, 131, 132, 133, 135, 143.
 Прозоровский — 41.
 Прут В. — 48.
 Пушкин А. С. — 58.
 Пыпин А. И. — 57.
 Радзивилл, кн. — 51.
 Радищев А. Н. — 58.
 Разумовский — 51.

- Ригельман Н. А. — 6, 21, 22, 116.
 Романовы — 99.
 Рылеев К. Ф. — 58.
 Савич — 5, 21, 25, 30, 70, 73, 78, 91,
 97, 98, 99, 115, 120, 121, 131, 132,
 135, 136, 143, 145.
 Самарин Ю. Ф. — 41, 42, 45.
 Селиванов — 127.
 Семевский В. И. — 23, 24, 25, 26, 27,
 28, 34, 74, 86.
 Сен-Симон — 97.
 Сердюков — 6.
 Сидорук Д. — 36, 37.
 Симиренко — 51.
 Скальковский А. — 41, 54.
 Скобелев — 95.
 Слабченко М. Е. — 29, 30, 41.
 Славин — 6.
 Срезневский И. И. — 57.
 Стольпин П. А. — 24.
 Стороженко — 22, 24, 63.
 Строгонов А. А. — 108.
 Строгонов С. Г. — 21.
 Судовщиков — 78, 122.
 Тарновский В. В. — 63.
 Тиханович — 77, 112.
 Траскин — 20, 114, 115.
 Грубецкой С. Г. — 87.
 Тулуб А. — 6, 77, 115, 120.
 Уваров С. С. — 21, 22, 130, 139, 140.
 Фомин П. — 52.
 Франко И. — 32.
 Фридрих П. — 10.
 Фундуклей И. И. — 40, 43, 51.
 Фурье — 97, 98, 146.
 Хмельницкий — 6, 13, 14, 127, 131.
 Христос Иисус — 8, 9, 10, 80, 82.
 Чижов Н. В. — 6, 115, 120, 136, 137.
 Чуйкевич П. — 6, 77, 116.
 Шафарик — 34, 74, 89.
 Шевченко В. Г. — 17, 18.
 Шевченко Т. Г. — 5, 16, 17, 18, 20, 21,
 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31,
 33, 34, 35, 56, 57, 58, 59, 60, 64,
 66, 67, 68, 69, 70, 73, 74, 75, 76,
 78, 81, 84, 87, 89, 99, 100, 101, 102,
 103, 104, 108, 112, 115, 117, 119,
 122, 130, 131, 132, 133, 138, 139,
 143, 145, 146.
 Ширинский-Шахматов — 130.
 Щеголев — 62.
 Щурат В. — 87.
 Эйзенхауэр — 37.
 Юзефович — 114.
 Юсупов, кн. — 57.
 Ястребов Ф. А. — 30, 31, 41, 51.
 Яхненко — 51.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I. Обзор источников и литературы	5
Глава II. Украина в 40-е годы	39
Глава III. Возникновение и состав общества	61
Глава IV. Идеология и тактика Общества	79
Глава V. Арест и следствие	111
Заключение	143
Приложение	149
Библиография	161
Указатель имен	169

НБ ПНУС

134614

П. А. Зайончковский

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО
(1846—1847)

Редактор С. А. Пустовойт
Технич. редактор М. С. Ермаков

Сдано в набор 21/V 1958 г. Подписано к печати 19/1 1959 г.
Л-119507, Изд. № 935. Формат 60×92/16 Печ. л. 10,75. Уч.-изд. л. 10,28.
Тираж 3000. Заказ 575. Цена 6 р. 15.

Издательство Московского университета, Москва, Ленинские горы
Типография Издательства МГУ, Москва, Моховая, 9.